

Иоанна
Хмелевская
Что сказал
покойник

140 стр.
120201.5

КРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Annotation

Случайное стечение обстоятельств приводит к тому, что героиня повести И. Хмелевской «Что сказал покойник» оказывается единственной обладательницей тайны, скрывающей местонахождение гангстерских сокровищ. Бандиты захватывают Иоанну (героиня повести носит то же имя, что и автор книги, благодаря чему у читателя создается впечатление абсолютной достоверности описываемых событий). Гангстеры доставляют пленницу на свою базу и пытаются выведать у нее заветный шифр, чтобы затем избавиться от опасного свидетеля...

-
- [Иоанна Хмелевская](#)

○

Иоанна Хмелевская

Что сказал покойник

Алиция ежедневно звонила мне на работу в обеденное время. Так было удобно нам обеим. Но в тот понедельник у нее были какие-то дела в городе, потом она опаздывала на встречу с Торкилем, так что позвонила мне лишь во вторник.

Фриц ответил, что меня нет. Она поинтересовалась, когда я буду. По-датски Алиция говорила уже совсем свободно, и ей без труда давались даже весьма изысканные и сложные обороты. Фриц ответил, что не знает, и на этом, скорее всего, их разговор и закончился бы, если бы Фриц вопреки датским обычаям не прибавил кое-что от себя (Алиция, уже изучившая датчан, по собственной инициативе ни за что не спросила бы больше ни о чем).

– Боюсь, не заболела ли она, – вот что добавил Фриц. – Вчера ее тоже не было.

Это встревожило Алицию, она стала расспрашивать и выяснила, что мое отсутствие весьма странно, ибо, во-первых, в конце прошлой недели я была здорова как бык, во-вторых, никого не предупредила, что не приду, в-третьих, я прекрасно знала, что у нас много работы, и даже обещала несколько рисунков закончить побыстрее, а уж если обещала, то всегда держала слово. И вот рисунки лежат на столе незаконченные, а меня нет. Чрезвычайно странно.

Обеспокоенная Алиция позвонила мне домой. К телефону никто не подходил, но это еще ни о чем не говорило. Я могла куда угодно выйти, а домработницы не было дома. Поэтому Алиция позвонила еще раз поздно вечером и узнала от домработницы, что меня нет, домработница не видела меня с воскресенья, в моей комнате нормальный беспорядок.

На следующий день, уже не на шутку обеспокоенная, Алиция с утра висела на телефоне. Меня нигде не было. Домой на ночь я не возвращалась. Никто ничего не знал обо мне. Расспросы Алиции очень встревожили Аниту, с которой я договорилась встретиться во вторник, но не пришла и не подавала никаких вестей, а ведь Анита переводила мою книжку, в чем я была заинтересована куда больше ее. Весь вечер она была вынуждена переводить одна, злилась, названивала мне, а меня все не было и не было.

Все это заставило Алицию задуматься. Подумав, она вечером в четверг

после работы пришла ко мне домой. Поговорив с домработницей, она осмотрела квартиру, проверила наличие моих вещей, прочла вопреки своим принципам заправленное в пишущую машинку мое письмо к Михалу, хотя это ей ничего не дало (ибо письмо состояло в основном из рассуждений на тему: каковы шансы Флоренс на победу в очередных скачках), потом напилась кофе, посидела за столом и ничего не решила. Какое-нибудь любовное приключение? Не похоже на меня. Уж скорее можно предположить, что мне очередной раз что-то втемяшилось в голову и я решила немедленно ехать в Польшу. Причем ехать в чем была – без вещей, без денег, без документов, которые лежали в столе и среди которых не хватало только паспорта. Алиция обзвонила все больницы, звонила в полицию и пожарную команду. Никто обо мне ничего не знал, я как сквозь землю провалилась.

Дипломатично, с большими предосторожностями Алиция позвонила в Варшаву своей подруге и попросила узнать, нет ли меня там. Не было. Более того, мои родные как раз получили от меня письмо, в котором я сообщала, что вернусь только через несколько месяцев.

Алиция подождала еще сутки и наконец решила заявить в копенгагенскую полицию об исчезновении ее подруги, гражданки Польши.

Полиция соизволила проявить интерес к моей персоне – сначала умеренный, потом повышенный, поскольку происходящим заинтересовался инспектор Йенсен, лично знавший меня. Не очень близко, но достаточно, чтобы понять, что я способна на что угодно. Полиция стала выяснять, кто же последний видел меня. И где.

Из всех опрошенных последней видела меня домработница. В воскресенье утром я ушла из дому как раз в то время, когда она чистила ковер в прихожей. На вопрос блюстителей порядка, куда это я могла отправиться, Алиция, не задумываясь, ответила: в Шарлоттенлунд, на бега. Блюстители двинулись по моим следам в Шарлоттенлунд. Их миссию значительно облегчал тот факт, что опять наступило воскресенье, то есть создались условия, подобные тем, что и неделю назад: опять были скачки и трибуны заполнила толпа.

Для начала они наткнулись на Лысого Коротышку. Отсидев сколько положено, он уже давно пользовался заслуженной свободой. Ничего не скрывая, честно и откровенно Коротышка признался полицейским, что действительно видел меня неделю назад и даже разговаривал со мной. Я произвела на него впечатление человека, довольного жизнью, поскольку была в выигрыше. Сколько я выиграла? Пару кусков. Точнее? Ну, приблизительно четыре тысячи шестнадцать крон. Любой был бы доволен

жизнью. Да, я разговаривала и с другими, да, он это сам видел, околачиваются тут два типа, с ними он меня и раньше видел. И в то воскресенье я тоже разговаривала с ними, а что дальше, он не знает.

Добрались и до тех двух. Они оказались французами. Французы подтвердили, что действительно я что-то выиграла, возможно, порядочно, они действительно разговаривали со мной, так как я хорошо знаю французский язык, а вот что было дальше, они не знают. На все вопросы они отвечали предельно кратко и уклончиво, полиции это показалось подозрительным, и она активизировала свои поиски, в результате чего был выявлен один тип, который, правда, меня не знал и даже не разговаривал со мной, но обратил на меня внимание. Просто потому, что я ему нравилась – может, у него дурной вкус, понравилась, и все тут.

Так вот, этот, с дурным вкусом, дал показания, что с французами я разговаривала уже напоследок и ушла вместе с ними. Он тоже выходил и видел, как мы вместе сели в какую-то машину, а что было дальше, он не знает. И очень жалеет, что сегодня меня нет.

Припертые к стене, французы стали выкручиваться и давать противоречивые показания: они подбросили меня на машине до станции, они высадили меня в центре города, это была их машина, не их машина, машина одного знакомого, машина одного незнакомого. В конце концов они так запутались и так явно старались что-то скрыть, что вызвали подозрения у инспектора Йенсена. Было допрошено еще несколько свидетелей: завсегдатаи бегов обычно знают друг друга, я же, иностранка, была особенно заметна. Удалось установить, кому принадлежала машина. Выяснилось, что ее владелец уже давно был на заметке у полиции.

Инспектор Йенсен лично занялся моим делом, что чрезвычайно удивило Алицию. К тому времени она уже знала, что он является весьма важной фигурой в датской полиции, и никак не могла понять, почему я представляю для нее такой интерес. Если бы я совершила какое-нибудь грандиозное преступление, ей, самому близкому мне человеку, было бы наверняка все известно, так в чем же дело? Однако инспектор Йенсен знал, что делает.

Припертые еще крепче к стенке, французы (как и хозяин машины) сказали наконец правду. Ничего не поделаешь, приходится сознаваться: после бегов я поехала с ними в некий притон, где нелегально играли в покер и рулетку, кажется, выигрывала, кажется, очень много, видно, такой уж счастливый день у меня выдался. А потом они как-то потеряли меня из виду. Сами они проигрались и рано ушли, а я, кажется, осталась. Где этот притон? А в старой развалюхе на улице Нильса Юэля, возле канала.

Только тогда в умах полицейских чинов забрезжили первые, еще нечеткие ассоциации. Датскую полицию залихорадило.

Дело в том, что Интерпол подготавливал большую и сложную операцию по ликвидации мафии, захватившей в свои руки игорные дома. Планировалось нанести удар одновременно в нескольких странах. Полиция надеялась схватить всех главарей мафии и завладеть ее капиталами. Налет полиции на притон на улице Нильса Юэля был совершен в рамках акции. Налет оказался удачным, игроков застали на месте преступления, даже обнаружили свежий труп. Притон прикрыли, порок был наказан. Получается, что она, то есть полиция, должна знать обо мне больше всех, раз я была в том притоне. И что же? Ничего не знает. Меня в притоне не оказалось. И что самое неприятное, эта операция – налет – подтвердила подозрение, что шайка, а точнее, мощный международный синдикат преступников имел своих людей во всех полициях всех стран, где действовали отделения синдиката. Слабое, конечно, утешение. Тем более что все акулы и другая крупная рыба преступного мира ускользнули, а труп не мог дать никаких показаний. Некоторые из задержанных полицией мелких рыбешек и просто игроки показали, что видели меня в притоне, что я делала ставки, а потом поднялась жуткая суматоха, и куда я делась – не знают.

Итак, я исчезла, как камень, брошенный в воду. Мой след был затерян.

Я сама, разумеется, прекрасно знала, где я нахожусь и что со мной происходит, только у меня не было никакой возможности сообщить о себе. Происходило же со мной вот что.

В ту пятницу – перед роковым воскресеньем – мне наконец удалось купить прекрасный и очень дорогой географический атлас мира, о котором я давно мечтала. Купила и из-за своей дурацкой рассеянности забыла его на работе. Кроме того, я оставила там на вешалке в авоське польско-английский словарь и наполовину связанный шарф из белого акрила. Дело в том, что в прошлый четверг мы договорились с Анитой встретиться, но она не могла, мы перенесли встречу на вторник, мне не хотелось все таскать домой и обратно, и я оставила сетку на работе. Анита переводила мою книгу, словарем мы пользовались в творческом процессе, а шарф я вязала по ходу дела. У Аниты были заняты руки и голова, у меня только голова, так что руки я могла использовать для создания материальных ценностей. А словарь был жутко тяжелый, и, понятно, мне не хотелось, чтобы он сопровождал меня повсюду.

Шарф и словарь могли спокойно висеть себе на вешалке, но вот атлас... Я очень расстроилась, что забыла его, ведь я так мечтала полистать

его в уик-энд, не говоря уже о том, что такую дорогую и желанную вещь хотелось бы все время иметь под рукой, смотреть на нее и вообще чувствовать, что она у тебя есть. Вот я и решила заскочить на работу в воскресенье по пути в Шарлоттенлунд. Конечно, удобнее было бы заехать за вещами на обратном пути, но к тому времени на работе могли запереть парадную дверь.

Так я и сделала. Атлас, хотя и с большим трудом, поместился в сетку рядом со словарем. Сетка была ужасно тяжелая, поэтому на ипподроме я сдала ее в гардероб. Боясь, что я ее там забуду, повторяла все время про себя: «Не забыть сетку, не забыть сетку». Я сконцентрировала все свои умственные способности на этой проблеме и благодаря этому выиграла.

В пятом заезде я поставила на Фукса и стала с нетерпением ожидать, что же из этого выйдет, так как до сих пор побеждали сплошные фавориты, прямо зло брало. Правда, на одном фаворите я выиграла-таки 68 крон, но ведь это мелочь, позор для моего гонора. Протест моего польского гонора против несправедливости проявился в том, что я стала ставить подряд в каждом заезде на 6–4. Сказать, почему я так делала, не могу. Может быть, потому, что когда-то, несколько лет назад, нам с Михалом жутко не везло именно с порядком 6–4, ни разу мы не выиграли на него. Я решила отыграться теперь и упрямо ставила на 6–4, понимая что это не сулит абсолютно никаких надежд.

Так вот, перед пятым заездом я стояла в очереди в кассу и упорно повторяла про себя: «Не забыть сетку, не забыть сетку». В тот момент, когда подошла моя очередь, я напрочь забыла все номера, на которые мне рассудок подсказывал делать ставку, момент был напряженный, за мной толпились возбужденные нетерпеливые люди, кассир торопил меня, и я по привычке брякнула: «Шесть-четыре».

Сидя на открытой трибуне, на ледяном ветру, я ошеломленно смотрела, как побеждают мои 6–4. Совершенно обалдевшая, дрожа от холода и азарта, досидела я так до конца заезда. Потом спустилась с трибуны и с упоением выслушала хриплое объявление по радио, что я выиграла четыре тысячи шестнадцать крон.

Идя в кассу, я встретила Лысого Коротышку. Меланхолически показал он мне свой билет 6-12, и я выразила ему сочувствие. В самом деле, лошади пришли в такой последовательности: 6-4-12, причем последняя в заезде отстала от предыдущей всего на какие-то полморды. В свою очередь я показала свой билет. Коротышка торжественно поздравил меня, и я проследовала в кассу.

Получив деньги, я купила бутылку пива и, зажав ее в руке, пошла в

народ. Настроение у меня было расчудесное, душу переполняла любовь ко всему свету. В толпе я наткнулась на знакомых французов – одного белого, другого черного. Я всегда пользовалась случаем поболтать с ними, чтобы попрактиковаться в любимом языке. Тут я вспомнила, что они как-то упомянули в разговоре о нелегальном игорном доме.

– Совершенно исключительный случай! – радостно объявила я. – У меня есть деньги!

– Мадам выиграла? – заинтересовались французы.

– Да, я угадала эти самые шесть-четыре. Так как будет с рулеткой? Сегодня можно?

– В любой день можно, – пробормотал белый, внимательно разглядывая лошадей. – Поставь на семерку, должна же она когда-то прийти...

Черный кивнул и направился к кассе, а белый обратился ко мне:

– Так вы надумали? Всерьез? Вам известно, что это нелегально?

– Известно. И я надумала.

– За вход надо платить пятьдесят крон.

Я хлебнула пива из бутылки.

– И правильно, ведь, если бесплатно, подумают, что предприятие несолидное, никакого доверия. А сегодня для меня на редкость подходящий день, в крайнем случае я лишь спущу то, что выиграла.

– Никому ни слова об этом, – предостерег француз.

Я обещала хранить тайну, и мы расстались, договорившись встретиться, чтобы вместе отправиться в притон.

Сетку из гардероба я предусмотрительно взяла еще до последнего заезда. В этом заезде, к счастью, никто из нас не выиграл, так что не нужно было стоять за деньгами в кассу. Все трое, французы и я, уселись в роскошный «форд». Его вел какой-то незнакомый мне тип. Я решила, что это наверняка один из датских миллионеров, имеющих собственные столики в богатых ресторанах, где я никогда не бывала, поэтому и физиономии его нигде не встречала. Впрочем, я тут же перестала о нем думать, переключившись на предстоящее мне удовольствие. Настроение у меня было отличное – после выигрыша и выпитого пива.

Не обращала я внимания и на то, где мы ехали. Помню, что промелькнул Конгенс-Нюторв, и вскоре мы остановились на тихой улочке перед старым домом. Я старалась угадать, поднимемся ли мы на чердак или спустимся в подвал.

Оказалось, ни то, ни другое. Мы прошли через двор, мои спутники подошли к какой-то двери, позвонили, о чем-то переговорили по-датски,

нам открыли, мы вошли и самым обыкновенным образом поднялись на четвертый этаж. Там опять была дверь, мы опять позвонили, опять несколько слов по-датски, и нас пустили. Какой-то человек с вежливым поклоном взимал плату за вход в размере 50 крон с носа.

Внутри все выглядело совсем обыкновенно, как в обычной большой квартире в старом доме, с той лишь разницей, что гости не раздевались в прихожей, а в полном обмундировании проходили в комнаты. Мое полное обмундирование сразу же доставило мне неприятности.

Дело в том, что, отправляясь в Шарлоттенлунд, я настроилась провести несколько часов на открытой трибуне. Датский климат мало чем напоминает флоридский. Я напялила на себя множество теплых вещей: шерстяную клетчатую юбку, свитер из кроличьего пуха и сверху такую же кофту, колготки, теплые, прошу прощения, рейтузы, зимнее пальто на меху, теплые сапоги и шерстяной шарф. Уверена, что во всей Дании не нашлось бы второго человека, так тепло одетого, ибо по календарю уже наступила весна, а датчане свято верят в печатное слово.

На голове у меня были платиновый парик и черная кожаная шляпка. Парик я купила недавно, и до сих пор у меня не было случая показаться в нем. Правда, бега тоже не самый подходящий случай, но меня с утра мучила проблема, как быть с головой. Выбор у меня был небольшой: болгарская меховая шапка и кожаная шляпка. В меховой шапке я выглядела бы совсем по-зимнему, то есть нелепо, а в одной кожаной шляпке мне было бы холодно. Вот я и решила, что лучшим выходом будет парик, в котором тепло голове, и шляпка, которая прекрасно сидит на парике. Таким образом, на мне был платиновый парик, к нему я совершенно произвольно сделала соответствующий макияж, что и породило все несчастья, вскоре свалившиеся на меня.

– В этой комнате играют в покер, а рулетка – в следующей, – объяснил мне француз. – Предупреждаю, все свои вещи держите при себе, чтобы можно было в любой момент смыться.

Он улыбнулся, извиняясь, что покидает меня, и мгновенно затерялся в толпе игроков. Я направилась во вторую комнату, где действительно была рулетка, и даже две рулетки. Возле одной из них как раз освободилось место, которое я поспешила занять. Пальто я сняла и просто накинула на плечи, все, что можно было расстегнуть, расстегнула, сетку и сумку засунула под стул и осмотрелась. Помещение было наполнено людьми, дымом и смрадом. Освещались только столы, все остальное помещение тонуло в полумраке. Общество составляли почти исключительно мужчины, я насчитала всего четырех старушек – поразительно мало для Дании.

Возможно, их было и больше, но я уже не считала, так как занялась делом.

Сначала я решила подождать, присмотреться, понять принцип игры и узнать, какие номера выигрывают. Благое намерение, что и говорить, но осуществить его мне не удалось. Все еще находясь в восторженном состоянии, я не успела оглянуться, как поставила 20 крон на четырнадцатый номер. Теоретически минимальная ставка была 5 крон, но при мне меньше двух десятков никто не ставил. Чтобы, не дай Бог, не скомпрометировать себя, я тоже начала с 20 крон, поставила их на четырнадцатый номер, сама не знаю почему, и выиграла.

Тут же передо мной встала новая проблема. Дело в том, что в Шарлоттенлунде мне выплатили выигрыш купюрами по 100 крон, так что моя сумка была до отказа набита деньгами, не говоря уже о всяком другом необходимом дамском барахле; дальнейшие поступления мне просто некуда было складывать. Игра шла на наличные, крупье придвинул ко мне кучку мелочи, я решила сначала ее быстренько проиграть, а потом уже подумать над решением проблемы.

Мне удалось спустить половину, а потом я поставила на черное, четное и на четыре номера сразу. И все вышло, вернее, из четырех номеров выиграл, конечно, один, чудес не бывает, но я все равно опять получила кучу мелочи. Четыре раза подряд я ставила на нечетное и выигрывала. Крупье выплачивал мне уже крупные суммы. Тут я отважилась опять покуситься на номер. Сто крон мелочью я поставила на восьмерку, и восьмерка вышла. Ничего не поделаешь, деньги надо было куда-то девать, я принялась заталкивать их в сетку, где лежал атлас. Сетка моя была не сетчатой, а из обычной ткани, что оказалось весьма кстати. Мелочь продолжала меня раздражать, я ставила ее, не считая, на что попало, и упорно выигрывала. Просто проклятие какое-то!

Наконец я придумала хитрый способ избавиться от мелких денег. Я бросила на красное горсть мелочи (потом оказалось, что там было 120 крон) в надежде, что пропадет же она в конце концов. Красное выиграло. А я опять бросила. Красное выигрывало, а я ставила и ставила, одновременно пытаюсь пересчитать то, что было у меня на руках и на коленях, и раскладывая деньги стопками по сотням, чтобы хоть как-то разобраться в них. Десятикроновыми бумажками я могла бы уже наполнить мешок из-под картофеля. Среди десятков то и дело попадались более крупные купюры. Красное выигрывало с постоянством, достойным лучшего применения. Вместе с крупными банкнотами крупье продолжал подсовывать мне и мелочь, так как честно подсчитывал все до последнего гроша, и я окончательно пала духом. Отказавшись от неравной борьбы с мелочью, я

сгребла грудку денег с красного, которое тут же перестало выигрывать, и пустила в ход стопки десяток.

Дважды я выиграла и полученные купюры, к счастью, крупные, тут же затолкала в сетку. Затем я удвоила ставку, стараясь, по возможности, избавиться от десятков, опять выиграла и так была поглощена игрой, что ничего вокруг не замечала. Жарко было ужасно, шляпа у меня съехала набок, парик наверняка тоже. Какое счастье, что у меня не было с собой зонтика! Сумки мои под стулом все время кто-то пинал, возможно, я сама, и, если бы мне пришлось еще и о зонтике думать, я бы совсем спятила. Я наклонилась, чтобы затолкать в сетку очередной выигрыш.

И тут все началось.

Крики, раздавшиеся возле входной двери, я услышала, когда голова моя была под столом. Поспешно вынырнув, я увидела, что, в комнату ворвались какие-то люди, двое или трое. Игроки прервали игру, за соседним столиком поднялся какой-то бледный мужчина с дико блестящими глазами и пеной на устах. Возникло всеобщее замешательство. В другую дверь ворвался какой-то человек. Таращась во все стороны, я взглянула на него, и он в это время посмотрел как раз на меня. Мне показалось, что лицо его прояснилось и он двинулся в моем направлении. Продвигался он с известными трудностями, так как помещение, хотя и большое, все же было ограничено, людей было много, и все они вдруг в панике начали метаться. Я сама пока не металась, но тоже испугалась и подумала, что если это полиция, то они, чего доброго, отберут и мои честно выигранные в Шарлоттенлунде четыре тысячи, но потом вспомнила, что в случае чего Лысый Коротышка подтвердит мой выигрыш. Тут началась стрельба.

Стрелял тип с пеной у рта и диким взглядом. Те, что ввалились в комнату, кинулись к нему, он вырвался и продолжал стрелять куда попало, переполох усилился и крики – тоже, прямо содом и гоморра. Игроки попрятались под столы, и, пожалуй, я одна оставалась на своем месте. Вряд ли это объяснялось избытком храбрости, я просто-напросто остолбенела.

Вытаращив глаза, смотрела я на то, что творится вокруг. А тот мужчина, что направлялся ко мне, вдруг остановился, сделал еще два шага, путь перед ним расчитился (большинство игроков уже сидели под столами), он еще постоял немного, потом колени его подогнулись, и он рухнул головой вперед прямо к моим ногам. И в такой неудобной позе он свалился, что я, хоть и остолбенелая, но побуждаемая чисто человеческим состраданием, наклонилась к нему и попыталась передвинуть его голову с ножки стола на мою сетку, набитую бумагой, следовательно, мягкую. А он,

судорожно хватая воздух ртом, явно пытался что-то сказать.

– Escoutez, – прохрипел он, из чего я сделала вывод, что раненый намерен говорить по-французски.

– Ладно, ладно, – успокаивала я его. – Тихо, не надо говорить...

– Слушай, – с усилием повторил он и продолжал, задыхаясь и останавливаясь после каждого слова – Все... сложено... сто сорок восемь... от семи... тысяча двести два... от «Б»... как Бернард... два с половиной метра... до центра... вход... закрыт... взрывом... повтори...

Все это он выдавил из себя как одну непрерывную фразу, и я не сразу поняла, что последнее слово относится ко мне. Это его очень рассердило.

– Repetez, – простонал он с таким отчаянием, что чуть было тут же не окочурился.

Память у меня всегда была хорошая, повторить нетрудно, тем более что нехорошо препираться с умирающим, и я повторила:

– Все сложено сто восемь от семи, тысяча двести два от «Б», как Бернард, вход закрыт взрывом, два с половиной метра до центра.

Я немного переставила слова, это его опять рассердило, и он начал повторять фразу сначала, через каждое слово заклиная меня хорошенько все запомнить. И совершенно излишне, я была уверена, что до конца дней своих не забуду всего, что тут происходит. Тем не менее я покорно повторяла за ним каждое слово.

– Связь... торговец рыбой... Диего... па дри... – добавил он и покинул сей бранный мир.

Я не знала, что такое «па дри», да и вообще не поняла ни слова из того, что он говорил, то есть слова-то сами по себе были понятны, но что все это означало? Смутно я сознавала, что мне доверена какая-то важная тайна. А важные тайны отличаются тем, что неизвестно для чего они существуют.

Занятая умирающим, я не следила за развитием событий в зале. Теперь же, подняв голову, увидела, как в ту самую дверь, в которую вошел покойный, ворвался какой-то человек с револьвером в руке и бросился к труп.

– Умер? – крикнул он мне, хотя и дураку было ясно, что тот умер. Впрочем, вновь прибывший не ждал моего ответа, а сразу же накинулся на меня, для разнообразия по-английски – Он говорил с тобой? Что сказал? Отвечай! – И с этими словами ткнул своей пушкой прямо мне в печень. Мне это очень не понравилось. Я вообще не выношу, когда меня вынуждают силой что-то делать, а моя печень и без того доставляет мне неприятности. Так что подобные манипуляции с ней совершенно излишни. Вот почему я ответила только одним польским словом – коротким и

выразительным. Но даже если бы и хотела, я ничего не смогла бы ему объяснить, потому что он вдруг резко изменил свои намерения, схватил меня и поволок к той двери, из которой появился. Я едва успела прихватить свою сумку и сетку.

Сначала я попыталась вырваться, но тут же отказалась от этих попыток, увидев за дверью полицейского в форме. Остаток здравого смысла подсказал мне, что в моем положении самое лучшее – перейти на сторону полиции, и чем скорее – тем лучше. Я рванулась к представителю власти, пробилась сквозь толпу и оказалась по ту сторону двери. Мой преследователь, к моему удивлению, не препятствовал мне, но и не выпускал меня из рук.

– Мне нужно поговорить с вами! – громко крикнула я полицейскому, вырываясь из рук вцепившегося в меня негодяя. Негодяй как-то слишком легко выпустил меня. Полицейский смотрел не на меня, а на что-то за моей спиной.

– Конечно, конечно, только давайте уйдем отсюда, – сказал он как-то рассеянно.

Я оглянулась и увидела целый табун ворвавшихся в притон полицейских. В это время избранный мной блюститель порядка резко повернул меня опять спиной к двери и закрыл мне лицо чем-то вроде мягкой рукавицы. Я хотела сдернуть ее, но негодяй схватил меня за руки, а тут еще сумка и сетка! Я ощутила приторный запах, сразу напомнивший мне больницу.

«Наркоз! – пронеслось в голове. – Только не дышать!»– И, видимо, вдохнула.

Случается, что человек проснется в своем доме, в своей кровати, и все-таки в первую минуту не понимает, где находится. Что же говорить человеку, который после наркоза просыпается в таком месте, которое не знает, как и назвать.

Было мне мягко, ничего не скажу. И это было моим первым ощущением. Вторым – что мне как-то нехорошо, и тут же появилась мысль о минеральной воде. Впрочем, мысль какая-то смутная, абстрактная, потом она воплотилась в образ искрометного пенящегося ручейка, навязчивый звук, действующий на нервы. Я открыла глаза.

Надо мной был белый низкий потолок в форме полусферы, очень странный, впрочем, может, это был вовсе и не потолок? Бессмысленно пялилась я на него некоторое время, потом решила посмотреть по сторонам.

То, что было справа, я сочла, после некоторых размышлений, спинкой

дивана, обитого черной кожей, из тех, которые в Копенгагене стоят от пяти тысяч и выше. Такая дорогая спинка вполне меня устраивала, и я посмотрела в другую сторону. Мне пришлось смотреть довольно долго, так как то, что я увидела, никак не вязалось с потолком. Столики, кресла, ковер и прочие предметы должны были находиться в нормальном помещении, а не в бочке с полукруглым потолком. Зато ему вполне соответствовали окна в слегка выгнутой стене, длинный ряд маленьких окошечек, которые как-то очень хорошо сочетались с навязчиво-монотонным шумом. По другую сторону помещения, над моим диваном, тоже окошечки. Ничего не поделаешь, приходится примириться с фактом, что я нахожусь в самолете. И что этот самолет летит.

Мой характер не позволял мне долее оставаться в бездействии. Я опробовала все части своего тела, сначала осторожно, потом смелее; все действовало, неприятное ощущение внутри меня постепенно уменьшилось, я слезла с дивана (который действительно оказался диваном, обитым черной кожей), переместилась в кресло и глянула в окно.

Я увидела пространство настолько огромное, что испугалась, уж не в космосе ли я нахожусь, но тут же успокоилась, вспомнив, что в космосе должно быть темно, мое же пространство было наполнено светом. Вскоре мне удалось различить в нем отдельные элементы. Надо мной было безграничное небо, подо мной столь же безграничная водная гладь. Между ними просматривался горизонт.

Постепенно я пришла в себя как физически, так и умственно. Теперь я осмотрелась уже более внимательно и обнаружила на диване свое пальто, а возле дивана шляпу, сумку и сетку. Парик по-прежнему находился на голове. Я была босиком, вернее, в колготках, а сапоги стояли по другую сторону дивана. Все было на месте, материального ущерба мне не причинили.

Мысль о материальном ущербе заставила меня осмотреть сумку и сетку. Обе они были набиты деньгами.

«Поразительно честные бандиты», – удивилась я. А в том, что меня похитили бандиты, я ни минуты не сомневалась. Кто же еще? Зачем им понадобилось меня похищать, я пока не придумала. Правда, для такого предположения еще не было никаких оснований, разве что в глубине души я желала этого, так как всегда питала склонность к рискованным предприятиям.

Вместо того чтобы предаваться отчаянию, я решила подсчитать свои капиталы. Странное зрелище, должно быть, представляла я, сидя с ногами на диване, окруженная со всех сторон кучками измятых банкнотов. Я

насчитала пятнадцать тысяч восемьсот двадцать крон, с некоторым трудом перевела это в доллары, и получилась приличная сумма – свыше двух тысяч. Под деньгами я обнаружила сигареты. Закурив, я поняла, что мне совершенно необходимо сделать две вещи: умыться и напиться минеральной воды. А уже потом я обо всем подумаю.

В этом прекрасно меблированном аэроплане наверняка имелся так называемый санузел. Надо его поискать. По причинам, не совсем ясным для меня самой, я решила вести себя как можно тише, не звать на помощь, пусть они думают, что я еще не очнулась. Кто «они», я не знала, но не сомневалась, что на самолете должны быть люди. Хотя бы пилот, правда?

Зная расположение помещений в нормальных самолетах, я направилась в хвост, без колебаний определив, где у самолета перед, то есть нос. Я подошла к небольшой дверце и уже взялась за ручку, как вдруг услышала голоса, доносящиеся из-за этой двери. Я осторожно отпустила ручку и приложила ухо. Попробовала в нескольких местах и наконец нашла точку, где было кое-что слышно.

Люди за дверью разговаривали по-французски, что меня вполне устраивало. В целом их беседа доносилась до меня нечленораздельным шумом, но отдельные фразы звучали вполне отчетливо, и то, что удалось разобрать, оказалось чрезвычайно интересным.

– Идиотская история! – услышала я сердитый и уверенный голос. – Не можем же мы перетрясти всю Европу, сантиметр за сантиметром!

– Эх, надо ж было так ошибиться! – воскликнул с раздражением другой голос. – И убить ее мы не можем, вообще ничего ей не можем сделать, пока не скажет...

Дальше ничего нельзя было расслышать, но вот неожиданно прорвалось несколько отчетливых фраз:

– Да нет, наверняка поймет. А если даже и не поймет, достаточно того, что сообщит в полицию. Хотя бы о том, что увидит!

– Так какого черта нужно было тащить ее с собой?

– Другого выхода не было. Теперь уже ничего...

Голоса звучали приглушенно, я с трудом улавливала лишь обрывки фраз:

– ...так она нам и скажет! Ты бы на ее месте сказал?

– У меня идея! Предложим ей вступить в дело.

– Шеф не согласится!

– Дурак! Зато она согласится, все скажет, а потом несчастный случай...

И дальше опять неразборчивый гул голосов, из которого я понимала лишь отдельные слова:

- ...в долю... процент согласуем... можно наобещать...
- ...неплохо придумано!
- ...ни в коем случае не выпускать. Стеречь как зеницу ока до прибытия шефа...
- ...наш единственный шанс – вытянуть из нее до этого...
- ...если не забыла...

И опять неразборчивый шум, перекрытый властным голосом – видимо, старшего в компании:

– Ясное дело, потом ликвидировать, но бесследно! И не так халтурно, как обычно ты работаешь, а действительно никаких следов. Мы не можем рисковать.

– А не проснулась ли она? – вдруг с тревогой спросил другой голос. Одним кенгуриным прыжком я оказалась на своем диване, но не легла, решив, что сидеть имею право, а изобразить на лице состояние полной протрации мне не составит ни малейшего труда. Дверь, однако, оставалась закрытой, как видно, они не торопились проверить, в каком состоянии я нахожусь.

«Что же все это значит, черт подери? – думала я, сидя на диване с совершенно идиотским выражением на лице. – Что такое я должна им сказать? О какой ошибке они говорили? Сказать?.. А, так, значит, покойник... Дал маху, что и говорить. Действительно, ошибка...»

Услышанное произвело на меня столь сильное впечатление, что я полностью пришла в себя и начала сосредоточенно обдумывать создавшееся положение. Значит, меня обременили какой-то потрясающе важной тайной. Минуточку, что он там говорил? «Все сложено сто сорок восемь от семи, тысяча двести два от „Б“, как Бернард, два с половиной метра до центра». Так, что еще? Ага, «вход закрыт взрывом». Нет, что-то еще было. О рыбаке, кажется. Нет, не о рыбаке. «Связь торговец рыбой Диего». И еще что-то. Что же? А, вот: «Па дри». И не закончил. Интересно, что бы это все значило?

«Перетрясти всю Европу...» Видимо, они что-то где-то спрятали и зашифровали место, а этот блаженной памяти придурок доверил мне шифр. Действительно, нашел кому... А теперь эти негодяи за стеной хотят, чтобы я сообщила его им, если помню. Помню, а как же! Только сохрани меня Бог проронить хотя бы слово. Ясно, что потом меня сразу пристукнут – и поминай как звали. Сами так сказали. Могут и сейчас это сделать, чего проще – вытолкнуть из самолета, вон сколько кругом воды! А кстати, что это за вода? И куда мы, собственно, летим?

Я взглянула на часы. Они еще шли и показывали 12 часов 15 минут. Я

машинально их завела и принялась размышлять. Вода и вода, куда ни глянь, а летим мы на очень большой высоте. Столько воды – это наверняка какой-нибудь океан, на море не похоже, его не хватило бы, нечего и говорить.

Я вытащила из сумки свой драгоценный атлас, от одного прикосновения к которому испытала величайшее счастье, слегка, правда, омраченное создавшейся неприятной ситуацией. В моем распоряжении было два океана – Атлантический и Тихий. Самолет наверняка поднялся из Копенгагена, это отправная точка. Так, дальше. Я не могла проспать двое суток, иначе бы часы остановились. К Атлантике – налево, к Тихому океану – направо. Если бы это был Тихий океан, нам пришлось бы пролететь всю Европу и Азию. Нет, слишком далеко. Ага, вот еще много воды к югу от Индии, между Африкой и Австралией, но и здесь пришлось бы лететь через всю Европу. Из Копенгагена до Сицилии самолет летит пять с половиной часов, я знаю. А сколько времени я была без сознания?

Подумав, я пришла к выводу, что от десяти до одиннадцати часов. События в игорном доме развернулись около полуночи – может, в полпервого. Значит, прошло около одиннадцати часов. Как бы ни спешили мои похитители и какими бы средствами ни располагали, они никак не сумели вылететь раньше, чем через два часа. Ведь на Конгенс-Нюторв нет аэродрома, до него им пришлось добираться, да еще тащить меня в виде бесчувственной колоды, что отнюдь не ускоряло движения. А тащили меня, по всей видимости, осторожно, не волокли же, парик вон на голове остался... А раз говорят об ошибке, значит, меня они не предвидели, я для них неожиданность, это обстоятельство должно было задержать их. Так что и три часа можно накинуть.

Атласа мне уже было мало; я вытащила из сумки маленький календарик польского Дома книги, который уже не раз помогал мне в разных житейских перипетиях. Несколько минут сложных расчетов и многократные выглядывания в окно с целью установить положение солнца утвердили меня в мысли, что я лечу над Атлантикой, что в том месте, где я нахожусь, должно быть десять часов или девять тридцать и что мы летим в юго-западном направлении. Точнее, более в южном, чем в западном. И если вскоре под нами покажется суша, то это должна быть Бразилия.

Правда, мои рассуждения были чисто теоретическими, и тем не менее мне стало плохо при одной мысли о том, что я могу оказаться в Бразилии в своем зимнем пальто, в сапогах на меху, в теплых рейтузах и платиновом парике. Спрятав календарик в атлас, я сидела неподвижно, глядя бездумно на солнечные блики за окном, и пыталась как-то упорядочить свои мысли.

Тут открылась дверь, и вошел незнакомый мне человек. И надо признать, что этот момент был для меня наиболее подходящим, ведь я собиралась при появлении моих преследователей принять самый глупый вид. У человека, увидевшего меня сейчас, не могло создаться двух мнений на мой счет. Пожалуй, в нем могли зародиться лишь сомнения, способна ли я вообще соображать.

Он остановился в дверях и одним быстрым взглядом окинул и меня, и все помещение. Странное впечатление производил это человек. На первый взгляд я его приняла за худенького юношу, и только при более внимательном рассмотрении обнаружилось, что ему никак не меньше тридцати пяти лет. У него было невинное розовощекое личико младенца, вытаращенные голубые глазки и торчащие в разные стороны светло-желтые патлы – не очень длинные, но зато курчавые. Они шевелились у него на голове, как живые, каждая прядь сама по себе, и ничего удивительного, что я, как зачарованная, уставилась на них, не в силах произнести ни слова.

Были все основания считать его блондином. А надо сказать, что когда-то гадалка предсказала мне, что в моей жизни роковую роль сыграет блондин. Я охотно поверила ей, так как блондины всегда мне нравились. Но почему-то так получалось, что жизнь упорно подсовывала мне брюнетов, одного чернее другого, а я все высматривала, не появится ли блондин... С годами у меня выработался рефлекс: блондин – значит надо быть начеку. И вот теперь появляется этот бандит...

– Бонжур, мадемуазель, – вежливо поздоровался он.

Услышав это, я воспряла духом. Если меня, мать подрастающих сыновей, называют «мадемуазель», значит, решили вести мирные переговоры. Следовательно, пока мне ничего не грозит, убивать в ближайшее время меня не собираются, и я могу покапризничать.

– Бонжур, мсье, – ответила я далеко не столь вежливым тоном и продолжала без всякого перехода: – Значит, так: минеральной воды, крепкого чаю с лимоном, где туалет и мне надо умыться. Немедленно! А потом поговорим!

Это прозвучало довольно зловеще. Чтобы усилить эффект, я обвела помещение по возможности безумным взглядом и, обессиленно склонив голову, издала слабый стон. По-моему, получилось неплохо.

– Ах, конечно, конечно, как пожелаете, – засуетился этот несуразный тип.

Он помог мне слезть с дивана, хотя я и сама прекрасно могла это сделать, взял меня под руку и заботливо провел куда требовалось, по

дороге продолжая оказывать мне всяческие знаки внимания. Открыв какой-то шкафчик, он достал из него минеральную воду, и я наконец напилась. Потом я осмотрела, соседнее помещение, которое незадолго до этого доставило мне столько акустических эмоций. Оно представляло собой нечто среднее между салоном и рабочим кабинетом и было обставлено роскошной мебелью. Там находились еще три типа, для которых мое появление было явно неожиданным. Они наверняка думали, что я еще сплю и что неизбежный контакт со мной будет хоть на какое-то время отсрочен.

Я не обращала на них никакого внимания, сейчас главным для меня было умыться и сбросить с себя как можно больше теплой одежды, учитывая маячащую передо мной Бразилию. Мне заранее было жарко.

Через полчаса я сидела в упомянутом выше салоне-кабинете уже совсем другим человеком. В соответствии с пожеланием передо мной стоял стакан чаю с лимоном. Я решила играть роль сладкой идиотки и держаться с видом оскорбленного достоинства.

Мои новые знакомые ничем особенным не отличались, по крайней мере внешне. Один из них даже производил неплохое впечатление, и его можно было бы назвать красивым, если бы он не был таким толстым. Второй сразу вызвал антипатию, так как у него были близко посаженные глаза навывкате, чего я не выношу. Третий был ростом с сидящую собаку, а так ничего. Одеты обыкновенно, как одеваются состоятельные люди, – костюмы, галстуки, белые рубашки. Возраст их я определила как средний между тридцатью пятью и сорока пятью. В этом почтенном обществе я чувствовала себя немного неловко, так как по-прежнему была босиком.

Поначалу все молчали. Они явно выжидали, что я скажу, а я решила ждать, что они скажут, но, подумав, отказалась от этой мысли. Сладкая идиотка просто не имеет права на такую сообразительность, ей обязательно надо с чем-нибудь выскочить.

– Куда мы летим, и вообще, что все это значит? – обиженно спросила я, отпив полстакана.

– Не хотите ли поест? – вместо ответа заботливо спросил толстяк.

– Нет, – подумав, ответила я. – Пока не хочу. Но через полчаса захочу.

– Как вам будет угодно, мадемуазель. Вы получите все, что захотите.

«Увиливают от ответа, – подумала я. – Хотят узнать, что я за штучка».

И, закулив, произнесла ледяным тоном:

– Я жду объяснений.

Вздвогнув, патлатый тоже закурил и начал:

– Видите ли, произошла неприятная история. Вы помните, наверное.

Мы развлекались в игорном доме, как вдруг явилась полиция... – Изображая печаль, он горестно поник своей всклокоченной головой, но превозмог себя и продолжал: – Это было ужасно. Вы себя почувствовали плохо. Ничего удивительного, столько волнений! К тому же там было так накурено. Не могли же мы бросить вас на произвол судьбы!

Улыбка на его голубоглазом невинном личике младенца была такой искренней, что я поверила бы ему, если бы не подслушала их разговор. Раскрыв как можно шире глаза, я постаралась изобразить понимание и признательность.

– Надо было в темпе смываться, – продолжал патлатый. – Мы вас не знали, у нас не было вашего адреса, вот мы и забрали вас с собой.

Присутствующие улыбками и кивками подтверждали правдивость каждого его слова. Я бы могла поклясться, что ни одного из них не было в игорном доме, не говоря уже о том, что если кто и чувствовал себя там плохо, то никак не я.

– Весьма вам признательна, – сдержанно поблагодарила я. – Боюсь только, не слишком ли далеко вы меня завезли?

Джентльмены разразились разнокалиберным хохотом в знак доказательства того, что они оценили мой тонкий юмор. Так мы ломали комедию друг перед другом еще какое-то время, а потом я с доверчивым любопытством повторила свой вопрос:

– Так куда же мы летим?

– А не взволнует ли это вас? – забеспокоился патлатый. – Ваше здоровье... Не скажется ли на нем это известие?

– В конце концов, земной шар так мал, – успокоительно заметил толстяк.

– Пустяки, – добродушно заметила я. – Я обожаю путешествия. Итак?

– А, в один небольшой городок на побережье Бразилии, – выдавил из себя наконец патлатый с таким пренебрежительным жестом, как будто прилететь в Бразилию все равно, что проехаться от Груйца до Тарчина. Небрежным жестом он как бы перечеркнул все эти тысячи километров.

Я не сразу отреагировала – надо было показать, что просто потрясена этим известием. А я действительно была потрясена тем, что так правильно угадала. Потом позволила себе встревожиться.

– Но ведь у меня нет визы! – И добавила: – К тому же я не взяла с собой никаких вещей, а там, должно быть, жарко. В чем я буду ходить? И вообще, мне надо вернуться. Я надеюсь, что вы, господа... – И я захлопала глазами. Хотелось надеяться, что это вышло у меня достаточно глупо и беспомощно. Боюсь, что я достигла вершины в своем умении изображать

дурочку и долго на этой вершине не продержусь. О такой мелочи, что мой паспорт был действителен только на европейские страны, я и не заикнулась.

Господа, внимательно следившие за каждым моим словом, принялись в четыре голоса уверять меня, что, разумеется, они будут обо мне заботиться и впредь, что я получу все, чего бы ни пожелала, и что вернуться я смогу в любую минуту. Это меня успокоило, и я позволила уговорить себя позавтракать с ними. Обслуживал нас официант в белом, все было на наивысшем уровне.

Пробный шар был пущен во время завтрака.

– Наверняка вас потрясла смерть того человека, – соболезнующе произнес толстяк. – Ничего удивительного, что вам стало плохо, ведь он испустил дух буквально у вас на руках.

При этом он тяжело вздохнул и поднял глаза кверху, как бы вознося молитву о душе усопшего. Я решила, что мне следует вести себя соответственно, отложила вилку в сторону и тоже испустила тяжелый вздох.

– О да, это было ужасно! Я до сих пор не могу прийти в себя, – произнесла я, содрогаясь от одного воспоминания и на всякий случай теряя аппетит, тем более что уже наелась.

– Для нас это особенно тяжело, – вздохнул патлатый. – Ведь он был нашим знакомым, особенно вот его. – И он ткнул пальцем в маленького бандита.

Тот, быстро проглотив кусок, поспешно закивал головой и попытался придать своему лицу горестное выражение.

– Это был мой друг, – подтвердил он. По-французски он говорил намного хуже остальных. – Мой очень хороший друг. Как бы я хотел быть рядом с ним вместо вас в последние минуты его жизни!

Салон наполнили тяжкие вздохи. Немного справившись со своей скорбью, друг покойного продолжал:

– Его последний вздох... Его последние слова... Как бы я хотел слышать их! Он говорил с вами, мадемуазель? Заклинаю вас, повторите последние слова моего друга!

«Прекрасно! – мысленно одобрила я. – Еще немножко поднапрячься, и эта скорбь будет так естественна...»

– Увы, не могу, – произнесла я, издав уже совершенно раздирающий душу вздох. – Я их не поняла.

– Как это? – не выдержал бандит с глазами навывкате, но патлатый укротил его одним взглядом и сочувственно поинтересовался:

– Он вам сказал какие-то слова?

– Похоже на то, – с грустью подтвердила я. – Какие-то отдельные, бессвязные слова, к тому же едва слышным голосом...

– Прощу вас, повторите эти слова! – взмолился друг покойного. – Пусть они бессмысленны, но ведь это последние слова моего незабвенного друга! Я навечно сохраню их в памяти.

Тут я поняла, что избранная мною роль сладкой идиотки имеет свои недостатки. Сладкая идиотка просто обязана иметь доброе сердце и в данном случае не может не мобилизовать все свои жалкие умственные способности на то, чтобы припомнить эти чертовы последние слова. Как выйти из положения?

– Не помню, – пролепетала я чуть ли не со слезами на глазах. – Но я понимаю вашу боль и постараюсь припомнить. Там был такой шум, такая суеда, я хотела ему помочь, а он уже чуть дышал...

Четыре бандита тоже чуть дышали, слушая меня. Видимо, слова покойника были для них вопросом жизни и смерти. Притворяясь, что напряженно вспоминаю, и время от времени издавая тяжелые вздохи, я в то же время лихорадочно обдумывала линию своего поведения. Убедить их, что я ничего не слышала или ничего не помню? Вряд ли разумно, тогда у них не будет причин сохранить мне жизнь. А в моих ушах отчетливо звучали слова «ликвидировать бесследно». Я понятия не имела, кто они такие, но, как видно, мне стало известно нечто чрезвычайно для них важное. И в то же время для них опасно было это мое знание, так что им ничего не стоит лишить меня жизни. Нет, пожалуй, лучше помнить. Могу же я помнить только часть, а остальное постепенно вспоминать?

– Мне кажется... – неуверенно начала я. – Если не ошибаюсь, он мне сказал «слушай». Да, именно «слушай».

– «Слушай», – как зачарованный повторил за мной толстяк.

– Что «слушай»? – опять не выдержал лупоглазый, и, похоже, патлатый пнул его под столом.

– А я ему сказала: «Тихо, не надо ничего говорить». Я видела, что ему трудно говорить, и хотела как лучше...

Вздых, который я издала, был вершиной притворства. Тут уже и патлатый не выдержал и нервно воскликнул:

– А дальше что же?

Я снизила темп и решила задохнуться от волнения.

– Он так неудобно упал, – медленно, с чувством продолжала я. – Головой под стол, прямо на ножку стола...

Толстяка чуть удар не хватил, второй бандит заскрежетал зубами.

Маленькому удалось справиться с собой и продолжить разговор:

– И что? Что он говорил? Каковы были последние слова моего друга под столом?

– Так он же не сознавал, что лежит под столом, – обиженно заявила я и подумала, что на их месте я бы меня убила. Как важна для них моя информация, если они проявляют такое ангельское терпение!

Первым взял себя в руки патлатый.

– Несчастный! – подхватил он. – Ничего не сознавал! Лепетал в бреду бессвязные слова, и только вы, мадемуазель, слышали их! А его друг, лучший друг не слышал!

И мне показалось, что он пнул друга покойного, так как тот дернулся и возобновил свои душераздирающие просьбы сообщить последние слова горячо любимого друга, давая понять, что иначе ему и жизнь не мила.

Я не ударила лицом в грязь. Уверена, что устроенное мной представление было не хуже того, что давали они. Я хваталась за голову, закрывала глаза, заламывала руки и делала множество тому подобных вещей. Наконец, тянуть больше стало невозможно, и мне пришлось сообщить им кое-что конкретное.

– Кажется, он называл какие-то цифры, – произнесла я тихим, прерывающимся от скорби голосом.

– Какие? Какие цифры? – задохнувшись от волнения, просипел патлатый.

– Не помню. Разные. Беспорядочные. Он несколько раз повторял их.

– Если повторял несколько раз, должны же вы были их запомнить! – разозлился лупоглазый. Я позволила себе немедленно возмутиться и с достоинством возразила, что для меня смерть человека важнее каких-то там цифр.

Патлатый опять поспешил разрядить обстановку. Еще, наверное, с полчаса продолжался этот дурацкий спектакль, и если бы у нас были зрители, они неоднократно раздражались бы бурными аплодисментами. Тем не менее никаких ощутимых результатов это не дало, и патлатый решил начать с другого конца.

– Видите ли, мадемуазель, – произнес он после минуты общего молчания, испросив предварительно взглядом согласия остальных, – эти беспорядочные цифры чрезвычайно важны для нас. Покойный должен был сообщить нам очень важные сведения, которые мы ждали. Он сообщил их вам, как раз вот те цифры. Очень прошу, вспомните их. Не скрою, от этих цифр зависит наша жизнь. Мы очень просим помочь нам!

Его невинное младенческое личико выражало такую мольбу, что и

каменное сердце не выдержало бы. Мое же сразу откликнулось.

– Ах, Боже мой! – произнесла я с почти искренним сожалением. – Если бы я это тогда знала! Но я и в самом деле не могу вспомнить.

– Вы обязаны вспомнить. – Патлатый выразительно произнес эти слова и, помолчав, добавил: – Будем говорить откровенно. Мы люди со средствами и можем щедро отблагодарить вас.

– Понимаю, – прервала я. – Постараюсь вспомнить. Но что будет, если не получится? Ведь беспорядочные цифры очень трудно запомнить.

Голубенькие глазки патлатого превратились вдруг в две ледышки. Все четверо в мертвом молчании смотрели на меня. В салоне сразу повеяло холодом. Не будь я такой легкомысленной от природы, я должна была бы содрогнуться от холода и ужаса.

– Только вы слышали эти цифры, – медленно, с расстановкой произнес патлатый. – И только вы можете их вспомнить. Мне очень жаль, но мы будем вынуждены до тех пор навязывать вам свое общество, пока к вам не вернется память.

– Что? – наивно удивилась я, хотя и ожидала чего-то в этом роде. – Что это значит?

– Это значит, что вы представляете для нас бесценное сокровище. Вместе с вашей памятью. И вы должны будете остаться с нами. Мы окружим вас... заботой, как настоящее бесценное сокровище.

Похоже, мы начинаем слегка приоткрывать свои карты.

– Должна ли я понимать это так, что вы, господа, не поможете мне вернуться в Копенгаген? – спросила я с величайшим удивлением, якобы не веря своим ушам.

– Не только не поможем, но и будем вынуждены всеми силами препятствовать вашему возвращению в Копенгаген. А мы располагаем довольно большими возможностями...

Я неодобрительно помолчала, а потом заметила с легким укором:

– Боюсь, что это не лучший метод. Я могу испугаться, а от страха я совсем теряю память. Благодаря предыдущим аргументам я уже начала кое-что припоминать и почти вспомнила первую цифру, а теперь у меня все опять вылетело из головы!

Лупоглазый джентльмен не выдержал. Он сорвался с места и, что-то бормоча, выскочил из комнаты. У остальных, видимо, нервы были крепче.

– Мне кажется, я смогла бы скорее вспомнить, если бы опять оказалась в том месте, где слышала эти слова, – продолжала я. – В копенгагенском игорном доме. Вы, конечно, понимаете, оптические и акустические ассоциации...

Я не очень рассчитывала на успех своего предложения, но попытка не пытка... А я хоть и любила путешествовать, но понимала, что в данном случае для меня значительно проще и удобнее вернуться в Копенгаген тем же путем, каким меня оттуда вывезли: и паспорт мой не в порядке, и визы нет, и денег жалко, а хлопот сколько!

– Нет, – коротко ответил патлатый, буравя меня своими голубыми ледышками. – Мне кажется, что вы скорее вспомните, не располагая возможностью вернуться в Копенгаген. И мне кажется, что для вас будет лучше вспомнить как можно скорее.

Наша последующая беседа представляла собой мешанину угроз, просьб, заигрываний, попыток шантажа и подкупа. Обе стороны предпочитали открытой войне мирное сосуществование. Я заявила (кривя душой), что кое-что помню, а кое-что и нет, и для того чтобы вспомнить все, мне требуется время и спокойная обстановка. Они сделали вид, что поверили мне, и в салоне опять воцарилась атмосфера доверия и взаимопонимания.

Не имея возможности что-либо предпринять, я решила пока спокойно выжидать. Не скажу, чтобы я была очень напугана. Пожалуй, меня больше испугало бы нападение пьяных хулиганов. Случившееся со мной казалось таким нереальным, что удивление почти вытеснило страх. Никогда в жизни у меня не было такого захватывающего приключения. Где уж тут думать об опасности! Я решила пока не делать попыток связаться с полицией, будучи уверена, что справлюсь сама. С интересом ожидала я дальнейшего развития событий, твердо решив одно: слушаться предостерегающего внутреннего голоса и не сообщать им, что сказал покойник.

Тем временем мы летели и летели, и вот справа под нами показалась суша. Наверняка это была Бразилия, а я по-прежнему оставалась в шерстяной юбке и пуховой кофте, ведь другой одежды у меня не было. Единственное, что я могла сделать, – это снять колготки и остаться босиком.

Суша приблизилась к самолету и постепенно вытеснила океан. Мы летели на большой высоте, так что ничего нельзя было разглядеть, хотя я и очень старалась – во мне проснулась любознательная туристка. Я не имела ни малейшего представления, над какой частью Бразилии мы пролетаем, исключив лишь устье Амазонки: по моим представлениям, оно должно было бы выглядеть более зеленым и мокрым, не говоря уже о том, что такой большой реки нельзя было не заметить. Потом мы вдруг пошли на посадку, хотя нигде не было видно никакого аэродрома. Впрочем, для меня это было нормальным явлением, потому что никогда в жизни, каким бы

самолетом я ни летела, я ни разу не могла увидеть аэродром перед посадкой, даже хорошо знакомое Варшавское Окенче, и каждый заход на посадку был для меня всегда неожиданным. Я даже стала подозревать, что взлетно-посадочные полосы существуют лишь в воображении пилотов, а садимся мы или на картофельное поле, или на железнодорожные пути, или на крыши зданий, или на другие столь же неподходящие объекты.

На сей раз мы сели в таком месте, где посадочные полосы были, но зато не было никаких построек. Постройки я увидела потом, очень далеко, почти на горизонте. Я ожидала, что вот-вот начнутся какие-то осложнения, ну хотя бы с таможенниками или сотрудниками паспортного контроля, и мстительно радовалась, представляя себе, как засуетятся мои похитители, но ничего подобного не произошло.

Возле нашего самолета уже стоял вертолет, его винт потихоньку крутился. Меня вместе с моим имуществом в головокружительном темпе погрузили в новый вид транспорта, я едва успела подумать: «Ой, изжарюсь!»— как опять мы оказались в воздухе. Да, приходится признать, что организационная сторона дела у них была на высоте.

Я сидела у окна и пыталась хоть что-нибудь увидеть. Теперь мы летели немного ниже, и я могла разглядеть пейзаж, но он мне ни о чем не говорил. Единственная польза от визуального наблюдения заключалась в том, что я определила — не по пейзажу, разумеется, а по солнцу, — что мы возвращаемся к океану.

В вертолете мы разговаривали мало и главной темы не касались. Патлатый заинтересовался моим знанием иностранных языков. Я откровенно призналась, что лучше всего говорю по-польски, причем чуть ли не с рождения, продемонстрировала мою оригинальную английскую речь и заявила, что итальянский очень легкий язык, да и вообще вся группа романских языков для меня плевое дело. В доказательство я процитировала фрагмент латинского стихотворения, которое мы учили в школе и которое непонятно почему я запомнила на всю жизнь. Мне хотелось запутать их и лишить возможности переговариваться в моем присутствии на языке, которого я бы не понимала. То, что они могли свободно пользоваться датским, им не пришло в голову. Я честно призналась, что не знаю этого языка, будучи уверена, что мне не поверят. И они не поверили. И в самом деле, как можно поверить, что я не знаю языка после такого длительного пребывания в стране?

Постепенно они перебрали все языки и вспомнили о немецком. Я радостно заявила, что великолепно владею этим языком. Меня попросили доказать это и что-нибудь сказать на немецком. Я глубоко задумалась.

– Ich habe, – наконец вспомнила я. Потом еще подумала и с триумфом добавила: – Donnerwetter!

Это доставило большое удовольствие моим спутникам, и они еще долго посмеивались. Вот в такой приятной и веселой обстановке мы и летели.

Насчет языков у меня были свои соображения. Французский, как известно, я знала, по-итальянски худо-бедно могла объясниться (латынь немного помнила), так что все романские языки могли представлять для моих похитителей определенную опасность. Славянские, надо полагать, отпали в полуфинале. Мое длительное пребывание в Дании позволяло предполагать некоторое знакомство со скандинавскими языками, на английском я хоть и не очень хорошо, но говорила, так что у них оставался только немецкий. Китайский, японский и различные арабские наречия я сочла возможным отбросить, учитывая ограниченный регион их распространения. Попытка доказать знание немецкого языка позволяла предполагать, что я хочу заставить их отказаться от возможности разговаривать в моем присутствии на этом незнакомом мне языке. Не правда ли, логично? Они должны были прийти к такому выводу и, как показало будущее, пришли.

В действительности же с немецким языком дело обстояло так: говорить на нем я не умела, но понимала почти все. Объяснялось это тем, что Алиция, несмотря на свои блестящие способности к языкам, долгое время после выхода замуж за Торкиля объяснялась с ним по-немецки – датский ей никак не давался. Проводя в их доме долгие часы и принимая участие в разговоре, я научилась сносно понимать немецкий, разговорная речь которого как-то логично легла на теоретический, еще школьный, фундамент. Так что мне доставило бы большое удовольствие, если бы с помощью немецкого в моем присутствии захотели что-то скрыть от меня.

Местность, обозреваемая с борта вертолета, представляла собой скалистые горы разной высоты, поросшие лесом или совершенно голые. Для меня было очень важно определить свое местонахождение, не прибегая к расспросам – наверняка мне не скажут правду, да и незачем им знать, что меня так интересует этот момент.

Через какое-то время далеко на горизонте появилось море, то есть океан, и вскоре я увидела нечто странное. Холмы внизу представляли собой скалы с крутыми склонами, и вот поперек одного такого склона что-то медленно ползло. Долго я пыталась самостоятельно понять, что это такое, и наконец сдалась.

– Что это? – с живым любопытством спросила я, ткнув пальцем в

интересующий меня объект.

– Поезд, – коротко ответил патлатый.

«Спятил», – подумала я, а вслух обиженно произнесла:

– Какой же это может быть поезд? Канатная дорога?

– Нормальный поезд, на рельсах. Железная дорога, – снисходительно, как маленькой, объяснил мне толстяк. – Двигается по мосту, прикрепленному к скале.

Это было интересно. Я внимательно рассматривала необычный поезд. Тем временем мы подлетели ближе, и прямо под нами я вдруг увидела что-то напоминающее опорную галерею, на которой действительно были положены рельсы. Продолжение этой необычной железной дороги можно было разглядеть только в освещенных солнцем местах, в тени же она была неразличима. Фантастика! Я так была захвачена этим необыкновенным зрелищем, что все прочие детали пейзажа остались мной незамеченными.

Тут мы неожиданно стали приземляться. Оказалось, что мы находимся прямо над океаном. Я успела увидеть какой-то большой залив и город на его берегу, а так же множество лодок и катеров. Мы еще немного снизились, и тут я, хотя такое со мной никогда не случалось, заметила посадочную площадку. Единственная терраса среди нагромождения скал не вызвала сомнения, что именно на нее мы сядем. Я перестала хлопать глазами, чтобы больше ничего не пропустить, и мне удалось разглядеть возле террасы нечто напоминающее постройки. Это были конструкции кубической формы, прилепленные к скалам. Больше я ничего не успела увидеть, так как мы совершили посадку, причем вовсе не на той террасе, которую я заметила сверху, а совсем на другой, которую я, конечно же, как всегда, прозевала.

В последний момент, уже собираясь ступить на землю, я успела отдернуть босую ногу. Даже если бы каменная плита была ледяной, я бы стала утверждать, что она раскалена, потому что все вокруг казалось мне раскаленным. Я парилась в пуховой кофте и шерстяной юбке, как гусь в духовке, из-под парика текли капли пота, размазывая остатки макияжа. Зажав в одной руке сумку, в другой дьявольски тяжелую сетку, я старалась не смотреть на остальные предметы моей зимней одежды и чувствовала, как внутри меня поднимается волна злости против моих преследователей. В такой одежде привезти меня в Бразилию, о, сволочи!

– Пардон, мадемуазель, – спохватился толстяк, и через минуту, кипя и булькая от негодования, как чайник с кипятком, я прошествовала по соломенным матам в застекленное помещение, представляющее собой часть кубической конструкции. (Маты были молниеносно доставлены

людьми, которые появились на террасе в момент нашего приземления.)

В помещении было прохладно – видимо, установки для кондиционирования воздуха работали, как в Варшавском дворце культуры и науки. Меня сразу же отвели в предоставленные мне апартаменты. Я еще подумала, что подобной роскоши я не видела даже в фильмах из жизни высшего общества, но главным сейчас было не это: как можно скорее раздеться и вымыться.

– Пошли вон! – рявкнула я по-польски и перевела на французский: – Я хотела бы остаться одна. Сколько сейчас времени?

– Без десяти пять, – ответил толстяк, явно удивленный таким вопросом.

– Где без десяти пять? Здесь?

– Здесь, конечно...

Он с тревогой посмотрел на меня, обеспокоенный моим состоянием, и поспешил удалиться. Мне же нужно было знать время, ибо, отдохнув, я намеревалась произвести соответствующие подсчеты, чтобы без посторонней помощи определить свое местонахождение.

В моих апартаментах было все. Я напилась тоника со льдом, приготовленного для разбавления виски, и обосновалась в салоне, долженствующим служить ванной. Много времени ушло у меня на ознакомление с сантехникой. При этом я облилась водой с ног до головы, так как в неподходящий момент из стены брызнули горизонтальные струи воды, рассеяла по всему помещению морозную завесу, выстрелила струей кипятка – к счастью, не в себя, – но в конце концов освоила все эти достижения цивилизации. Завернувшись в большое махровое полотенце – лучшей одежды у меня не было, – я съела банан и взялась за подсчеты.

С помощью календарика Дома книги, атласа и напряженной умственной работы я рассчитала протяженность трассы, исходя из вероятного маршрута нашего перелета. У меня получилось, что сейчас я нахожусь чуть ли не прямо на тропике Козерога. Внимательное изучение карты позволило мне даже обнаружить извилистую железную дорогу – вне всякого сомнения, ту самую диковину, повисшую на склонах гор, которую я видела с вертолета, так как никакой другой железной дороги поблизости не было. Отыскала я на карте и залив, и два города на его берегах. Один город побольше, на самом берегу океана, другой – поменьше, в глубине залива. Первый назывался Паранагуа, а второй Антонина. Мои усилия увенчались успехом. Наконец-то я установила, где нахожусь!

Очень довольная собой, я решила, что теперь имею право отдохнуть и осмотреться. Апартаменты и в самом деле были верхом роскоши, но это я

восприняла спокойно: в конце концов, не мне за это платить. Из окон с одной стороны был виден океан, с другой – одни скалы. С грустью подумалось мне, что в отпуске я всегда мечтала о комнате с видом на море и никогда ее у меня не было. Первый раз в жизни выпало мне такое счастье, как зерно слепой курице, вот только я не была уверена, что мое пребывание здесь можно назвать отпуском.

Все случившееся со мной было таким непонятным и неожиданным! Поехала я в добропорядочном Копенгагене поиграть себе в рулетку и вдруг оказалась в обществе совершенно незнакомых мне людей, которые к тому же собирались лишить меня жизни, нисколько не считаясь с моим мнением на этот счет. Все это походило на какой-то глупый розыгрыш, и трудно было примириться с мыслью, что меня держат здесь силой, что я не могу вернуться в Европу, что я никогда не увижу родного дома. В это как-то не верилось, и, видимо, этим объяснялось мое несерьезное настроение при столь серьезных обстоятельствах.

Незнакомый черный бандит с мрачным взглядом, согнувшись в поклоне, доложил, что обед подан. За столом со мной сидели только толстяк и патлатый. Я милостиво заметила, что неплохие бытовые условия сказываются положительно на моей памяти и кое-что я уже припомнила. Не исключено, что в ближайшее время я вспомню все, что говорил покойный, а пока прошу раздобыть для меня какую-нибудь подходящую к местным условиям дамскую одежду.

– Еще сегодня все будет доставлено, – сухо ответил патлатый, и на этом разговор прекратился.

– А где тут у вас пляж? – нарушила я тишину. Раз уж я оказалась в теплых краях, надо воспользоваться случаем и позагорать.

Оба они, толстяк и патлатый, слегка опешили. Видимо, загорание для пленниц не предусматривалось.

– Это как – пляж? – не понял толстяк.

– Ну, пляж, такое место у воды, где можно загорать. Где он у вас?

– Нет у нас пляжа, – ответил толстяк, еще не совсем придя в себя от удивления.

Патлатый тоже смотрел на меня как на ненормальную.

– Есть бассейн, – сказал он, подумав. – Желаете поплавать?

– Боже сохрани! – ужаснулась я. – Плавать я не умею. Мне бы позагорать у воды. Где ваш бассейн?

Толстяк вызвался показать мне их владения. О содержании меня под стражей никто не заговаривал, что меня несколько удивило. Мне казалось, что убежать отсюда не составит большого труда.

Мысль о побеге, ясное дело, не оставляла меня с самого начала. Зародилась она еще в самолете, когда я подслушала разговор за закрытыми дверями. Конечно, я понимала, что это не так просто, но у меня было две тысячи долларов и не было никаких надежд на любовное соглашение с бандитами. Они производили впечатление людей упрямых и настойчивых. Бездна ситуации действует на меня мобилизующе, и я была уверена, что наверняка что-нибудь придумаю. Не зная местности, я не могла пока строить конкретных планов, а кроме того, не бежать же мне в махровом полотенце и босиком? Я бы бросалась в глаза всем встречным.

Вернувшись после обеда в свои апартаменты, я обнаружила там чудовищных размеров чемоданы со всем необходимым. Понятия не имею, как они умудрились так быстро обернуться и кто все это подбирал, но все вещи были нужного размера, даже обувь. Может, просто обратились к продавщице с такой же фигурой и поручили ей подобрать гардероб? А было там все, начиная с купальных костюмов и кончая вечерними туалетами. Были даже брюки с бахромой, которые я ни за что бы не надела.

Вечером я смогла наконец выйти на прогулку. Я и не заметила, как стемнело, потому что все постройки были освещены, причем так хитро, что мне никак не удавалось обнаружить источник света. Как внутри здания, так и снаружи все освещалось мягким рассеянным светом, похожим на солнечный. Я пожалела, что не могу посмотреть на это издали, так как светящиеся кубики наверняка выглядели в темноте весьма эффектно.

Некоторые секции здания высились на скале, другие были встроены прямо в скалу, третьи построены на специальных опорах, так что получилось несколько этажей, связанных друг с другом сложной системой сообщения. Лестниц было немного и лишь там, где надо было подняться или спуститься на один этаж. Главным средством вертикального перемещения были лифты. Прогуливаясь с толстяком, я насчитала девять лифтов, в том числе и открытых,двигающихся безостановочно, так что в них приходилось садиться на ходу. Я лично такие лифты не люблю и стараюсь ими не пользоваться: у меня вечно одна из ног оказывается не там, где надо. Двери везде открывались сами – фотоэлементы, наверное; некоторые стеклянные двери тоже сами раздвигались, климатизационные установки выдували, вдували, охлаждали и обмахивали. Все это, представьте, было исправно и действовало бесшумно.

Бассейн находился на одной из нижних террас. С трех сторон он был окружен постройками, с четвертой – возвышалась скала. Пальмы и кактусы росли в достаточном количестве. Вокруг бассейна валялись надувные пуфики из прозрачного пластика и стояла прочая дегенеративная мебель.

Одной только вещи я никак не могла обнаружить – выхода из этой резиденции. Постепенно я все более укреплялась в мысли, что единственным способом как прибытия сюда, так и отбытия отсюда является тот самый вертолет на верхней террасе. Скала у бассейна отвесно поднималась вверх, и ясно было, что мне на нее не вскарабкаться. Вертолетом я не умела управлять. Наконец я не выдержала.

– Красиво здесь, – сказала я. – Прекрасное здание, но как отсюда выйти? Наверное, выход наверху?

– Зачем же наверху, если внизу значительно удобнее? – саркастически заметил толстяк, и на ближайшем лифте мы спустились вниз. По дороге я увидела не замеченную раньше эстакаду, ведущую к просторной площадке среди скал, за которыми виднелись как минимум еще два вертолета. Это была та терраса, которую я разглядела, когда мы шли на посадку. Опять, значит, недоступный мне воздушный путь сообщения...

Был, оказывается, и другой путь. Мы спустились на небольшой, окруженный скалами дворик, от которого начинались три дороги. Одна из них заканчивалась неподалеку чем-то вроде небольшого балкона с видом на море. Вторая, каменистая тропинка, вела вниз, к морю. Третья, узкое асфальтированное шоссе, тоже спускалась вниз, но в другом направлении.

– Вот эта тропинка ведет к берегу, – доброжелательно объяснил мне словоохотливый толстяк. – А это – дорога в город и дальше, в глубь страны. Мы как-нибудь выберемся в город, только поедем не по шоссе, а морем. Желаете осмотреть порт?

Я желала. Он наверняка рассчитывал ошеломить меня, вот почему я изо всех сил старалась не подать виду, что потрясена, даже глазом не моргнула, когда в одной из скал при нашем приближении сами по себе открылись двери очередного лифта. Ну, совсем как в сказке: «Сезам, откройся!»

Теперь мы спустились уже к самому берегу, и я увидела маленький порт. Построен он был на берегу океана, а не залива. От океана его хорошо защищал очень высокий волнорез. Две большие моторные лодки стояли в аккуратных индивидуальных бассейнах. Все это было освещено тем же мягким рассеянным светом.

– Здесь недалеко город, – информировал меня толстяк, старательно избегая произносить название города. – Его отсюда не видно за скалами, только с верхнего балкона можно увидеть кусочек. Зато корабли, направляющиеся в этот город, видны хорошо.

Откровенно говоря, мне уже не хотелось больше ничего видеть. Резиденция меня ошеломила и вызвала целую кучу проблем. Мне надо

было спокойно поразмыслить и затем еще раз внимательно осмотреть – при дневном свете и без сопровождения. Теперь я уже не удивлялась, почему они заперли меня на ключ в помещении с решетками на окнах.

Спать я отправилась с робкой надеждой, что проснусь в Копенгагене, опоздаю на работу и буду с удовольствием вспоминать свой увлекательный сон...

Не стану утверждать, что у меня было спокойно на душе, когда, осмотрев еще раз владения моих похитителей, поднявшись на вторую террасу с вертолетами и налюбовавшись видом с балкона, я расположилась на отдых в тени буйной растительности у бассейна. Возможность побега представлялась весьма проблематичной, зато очень четкой и недвусмысленной – позиция моих хозяев. Отказавшись от всех дипломатических выкрутасов, патлатый заявил мне прямо:

– Chere mademoiselle, вы являетесь единственной обладательницей чрезвычайно важных для нас сведений. Вы женщина неглупая и понимаете, что эти сведения мы должны получить. Не буду скрывать, сведения касаются денег. Очень больших денег. Вы сами убедились, что мы отнюдь не бедняки, но все, что вы видите, – ничто в сравнении с тем, что мы можем иметь после того, как вы нам сообщите только вам известный шифр. Мы люди не злые, нам бы не хотелось прибегать к насилию, тем более что это и в самом деле может отрицательно сказаться на вашей памяти. Напротив, мы склонны принять вас в дело... Этот вопрос мы еще обсудим... Но, к сожалению, не мы здесь распоряжаемся. У нас есть шеф. Он скоро прибудет. Если вы до прибытия шефа сообщите нам все, что сказал наш светлой памяти умерший друг, мы вас щедро вознаградим и отправим в Европу. Если вы увидите с шефом, вы никогда больше не выйдете отсюда. Выбирайте...

Все это было очень логично и, возможно, заставило бы меня передумать, если бы я не помнила того, что говорилось в самолете. Я твердо знала, что пока не назову им шифр, буду жива. Сказать всегда успею. А зачем я им нужна после того, как они все узнают?

– Понятно, – сказала я и сделала вид, что задумалась. – Но я в самом деле не помню всего, и мне кажется, что кое-что я перепутала. Сначала я совсем ничего не помнила, потом начала немного вспоминать, но до сих пор у меня все путается. И я совсем не шучу, когда говорю, что мне было бы очень полезно вновь оказаться в подобной обстановке.

– Это мы организуем, – пообещал патлатый. – Да хотя бы сегодня и попробуем...

Я не была уверена, что они поверили мне. Скорее делали вид, что

поверили. Я тоже делала вид, что верю им, и мне очень хотелось надеяться, что они не догадываются, что я делаю вид.

Очень жарко было ходить здесь в парике. Перед тем как отправиться к бассейну, я вымыла голову – с большим риском для жизни, так как выбрала наугад один из шампуней в ванной, не зная, для чего он предназначен, и не будучи уверена, что от него не вылезут все волосы. Мне не на что было накрутить вымытые волосы, и я сидела у бассейна как прилизанная Гоплана, хотя Гоплана отличалась более буйными кудрями.

Всюду – внизу на пристани, вверху у вертолетов, да и вообще на каждом шагу – я встречала мрачных черных бандитов в широкополых шляпах. Они не чинили мне никаких препятствий в моей прогулке, но ни на минуту не спускали с меня глаз. Излишняя предосторожность: ни моторки, ни вертолета я не могла бы украсть, не говоря уже о том, что я понятия не имела, как ими управлять. Бежать же пешком в такую жару... Вот если бы была какая-нибудь машина, но я нигде не видела никакого наземного средства передвижения, только воздушные или морские. Хотя бы велосипед какой-нибудь завалящий... Судя по карте, дорога должна была вести вниз, так что на велосипеде я запросто съехала бы.

Было ужасно жарко, и я решила искупаться. Надела на высохшие волосы купальную шапочку и двинулась к бассейну. Мне и в голову не пришло, что этот шаг к воде станет моим шагом к свободе!..

Всю жизнь я жутко мучилась со своими волосами. Что бы я ни делала с ними, все равно выглядела как чучело или оплешивевшая белка, поэтому забота о голове, особенно при соприкосновении с водой, стала моей второй натурой. После мытья, да еще хорошим шампунем, мои отвратительные космы – дня два, не больше, – выглядели терпимо, и иногда мне даже удавалось сделать из них нечто напоминающее прическу, но как только я имела неосторожность намочить их в реке, озере, пруду, не говоря уже о море, все мои усилия шли насмарку. И почему-то никогда не помогала купальная шапочка, вода проникала даже под самую плотную. Поплывать на спине я могла себе позволить лишь в том случае, если сразу же после плавания собиралась мыть голову. Хотя вряд ли мой способ передвижения по воде заслуживает названия «плавание». Правда, я могла преодолеть расстояние в двадцать метров и не утонуть при этом, но какое это было жалкое зрелище!

На сей раз я очень неплохо вымыла голову, а купальная шапочка была несколько великовата, поэтому с головой следовало обращаться особенно бережно. Вода в бассейне была кристально прозрачна, и отчетливо виднелось дно, выложенное мозаикой. Мне почему-то казалось, что в том

месте, где я собиралась войти в бассейн, должно быть очень мелко – видимо, потому, что вышка находилась по другую сторону бассейна, а, как известно, вышки устанавливают над глубоким местом. Вот почему, небрежно придерживаясь за край бассейна, я смело шагнула в воду.

Не почувствовав под ногами дна, я от неожиданности отдернула руку и с криком ушла под воду. Заорала я, разумеется, из-за головы, а не от страха утонуть – это не грозило мне даже с моим умением плавать. Закричав, я хлебнула воды и постаралась поскорее вынырнуть, злясь на себя, бассейн и купальную шапочку. Хлопая руками по воде, как тонущий эпилептик, кашляя и отплевываясь, я пыталась ухватиться за край бассейна. В этот момент я услышала плеск, что-то с шумом упало в воду, я оглянулась – и обомлела: великолепным кролем ко мне стремительно плыл какой-то тип в элегантном белом костюме. Схватившись за край бассейна рядом со мной и отбросив назад длинные черные волосы, он взглянул на меня, и в его взгляде явственно выразилось облегчение.

– Зачем вы это сделали? – с упреком обратился он ко мне по-английски, произнеся предварительно несколько, кажется, португальских слов. – Вы же могли утонуть! Каше счастье, что все обошлось!

– Прошу прощения, я не умею плавать, – ответила я виновато. – Я думала, что здесь мелко. Вы что, прыгнули, чтобы спасти меня?

– Конечно! Это мой долг.

– О, громаднейшее вам спасибо. И очень прошу меня извинить, из-за меня вы намочили свой костюм. Надо было раздеться!

– У меня не было времени. Пустяки, костюм моментально высохнет.

Во время этого обмена любезностями между нами плавал в воде импозантный пурпурно-зеленый галстук.

– А галстук ваш не полиняет? – встревожилась я. Тип ответил неуверенно:

– А кто его знает. Надо снять на всякий случай.

– Откуда же вы прыгнули? – поинтересовалась я, так как перед этим не видела вокруг ни души.

– А оттуда, – коротко ответил он, махнув галстуком вверх. Я посмотрела в указанном направлении. Приблизительно на высоте двух с половиной этажей над бассейном виднелась маленькая застекленная галерея, одно из окон которой было раскрыто. Метров десять, не меньше. И как ему удалось, прыгая с такой высоты, не промахнуться и попасть в бассейн?

– Должно быть, здесь очень глубоко! – воскликнула я, с восхищением глядя на него.

– Двенадцать метров, – ответил он и вылез из бассейна.

Я тоже вылезла и помогла ему аккуратно разложить галстук для просушки. Мы уселись на пластиковых пуфиках и продолжали беседу, причем он все время менял положение, подставляя солнцу разные фрагменты своего одеяния. Я предложила ему снять пиджак, но он отказался категорически. Костюм просыхал с быстротой, несомненно свидетельствующей о его синтетической природе.

Наш разговор не выходил за пределы плавания. Ярko описав свое неумение плавать, я даже несколько преувеличила его, чтобы сделать человеку приятное. Ведь наверняка он оказался бы в глупом положении, если бы узнал, что напрасно прыгал с такой высоты...

– А лодку как вы переносите? Как себя чувствуете на корабле? – поинтересовался он, поддерживая светский разговор.

Я уже собиралась ответить, что прекрасно, как вдруг какое-то совершенно неясное для меня самой соображение заставило ответить совсем не так, как собиралась:

– Ужасно! Я боюсь воды и не выношу качки. Даже не знаю, как быть, мне тут обещали устроить экскурсию вон в тот город. – И я махнула рукой, надеюсь – в противоположном направлении. – Они сказали, что мы отправимся на лодке, а я жутко боюсь, но мне стыдно признаться.

– Так надо было сказать, – посочувствовал тип. – Зачем же мучиться? Я им сам скажу!

– Ни в коем случае! – воскликнула я. – Не надо говорить, я не хочу, чтобы они знали, – доверчиво призналась я. – Пожалуйста, никому ни слова!

– Хорошо, но обещайте мне, что не будете больше прыгать в глубокую воду. Вон там есть лесенка, по ней можете осторожно спускаться в бассейн. А вообще-то вам лучше обходиться душем.

Он встал и показал мне, как обращаться со сложной системой всевозможных душей и фонтанов, оборудованных у бассейна. Я с благодарностью восприняла этот урок и тут же применила свои знания на практике. Тип осмотрел высохший галстук, нацепил его, обдернул на себе костюм, галантно попрощался и удалился.

Я сняла купальную шапочку и принялась опять сушить волосы. Обдумывая, случайно ли он пришел мне на помощь или с меня не спускают глаз, я вдруг услышала звук мотора. Обыкновенного автомобильного мотора, работающего на полных оборотах где-то по ту сторону построек и, судя по звуку, приближающегося к резиденции.

Проявленная мной вслед за этим прыть была поистине

сверхъестественной, учитывая жару. Я набросила на себя хламиду, обшитую золотой каемкой, вскочила в один из тех лифтов, которые я терпеть не могу, и уже через минуту оказалась во внутреннем дворе. Там ничего не было, но звук мотора нарастал. Это наверняка был легковой автомобиль, и находился он где-то очень близко, но, видимо, дорога, ведущая вверх, была чрезвычайно крутой, так как машины все еще не было видно. И вот наконец из-за скалы показался черный «ягуар».

Я стояла в тенечке и с тоской смотрела на приближавшуюся машину. Наконец-то что-то привычное, машина, с которой я умею обращаться и на которой запросто могла бы бежать отсюда – ведь раз на ней приехали, то можно и уехать? Из машины вышел патлатый с каким-то незнакомым мне маленьким черным толстяком. Но это не мог быть шеф, так как он уж очень уважительно обращался с патлатым.

Не заметив меня, они вошли в здание. Шофер с бандитской физиономией въехал на машине в гараж, и я узнала, что часть стены является дверью гаража. Наверняка опять фотоэлемент или какое-нибудь механическое устройство, потому что половинки дверей раздвинулись сами. У них везде здесь были раздвижные двери, очень удобно.

Воспользовавшись тем, что вокруг никого не было, я внимательно исследовала площадку и обнаружила механическое приспособление – место, на которое въезжающая автомашинка должна была надавить колесами, чтобы открылась дверь. Обнаружить-то я обнаружила, а где взять в случае чего два тяжелых предмета по пятьсот килограммов каждый? Тяжело вздохнув, я решила продолжить свои изыскания.

На скалы рядом с балкончиком можно было вскарабкаться без труда, и я вскарабкалась. Снизу верхушки скал казались острыми как бритва, на самом же деле они представляли собой довольно округлые кручи, идущие вдоль берега. Далеко внизу виднелся океан, а сразу у моих ног начиналось что-то, что при большом воображении можно было принять за тропинку. Я двинулась по ней. Это было не очень трудно, правда, временами приходилось передвигаться на четвереньках. Вскоре я добралась до маленькой площадки, посыпанной песком. Тут наконец я нашла немного тени – ее давали развесистая пальма и несколько импозантных кактусов. Я знаю, что кактусы растут в самых неожиданных местах, а вот наличие здесь пальмы меня удивило. Впрочем, возможно, я не очень хорошо разбираюсь в ботанике.

Если бы мне удалось взобраться на эту пальму, я бы смогла охватить взглядом всю резиденцию и окружающие ее окрестности. К сожалению, от этой мысли пришлось отказаться, поэтому я ограничилась тем, что влезла

на скалу за пальмой. Это тоже дало неплохой результат. Отсюда мне была видна лишь часть построек бандитской резиденции, ниже – кусок извивающейся, как змея, дороги, а еще ниже нечто ужасное: разводной мост! Построили его над ущельем, в которое упиралась дорога. Сейчас мост был поднят. Ясно, его опускают только тогда, когда проезжает машина, и наверняка управляющий им механизм скрыт где-то в резиденции.

Очень долго сидела я на карачках на этой скале и пыталась что-нибудь придумать. В голове у меня один за другим сменялись самые фантастические проекты, пока я не решила, что мне следует лучше ознакомиться со всеми устройствами и попытаться понять, как они действуют. Тогда можно будет строить проекты.

Я слезла со скалы и уже собиралась возвращаться, как вдруг увидела в море большую моторную яхту. На носу яхты большими буквами было написано романтическое название «Stella di Mare» – «Морская звезда». Медленно плыла яхта по морю, и слабый гул мотора был еле слышен. Оказавшись прямо напротив меня, яхта резко изменила направление и под прямым углом двинулась к берегу. Вот она уже совсем близко и, кажется, намерена врезаться в скалу. Заинтересовавшись, я спустилась на выступ скалы, нависший над берегом, легла на живот и осторожно высунула голову. Яхта действительно входила в скалу, правда, не прямо подо мной, а несколько в стороне.

Я уже давно решила ничему здесь не удивляться и попыталась найти какое-то логичное объяснение происходящему. Отбросив, как мало реальную, версию о раздвижных воротах в виде монолитной скалы, я решила, что там скорее всего какой-нибудь невидимый сверху грот. Тщательно, метр за метром, изучая береговую полосу, я заметила наконец, что в одном месте ее линия прерывается. Вход в бухту?

Ни минуты не раздумывая, я решила подойти поближе. То, что я называю тропинкой, спускалось вниз, я тоже, по большей части на четвереньках. Тропинка резко свернула в сторону, и я оказалась в небольшой нише, вырубленной в скале. Глянув вниз, я обнаружила три вещи: яхту, величественно разворачивающуюся в бухточке, лишь немногим больше самой яхты и со стороны океана целиком закрытой скалами, нависший над яхтой довольно большой помост, на котором встречали яхту три человека, и металлическую лесенку, ведущую от моей ниши прямо на этот помост. Лежа в своей нише, я спокойно наблюдала за происходящим, уверенная, что успею скрыться, если они вздумают подниматься по лесенке.

Они не стали подниматься. После того как яхта пришвартовалась, они еще какое-то время крутились на помосте, с яхты сошел экипаж в составе двух бандитов, и все они исчезли в стене подо мной. Конечно, опять раздвижная дверь и опять сложная система управления с центром в здании. С ума можно сойти от всех этих достижений цивилизации!

Мне очень хотелось сразу же спуститься на помост, но я не выношу всяких этих идиотских металлических и веревочных лесенок. Спускаюсь по ней, решила я, когда не будет другого выхода. Пока же я поднялась по тропинке и прежним путем, без особых трудностей, вернулась к себе.

По тому, как меня встретили, я поняла, что исчезла незаметно для них и что это их смертельно напугало. При виде меня поднялся переполох, один черный бандит со всех ног бросился в одну сторону, второй в другую, третий, в белом костюме, кинулся к телефону, и у первого же лифта я наткнулась на выходящего из него толстяка.

– Где вы были? – выкрикнул он, причем на его лице одновременно отражалось беспокойство и облегчение.

– На прогулке, – вежливо объяснила я. – Нашла прелестное местечко на берегу с видом на Европу и сидела там под пальмой. Там так хорошо!

Он захлопал глазами, видимо, стараясь сообразить, какую пальму с видом на Европу я имею ввиду. Следует заметить, что пальм там была прорва. Тем временем его беспокойство рассеялось и осталось одно облегчение.

– Хорошо, что вы вернулись со своей прогулки. После обеда едем в город. В соответствии с вашим пожеланием...

Я совсем этого не желала, но решила не возражать. Пусть будет экскурсия в город, надо же мне развлечься после всех моих сегодняшних открытий. Но оказалось, что открытия еще не кончились. Видимо, суждено было мне вести здесь жизнь интенсивную и полную эмоций.

В город мы отправились на моторной лодке. В последнюю минуту я вспомнила о том, что должна бояться воды. Да и вспомнила лишь потому, что они уж чересчур внимательно наблюдали за мной в момент посадки. Видимо, мой спаситель в ошеломляющем галстуке сделал им подробный доклад. Откровенно говоря, из всех видов сообщения я всегда предпочитала водное и совершенно не боюсь воды, невзирая на свое неумение плавать. Я обожаю качаться в маленьких лодках на больших волнах, качка мне не страшна, и я не знаю, что такое морская болезнь. Вот почему я не была уверена, что моя симуляция будет выглядеть достаточно убедительной.

О своей боязни воды я вспомнила в тот момент, когда занесла ногу над

палубой моторки. Я качнулась, наклонилась вперед и отдернула ногу, чуть не потеряв равновесие. В воду бы я не упала, зато влетела бы в лодку головой вперед, что отнюдь не входило в мои намерения. Лупоглазый бандит заботливо поддержал меня. Ногу я отдернула для того, чтобы подумать, как войти в лодку с возможно более испуганным видом, но вместе с наклоном получилось прелестно, и мне больше не было необходимости демонстрировать свой страх.

– Да садитесь же наконец, – звал меня из лодки патлатый.

– А там не мокро? – с беспокойством спросила я. – Еще туфли замочу... Может, лучше на машине?

– Нет, не лучше. Здесь сухо. Эй, помоги даме!

Лупоглазый попытался втолкнуть меня в лодку. Я уперлась всеми четырьмя конечностями и с достоинством заявила:

– Не надо, я сама.

Теперь я попробовала начать с другой ноги, поставив ее на борт. Борт слегка накренился, я собиралась издать крик ужаса и опять отпрянуть, но не успела. Лупоглазый был начеку. Правда, он рассчитывал, что я пойду вперед, и из самых лучших побуждений подтолкнул меня, так что я действительно потеряла равновесие и очень естественно свалилась на колени к патлатому. Получилось так, как надо, и я совсем не пострадала. Извинившись перед патлатым, я неодобрительно заметила, что посудина кажется мне на редкость неустойчивой. И вообще, не слишком ли она мала для путешествия по такой большой воде?

– Как раз впору, – отрезал патлатый и бросил взгляд на мою голову.

С самого обеда на нее все бросали взгляды. Дело в том, что я наконец сняла парик, начесала и покрыла лаком свежeweымытые волосы и соорудила вполне приемлемую прическу. Непонятно, что могло вызвать у них такой интерес? Цвет, конечно, другой, но ведь парики давно перестали быть редкостью. К тому же эти взгляды были полны горечи, а уж это было совсем необъяснимо.

В лодке я продолжала играть свою роль: сидела, напряженно выпрямившись, закрыв глаза и стиснув зубы, неохотно и лаконично отвечая на обращенные ко мне вопросы. А как приятно было плыть! Океанские волны слегка покачивали нас, моторка неторопливо взбиралась на большую волну и мягко скатывалась вниз. Какое наслаждение было бы сидеть на носу, глядеть на воду и свободно предаваться упоительному колыханию!

Я стала думать о предстоящей нам экскурсии в город. В конце концов, город это город, там есть полиция, и я могла бы сбежать и явиться в полицию. Или смогла бы бежать и кинуться на вокзал – ведь если через

Паранагуа проходит железная дорога, должен быть и вокзал – и попытаться уехать поездом. Интересно, как они собираются меня охранять? Может, прикуют к себе цепью?

Ничего подобного не произошло. Мы пришвартовались к маленькому причалу в самом конце порта, довольно далеко от города. Было темно и как-то неприятно. Сначала я еще пыталась извлечь кое-какую туристическую пользу из своего пребывания в городе, но вскоре отказалась от этой мысли. Меня больше заинтересовало отношение туземцев к моим спутникам. Все они с ними почтительно и даже заискивающе здоровались, в том числе и представители властей в мундирах. Я не уверена, что это были полицейские. Может быть, такие мундиры носили здесь железнодорожники, пожарники или таможенники, но все они без исключения оказывали сопровождающим меня бандитам всяческие знаки уважения. Следовало ожидать, что первый же полицейский, к которому я обращусь за помощью, возьмет меня за ручку и отведет в резиденцию. Остальное встречающееся нам население состояло из черноволосых мужчин в широкополых шляпах с бандитскими физиономиями, и все они как один, казалось, представляли обслуживающий персонал все той же резиденции.

Игорный дом, конечная цель нашей экскурсии, был совсем близко. Жалкий на вид ресторанчик под названием «Esperanza» – «Надежда», что я сочла счастливым предзнаменованием, внутри блистал роскошью. Датские кроны мне еще раньше обменяли на доллары по нормальному банковскому курсу, а обменивать их на местную валюту не было необходимости, ибо, во-первых, играли на жетоны, и, во-вторых, доллары тоже были в ходу. Так я и по сей день не знаю, как выглядит их местная валюта.

Я решила сохранять хладнокровие, чтобы не спустить в этом экзотическом притоне все свое состояние. Заняв место у рулетки, я стала делать маленькие ставки – и довольно удачно. Для начала я поставила на восемнадцать и выиграла. Через минуту меня будто что-то толкнуло, я опять поставила на восемнадцать и опять выиграла. Пока мне везло, но я знала, что существует закон, в соответствии с которым я еще какое-то время буду выигрывать, но потеряю все, если слишком долго останусь за этим столом, вот почему после первого проигрыша я встала и решила сменить место.

За соседним столиком играли в какую-то неизвестную мне игру. Я остановилась, заинтересовавшись, и в этот момент услышала:

– Говори по-немецки.

Сказано это было на немецком языке. А сказал лупоглазый, не меняя

выражения лица, не отрывая глаз от карт на столе и обращаясь к своему соседу. Я стояла как раз за их плечами. Этого соседа – черного, как и все туземцы, уже немолодого и очень красивого – я не знала. Продолжая разговор, он сказал:

– Не понимаю, как он мог ошибиться.

– У нее черные глаза, обрати внимание, – ответил мой бандит. – А на голове у нее был платиновый парик. Мы тоже думали, что это ее волосы. Он не знал Мадлен, и был уверен, что это она.

– А почему не было Мадлен?

– В последний момент Арне предупредил ее о готовящейся облаве. Она поехала прямо в аэропорт, чтобы там перехватить Бернарда. Но не успела...

– Ужасно, – с горечью сказал черный. – Кошмар! А ты уверен, что она не понимает по-немецки? Следует соблюдать осторожность.

– Уверен, – ответил тот и неожиданно обратился ко мне: – Вы знаете эту игру? Хотите сыграть?

Я продолжала с интересом наблюдать за игрой, не обращая на них внимания. Он говорил по-немецки, так откуда же мне знать, к кому он обращается? Нет, меня так легко не поймать.

– Мадемуазель Иоанна, – через минуту обратился он ко мне. – Я спрашивал, не желаете ли вы сыграть в эту игру?

«Только бы мне не запутаться в этих языках», – подумала я и милостиво улыбнулась ему, так как он перешел на французский.

– Ах, вы мне? Извините, я не слышала. Нет, спасибо, я предпочитаю рулетку.

И я перешла к соседнему столу. То, что я только что услышала, очень взволновало меня. Тайна постепенно разъяснялась. Наконец-то мне стало понятно, из-за чего произошла ошибка и почему в это дело впутали меня. Какая-то девица по имени Мадлен была похожа на меня, и несчастный умирающий последним усилием передал мне зашифрованное сообщение. Если он ее не знал, должен был спросить пароль, но, по всей видимости, на это у него не было ни времени, ни сил. И если он был единственным обладателем тайны, ничего удивительного, что они так всполошились и прихватили меня с собой. Что им еще оставалось делать? Я бы на их месте поступила точно так же. Теперь понятно, почему они бросали на мою голову такие неодобрительные взгляды... Если бы не этот проклятый платиновый парик, сидела бы я сейчас спокойно у Фрица в офисе, рисовала фрагменты ратуши и радовалась выигрышу на скачках.

Надеясь услышать что-нибудь еще, я больше расхаживала между

столами, чем играла, благодаря чему не успела проиграть того, что мне удалось выиграть вначале, в итоге оказалась в выигрыше. Пожалуй, такой метод следует принять на вооружение...

Я провела ряд экспериментов с целью установить границы моей свободы. Можно, например, улучшить минутку, сбегать на почту и послать весточку Алиции. Как бы не так! Правда, никто не мешал мне покинуть помещение, никто не хватал меня и не удерживал силой, но как только я делала попытку отдалиться, тотчас же раздавался тихий свист и рядом со мной появлялись три черных бандита – два по бокам и один сзади. Они делали вид, что не обращают на меня внимания, но держались рядом со мной, как приклеенные. От мысли спастись бегством – в незнакомом городе, в темноте – я отказалась. Отказалась я и от мысли бежать через окно дамской туалетной комнаты, главным образом потому, что в дамской туалетной комнате не было окна. Да, положение мое было незавидным.

Поздно ночью я позволила отвести себя на пристань и устроила там представление под названием «яхтофобия». За исключением морской болезни, которую мне никак не удавалось вызвать у себя, я изобразила все, что только видела и слышала на эту тему, и сама себе стала невыносима.

На следующий день я развила бурную деятельность. Тщательнейшим образом обследовав все, я обнаружила множество интересных и совершенно ненужных мне вещей: электроподстанцию, насосную станцию, машинное отделение и радиоузел. Только под конец я нашла то, что искала. В самом низу, почти на уровне внутреннего двора, находилось помещение с многочисленными пультами, радарными и телевизионными экранами и электрифицированной картой местности. Я провела там чуть ли не полчаса, пока они не спохватились и не выгнали меня. Да и то не очень сердились. Видимо, считали, что мне вовек во всем этом не разобраться, и я не скажу, что они так уж ошибались. А того обстоятельства, что в критических жизненных ситуациях мои умственные способности достигают недостижимых высот, я и сама не знала.

Мои умственные способности в течение упомянутого выше получаса позволили мне выявить на электрифицированной карте все интересующие меня объекты: подземный переход к помосту над бухтой, куда вошла яхта, подъемный мост у въезда в резиденцию и что-то непонятное в самом конце дороги. В натуре я этого не видела и поэтому не имела понятия, что бы это означало, предполагая только, что, видимо, какая-то преграда на шоссе.

Обнаружила я также, какой рычаг управляет каждым из этих объектов, но вот главного мне не удалось выяснить, а именно: какой рычаг ведаёт подъемным мостом.

После того как меня выдворили из диспетчерской, я продолжила свои изыскательские работы и обнаружила прямой лифт, связывающий здание с гаражом, в котором все еще стоял черный «ягуар». С тоской поглядела я на машину, подумала над тем, где они могут держать ключи от зажигания, ничего не придумала и отправилась дальше.

Осмотрев на всякий случай оба вертолета на террасе, я искупалась в бассейне и наконец решила отдохнуть под пальмой. Отсюда я видела, как прилетел третий вертолет и из него вышел маленький бандит. Он поговорил с другим, в белом костюме (теперь я знала, что так одевался обслуживающийся персонал высшей категории), после чего вошел в дом. Я видела, как из гаража выехал «ягуар», в котором сидел только один шофер – тот самый черный бандит с лицом убийцы. Я видела, как во двор въехал грузовик и с него стали сгружать какие-то ящики.

Все это я могла свободно рассмотреть, так как во время сегодняшних изысканий обзавелась попутно некоторыми полезными вещами. В их числе был превосходный цейсовский бинокль, очень острый пружинный нож и литературное произведение, которое называлось, если память мне не изменяет, «Пособие для яхтсмена-любителя», на английском языке, и я собиралась почитать его на досуге – на всякий случай. Бинокль и нож я тоже прихватила на всякий случай, ведь никогда не знаешь, что тебе понадобится. Присваивая их, я не испытывала ни малейших угрызений совести.

Вертолет опять взлетел. Рассматривая в бинокль окрестности, я особое внимание уделила дороге. Думаю, что с этой высоты она просматривалась примерно километров на десять, не вся, разумеется, а лишь отдельные участки. Под самым носом торчал мост, и я вдруг сообразила, что легко и просто могу узнать, каким рычагом он приводится в действие. Достаточно быть в диспетчерской в тот момент, когда к нам будет приближаться или уезжать от нас какая-нибудь машина. Сейчас мост поднят, значит, надо будет его опустить.

Конечно, я могла просидеть под своей пальмой и целые сутки, не спуская глаз с дороги, но мне посчастливилось. Сначала вернулся вертолет и из него вышли трое незнакомых мужчин, а вскоре я увидела, что по дороге что-то движется. Конечно, на таком расстоянии нельзя было определить, «ягуар» это или другая машина и едет ли она к нам, или свернет куда-нибудь в сторону, но я на всякий случай стремительно бросилась вниз. Точнее, постаралась как можно быстрее преодолеть на четвереньках путь по скалам.

Двери в диспетчерскую не запирались на ключ и, как все двери,

раздвинулись бесшумно при моем приближении. С бьющимся сердцем, затаив дыхание, остановилась я за спиной человека, сидящего за пультом. Белый костюм свидетельствовал о его принадлежности к высшей касте. Он внимательно следил за картой, по которой медленно передвигалась светящаяся точка, а у меня просто глаза разбежались, я не знала, на чем сосредоточить внимание. Ах, как бы мне пригодились сейчас strabismus divergens – расходящееся косоглазие.

Точка приблизилась к тому неизвестному мне препятствию, что находилось в конце пути. Человек за пультом перевел в верхнее положение первую рукоятку справа. Точка миновала это препятствие, и он вернул рукоятку в прежнее положение. Собственно, этого было достаточно, я узнала, что хотела, но все-таки не мешало убедиться. Бесконечно долго стояла я у него за спиной. Точка ползла, как подышающая корова, пока наконец, по прошествии нескольких столетий, не добралась до мостика. Человек в белом костюме перевел вверх вторую рукоятку справа.

Так же незаметно я удалилась. Все во мне торжествовало. Постепенно вырисовывался путь к свободе.

На общее собрание я наткнулась случайно.

Не без причины наблюдалось такое оживление воздушного и наземного транспорта. Прибыло несколько новых хмырей, но ни один из них не был шефом, поскольку по-прежнему главную роль играл патлатый. Обедала я в большой компании, вместе с моими прежними знакомыми, было их одиннадцать человек, и все новенькие с отвращением поглядывали на мою голову – как видно, их уже проинформировали.

После обеда все они куда-то исчезли. Целиком поглощенная напряженной умственной работой, я слонялась по территории, пытаюсь решить очередную проблему, и совсем не собиралась разыскивать их.

Проблема же была такая: где они могут держать запасные ключи? Ведь у каждой автомашины, у каждого вертолета, яхты и всякого другого средства передвижения должно быть по два комплекта ключей от зажигания. Один комплект находится у водителя, пилота, рулевого и так далее. А где хранится запасной? Ведь водители и пилоты сменяются, их могут срочно вызвать, они могут разминуться, поэтому запасные ключи должны всегда храниться в определенном месте. Трудно предположить, что их кто-то носит при себе. Даже если и существует какой-нибудь интендант, кладовщик или ключник, вряд ли он таскает повсюду с собой огромную связку ключей. Наверное, где-то есть специальный шкафчик, или ящик в столе, или, наконец, доска, на которой висят все ключи.

Тщательно осмотрев всю диспетчерскую, в которой не было ни души,

и ничего не обнаружив, я принялась размышлять: где же они могут держать ключи? Если не в диспетчерской, то наверняка у начальства – скорее всего в кабинете шефа. Раз есть шеф, то должен быть и кабинет. Правда, во время моих изысканий мне не попадалось ничего похожего на кабинет шефа, но, возможно, я просто не обратила на него внимания, так как меня интересовало главным образом техническое оснащение резиденции.

Ничего не поделаешь, придется по новой начинать обход. Во время одного я наткнулась на одного из официантов, хотя, возможно, этих людей следовало называть лакеями. С утра до вечера они обслуживали нас, и всегда в белых фраках, с ума сойти! Встреченный мною официант катил перед собою столик на колесиках, на котором был сервирован кофе, распространяющий упоительный аромат. Уж что-что, а кофе у них был хорош, ничего не скажешь.

Вдыхая этот аромат, я, не отдавая себе отчета, что делаю, двинулась за столиком. У меня, видимо, случился легкий приступ умственного расслабления – может, от жары, а может, от чрезмерных умственных усилий.

Двери перед официантом почему-то не распахнулись сами по себе, что меня удивило. Он нажал на кнопку у косяка двери, и, прежде чем дверь открылась, я успела вплотную приблизиться к нему. Он меня не видел и не слышал – пол был покрыт коврами.

Без всякой задней мысли я последовала за ним и оказалась в конференц-зале. Одиннадцать мужчин сидели вокруг стола, отделенного от входа металлической решеткой, оплетенной буйными побегами какого-то вьющегося растения. Официант покатил столик дальше, а я шагнула вправо и присела в зарослях.

Присутствие на конференции никак не входило в мои намерения. Не входило в мои намерения и подслушивание того, о чем там говорилось. Но раз уж я здесь оказалась... Да и передохнуть в прохладе и зелени совсем не мешало.

Официант удалился, не глядя по сторонам, и переговоры возобновились. Велись они сразу на трех языках – английском, французском и немецком, что лично для меня было очень удобно.

– Согласно последним данным, – заявил патлатый, – мы успели распродать паи...

И больше я ничего не поняла. Посыпались торговые термины, названия каких-то предприятий, акционерных обществ и тому подобное.

– Мы успели снять деньги со счетов... – И опять длинный перечень, на сей раз всевозможных банков в Англии, Франции, Голландии, Швейцарии.

- ...и на все деньги были закуплены драгоценности...
- Конкретнее, – перебили его. – Какие именно?
- Это мы знаем только приблизительно. Нам удалось установить, что около восьмидесяти процентов вложено в алмазы. На остальное приобретены золото и платина.
- Все это заморожено, – сказал другой голос. – А что осталось у нас?
- Почти ничего, – мрачно признался патлатый, и воцарилась гробовая тишина.
- А поступления? – с надеждой спросил кто-то.
- Об этом мы уже говорили. В настоящее время они не покрывают и половины текущих расходов...

И опять гнетущая тишина. Да, веселой эту конференцию не назовешь. А мне становилось все интереснее.

– Кто же несет ответственность? – нарушил тишину чей-то зловещий голос. – Кто дал такое идиотское распоряжение?

– Шеф, – кто-то ехидно поспешил удовлетворить его любопытство. – Все придумал шеф, и очень хорошо придумал. Вся операция была произведена четко и быстро. Все мы знаем, что наши счета были блокированы буквально через час после того, как мы сняли деньги. Они действовали быстро, а мы еще быстрее, так как шеф все предусмотрел. Закупали в Париже, Амстердаме и непосредственно в ЮАР. Все провернули за двадцать четыре часа и передали Бернарду. Он один был «чистый» и мог разъезжать свободно. Место он подыскал заранее и зашифровал...

- Ха-ха, – саркастически рассмеялся кто-то. – И как зашифровал!..
- Если бы Бернард передал шифр Мадлен, – хладнокровно продолжал предыдущий оратор, – эти алмазы и платина были бы уже здесь.

Затем слово взял патлатый:

– Планом было предусмотрено переждать самое опасное время. Здесь, в безопасности, мы должны были отсидеться в течение нескольких месяцев, а потом начать все сначала. Средств у нас было более чем достаточно, у Интерпола же нет никаких конкретных улик против нас. И вот какая-то мелочь все испортила! Виноват Арне, который слишком поздно сообщил нам о готовящейся полицией облаве. Может, его подозревали и он боялся рисковать, но сейчас это не важно...

Кто-то прервал его:

- И что же, этот Арне так и...
- Несчастный случай, – коротко и равнодушно бросил патлатый. – Теперь надо как-то исправить последствия этой неприятной ошибки...

И конференция перешла к моему вопросу. Мнения выступающих разделились. Одни предлагали подвергнуть меня самым изощренным пыткам, другие высказывались за метод мягкого убеждения. Двое даже выразили желание взять меня в жены. Ясно было одно: дело надо кончать как можно скорее, и не столько из-за стесненных финансовых обстоятельств, сколько, подчиняясь приказу шефа, из желания выжать из меня шифр немедленно и любыми средствами.

Начались прения. От пыток большинством голосов отказались, ибо никто из присутствующих не мог гарантировать, что они не скажутся отрицательно на моей памяти. Отказались так же и от мысли поручить кому-нибудь войти ко мне в доверие или возбудить во мне страстную любовь – главным образом из-за отсутствия подходящего кандидата. В конце концов было принято решение обращаться со мной как с тухлым яйцом, то есть бережно и осторожно, до тех пор, пока я не выдам тайну, после чего стереть меня с лица земли, ибо я слишком много знаю.

Горячую дискуссию среди участников конференции вызвал факт доставки меня в резиденцию. Толстяк и патлатый с трудом отбивались от яростных нападков остальных, пытаясь вину за все свалить на Арне. Я поняла, что так звали полицейского, к которому я обратилась за помощью в копенгагенском игорном доме. Вместо того чтобы спокойно выслушать то, что я хотела ему сообщить, он заткнул мне рот тряпкой с хлороформом. Будучи под наркозом, я ничего не выболтала. Вот и пришлось тащить меня за тридевять земель. А так можно было бы сразу пристукнуть на месте, и никаких проблем.

Я все-таки не совсем понимала, зачем меня надо обязательно убивать после того, как я сообщила бы им шифр. В ходе дальнейшей дискуссии я поняла и это. И в самом деле, выпусти они меня на свободу – и полиция тут же возьмет меня в оборот. А если какое-нибудь непредвиденное препятствие помешает бандитам немедленно забрать драгоценности из указанного мной тайника? Их захватит полиция, и плакали денежки! Нет, рисковать никак нельзя, тут я готова была согласиться с ними.

Ну а после того, как меня доставили в их логово, не могло быть и речи о том, чтобы сохранить мне жизнь. Я проникла в их резиденцию, знаю их в лицо... Да и вообще, посторонний человек располагает сведениями об их организации. О чем тут, собственно, говорить?

Мне бы еще свечку, и в своем зеленом убежище я окончательно почувствовала бы себя покойницей, ведь все присутствующие в этом зале, не исключая и меня, только так и представляли мое ближайшее будущее, с той лишь разницей, что господам за столом это сулило радость, у меня же

вызывало совсем другие эмоции. Неудивительно, что услышанное не возбудило во мне симпатии к бандитам. Кипя негодованием и жаждой мести, я стала слушать с удвоенным вниманием и узнала много интересного.

Так мне стало известно, что в настоящее время шеф пребывает на Ближнем Востоке, где спешно организует новые отделения фирмы, чтобы как-то поднять доходы. Я постаралась запомнить конкретные населенные пункты, фамилии и адреса. Из обсуждения различных технических сторон деятельности фирмы мне стало ясно, что ее специальностью являются не только нелегальные игорные дома, но и легально существующая индустрия развлечений, всякого рода контрабанда, торговля наркотиками. Идиотское упорство в решении моей судьбы настроило меня по отношению к ним резко отрицательно, и я решила не давать мерзавцам пощады.

Выяснилось, что полиция уже давно заинтересовалась ими. Создавшееся в настоящее время трудное положение объясняется акцией Интерпола. В Интерпол им не удалось внедрить своего человека. В полиции разных стран были их люди, а в Интерполе не было. Я постаралась запомнить имена и псевдонимы их людей в полиции и с интересом выслушала пожелания по адресу Интерпола. Если бы хоть часть их исполнилась, большинство сотрудников Интерпола погибли бы на редкость неприятной смертью.

Все конечности у меня затекли из-за неприятного положения, но я не могла покинуть свой зеленый тайник. Да и вопросы обсуждались один интереснее другого. Сейчас они перешли к проблеме собственной безопасности. Данная резиденция являлась их последним убежищем, так что обнаружение ее будет для них полной катастрофой. И хотя это представляется маловероятным, на всякий случай в заливе стоит яхта «Морская звезда», которую не догнать ни одному полицейскому катеру. Кроме того, два реактивных самолета находятся в постоянной готовности, а на персонал аэродрома можно полностью положиться. У шефа есть еще какое-то тайное убежище, и все было бы хорошо, если бы не я.

А я совсем одеревенела, мне жутко хотелось курить и пить, от запаха цветов разболелась голова, но я мужественно досидела до конца конференции. И оказалось, не напрасно – кабинет шефа нашелся сам собой. Все вышли в ту самую дверь, в которую проникла я. Остались только патлаты и один из приезжих. Они подошли к стене, которая была мне из моего укрытия очень хорошо видна, нажали на кнопку под висящим на этой стене бра, и часть стены отъехала в сторону. Затем они вошли в открывшуюся дверь, но что делали там, я не видела. Знаю лишь, что делали

они это недолго, я даже не успела размять ноги. Когда они удалились, я покинула свой зеленый пост, подошла к стене и нажала на кнопку под бра.

Без сомнения, это был кабинет, хотя подобных кабинетов мне видеть не приходилось. Вместо окон у него были экраны телевизоров, причем на всех появлялись разные изображения. Так, на первом была представлена диспетчерская со всеми ее пультами и электрифицированной картой. Я включала один экран за другим, рассматривала изображение и выключала, чтобы перейти к следующему, каждую минуту ожидая, что нажму какую-нибудь не ту кнопку. Вместо письменного стола стоял какой-то агрегат, в аппаратуре которого я не могла разобраться и предпочла ничего там не трогать. Единственным более-менее привычным элементом этой мебелировки была стеклянная этажерка на колесиках, внутри которой на наклонных полочках я увидела то, что так долго искала: множество ключей разнообразных форм и размеров, в том числе и к автомашинам, или, во всяком случае, очень на них похожие. Долго рассматривала я этот предмет мебелировки, не находя способа его открыть, и решила, что в случае необходимости просто-напросто грохну этажерку об пол.

Апартаменты шефа мне удалось покинуть незаметно. Меня несколько удивляла предоставленная мне свобода в передвижении по всей резиденции, но, подумав, я нашла этому простое объяснение: члены правления фирмы были здесь у себя дома, чувствовали себя в безопасности, друг от друга им нечего было скрывать. Я же, единственный посторонний человек, все равно предназначалась на убой.

Через несколько дней я уже располагала рядом ценных сведений.

Во-первых, патлаты часто уезжал.

Во-вторых, это вызывало падение дисциплины, что проявлялось до смешного явно. Как только улетал вертолет с патлатым на борту, стоящий на часах при вертолетах черный бандит садился и закуривал, бандит при моторках оставлял пост и поднимался наверх, все бросали свои дела и располагались на отдых в тенечке, так что мне без труда удавалось исчезать из их поля зрения.

В-третьих, я обратила внимание на такой факт: когда мы пребывали в игорном доме, та моторная лодка, которая доставляла нас, отплывала, а вместо нее приплывала другая, обе они были в постоянном движении. Я не знала, пригодится ли мне такое наблюдение, но на всякий случай замечала все, связанное с водой. Океан, отделяющий меня от Европы, не позволял забывать о себе.

Посещение игорного дома стало для нас привычным занятием. Мы отправлялись в притон после обеда и возвращались далеко за полночь,

между часом и тремя, причем мне удалось-таки вызвать хаос в коммуникациях. Уже на третий раз я уперлась всеми четырьмя лапами и отказалась пользоваться водными средствами сообщения. Меня попробовали наказать, лишив вечернего развлечения, но я устроила им такой скандал, что сама пришла в восторг. Следует заметить, что у меня особый дар устраивать скандалы. Теперь меня доставляли на вертолете, но этот вид транспорта действовал только в одном направлении. Если я была в выигрыше, я сразу соглашалась возвращаться на лодке, а если в проигрыше – то не сразу, и тогда возникали серьезные проблемы. После долгих уговоров я соглашалась вернуться на моторке, и это даже в некоторой степени было логично, так как после полуночи волны становились меньше – может, из-за отлива.

В-четвертых, я установила, что у большой яхты в нашем заливе нет никакой охраны. Она стояла там спокойно сама по себе, и никто ею не пользовался.

В-пятых, я нашла ключи от «ягуара». Я подглядела, как шофер, поставив машину в гараж, самым обыкновенным образом повесил их на гвоздике у двери. Правда, это я для простоты прибегаю к таким обыкновенным словам, а на самом деле и дверь не была дверью, и гвоздь не был гвоздем, а чем-то средним между верхушкой радиоантенны и крючком в лавке у мясника.

Теперь передо мной открылся путь к спасению. Бежать надо как можно скорее, до прибытия мифического шефа, которым меня все дружно пугали. Ведь со мной каждый день вели переговоры на животрепещущую тему, каждый день докучали глупыми вопросами, каждый вечер старались заставить меня врасплох во время игры, рассчитывая на то, что, увлекшись игрой, я проговорюсь, но я не могла пожаловаться на плохое обращение. Все говорило о том, что всерьез за меня возьмется шеф, и я отнюдь не намеревалась дожидаться этого.

Время от времени я впадала в меланхолию и симулировала депрессию, давая понять, что вот-вот не выдержу, размякну, откажусь от войны с ними и все расскажу. Все четверо сразу оживлялись, глаза у них разгорались, лица прояснялись, они начинали увиваться вокруг меня, как обезьяны в цирке. Так продолжалось какое-то время, а потом я вновь ожесточалась и отказывалась с ними разговаривать. Скрежет зубовой вызывал тогда эхо в окрестных горах.

Все, что я слышала на конференции, в том числе фамилии и адреса притонов на Ближнем Востоке, я записала в своем календарике, и мне доставляло мстительную радость представлять, как бы возрадовался

Интерпол, если бы их заполучил.

Я приступила к разработке конкретных деталей плана побега. Полагаю, что мне надо добраться до Куритибы, ведь трудно предположить, что вся полиция Бразилии находится на службе у гангстеров. Дорого бы это обошлось последним. Деньги у меня есть. Из Куритибы я полечу самолетом в тот город, где находится наше посольство. Я не знала точно, где – в Бразилиа или в Рио-де-Жанейро, но узнаю в аэропорту.

Мне предстояло преодолеть как минимум триста километров горной дороги, почти сплошь состоящей из подъемов, спусков и серпантинов. Конечно, лучше всего было бы ехать ночью и не включать фары, но в таком случае я бы далеко не уехала – ведь дорога мне была совершенно незнакома. Поэтому я решила бежать днем. Да и с вертолета легче заметить ночью свет фар, чем днем мелкий предмет на фоне горного пейзажа, а я почему-то не сомневалась, что преследовать меня будут на вертолете. Правда, предмет будет двигаться, но этот вопрос я тоже обдумала во всех подробностях.

Оставалось только дожидаться подходящего момента. Примерно через неделю настал день, когда обстоятельства сложились на редкость благоприятно. Патлаты с толстяком улетели на вертолете. Бандит из вертолетной охраны не только уселся, но даже разлегся и, по всей вероятности, заснул. Не видно было ни души, в эту страшную полуденную жару все попрятались в помещении. Я взяла сумку и сетку с атласом и все еще не оконченным шарфом из белого акрила, спустилась на лифте в гараж, сняла ключи с имитации гвоздя и села в «ягуар».

В гараже стояли канистры с бензином, но стрелка указателя показывала, что бак полон, и я решила не брать лишней тяжести. Я включила зажигание, вспомнила, что в «ягуаре» третья и четвертая скорости включаются наоборот – и мне надо об этом постоянно помнить! – проверила, не стоит ли машина на ручном тормозе, вышла из машины и стала толкать ее к выходу. Тяжело было, но все-таки она продвигалась – метр, полтора метра, и вот двери гаража бесшумно раздвинулись.

Я выглянула наружу. По-прежнему ни души! Оставив открытым гараж, я помчалась вниз, в диспетчерскую, передвинула два правых рычага в верхнее положение и вернулась в гараж.

«Только без шума», – сказала я сама себе и принялась выталкивать машину наружу. Надо добраться до того места, где дорога идет вниз.

Ворота за мной сами закрылись. Наклон начинался тут же, в конце двора, стало легче, я уже подталкивала машину не сзади, а держась за переднюю дверцу. От волнения меня всю трясло.

«Ягуар» катился все быстрее, и вот уже можно было в него сесть. Я села у скал в конце двора. И тут началось!

Приблизительно я знала, что меня ожидает, ведь в бинокль все подробно рассмотрела, но действительность превзошла все ожидания. Машина ринулась вниз, набирая скорость как космическая ракета. Проклятая дорога была страшно узкой. Покрышки взвизгнули раз, взвизгнули второй, потом уже стоял сплошной визг, я давила ногой на педаль тормоза, стараясь не поддаваться панике. Сколько еще смогут выдержать тормоза? Ведь через минуту они полетят к черту, и я вместе с ними. Тут положено ехать с включенным сцеплением, на низкой скорости, тормозить мотором, одних тормозов мало, о Боже, что же я делаю?

Пропасть мелькала попеременно – то с левой, то с правой стороны. Чудом не врубилась я два раза в скалу, когда на миг отпустила тормоза. Господи, хоть бы кусочек ровной дороги, хоть бы немножечко в гору! Мне катастрофически не хватало ног. Правую я не могла снять с тормоза, возможно, кто и умеет включать тормоз совсем без газа, я не умею, тормоза на пределе, ой, не выдержу!

Лихорадочно я вспомнила, что, по моим наблюдениям, дорога пойдет вверх сразу же за мостиком. Только бы добраться до него в целости! Интересно, сколько километров до него? Этого нельзя было высчитать, сидя под пальмой.

Я уже не думала о преследователях, пусть гонятся за мной целые эскадры вертолетов, главное сейчас – спасти жизнь.

Со вставшими дыбом волосами, с колотящимся сердцем пыталась я совладать с машиной. Если я из этого выйду живой, могу ехать на гонки в Монте-Карло. Чудом затормозила я перед очередным поворотом, левые колеса пронесли по воздуху. Никакого предохранительного барьера на дороге, черт бы их побрал! Ладно, поймают меня или нет, а я должна завести мотор. Я еще хочу жить!

До отказа нажав тормоза перед очередной петлей и всей своей шкурой ощущая их нежелание подчиниться, я проползла вокруг скалы со скоростью 5 км в час. До следующего виража было метров пятнадцать дороги, идущей отвесно вниз. «Или заведу мотор, или мне крышка», – в отчаянии подумала я. Все последующее я сделала одновременно: отпустила педаль тормоза, выжала сцепление, включила скорость, нажала на газ. Ворчание мотора прозвучало в моих ушах ангельской музыкой, я почти не ощутила рывка, третья была в самый раз. И как еще я помнила о скоростях? Переключила на вторую и почувствовала себя увереннее. Только теперь я поняла, почему здесь все машины так были на высоких оборотах.

Да, такой жуткой дороги, такого серпантина мне не приходилось видеть. Счетчик показывал, что я проехала всего восемь километров, а чувствовала я себя так, будто проехала от Лиссабона до Владивостока и обратно.

И когда же наконец появится мост?

Самое плохое было то, что я не знала дороги. Я не имела представления, что меня может ожидать за очередным поворотом, поэтому то совершенно напрасно тормозила, то оказывалась на волосок от смерти – чуть не врезалась в скалу или не летела в пропасть. Только от одних этих сюрпризов можно было сойти с ума! Но все-таки я продолжала ехать, и все еще не слышно было рокота вертолета.

До моста, как оказалось, было 26 километров. По нему я проехала беспрепятственно и с облегчением отерла пот со лба.

Дальше снова пошли жуткие повороты, но теперь уже с легким подъемом. Я помнила, что потом дорога опять пойдет вниз и приведет меня к той штуке, о которой я знала, что она есть, но не знала, что она собой представляет.

«Меня наверняка слышно аж в Куритибе, – с беспокойством думала я. – Интересно, почему до сих пор нет погони?»

Правда, я рассчитывала, что в моем распоряжении будет часа два, пока не обнаружат моего исчезновения, но это был оптимальный вариант, к тому же я не представляла, что мотор будет производить столько шума.

Постепенно я кое-как приспособилась к этой чертовой дороге. Даже попробовала увеличить скорость, но это привело лишь к тому, что я содрала лак с левого крыла. Я змеей извивалась между скалами, время от времени взрывая мотором, как раненый буйвол. Змея и буйвол – сочетание, конечно, оригинальное, но мне некогда было задумываться над этими биологическими диковинами.

Сорок километров! Где-то здесь должна быть та штука. Может, это какая-нибудь западня, которую они уже успели захлопнуть? Надо быть внимательной...

Тут передо мной, как чудо, появился удивительно длинный, метров сто, участок прямой дороги с небольшим подъемом, а в самом начале ее суживало с обеих сторон какое-то странное сооружение. «Им еще широко!» – недовольно подумала я и, бросив взгляд в зеркальце, поняла, что только что проехала западню: из сооружения вывалился шлагбаум и перегородил шоссе. Это был не обычный шлагбаум, а стальная решетка высотой в полтора метра. Мне нехорошо стало при мысли, что она могла бы свалиться мне на голову.

Шлагбаум свидетельствовал, что преследование началось, и действительно, через несколько минут я услышала шум мотора. А тут как раз кончился асфальт и началась обыкновенная каменная горная дорога. Я поняла, что оказалась за пределами территории, обозначенной на электрифицированной карте, так как карта заканчивалась шлагбаумом.

Итак, следует приступить к осуществлению разработанной мной тактики. Дорога вьется между скалами, низко лететь они не могли из-за гор, вертолету надо подняться повыше, чтобы иметь в поле зрения порядочный участок дороги. Коль скоро я выехала за пределы карты, на карте они меня не обнаружат.

Еще какое-то время я мчалась с опасностью для жизни, больше глядя назад, в небо, чем вперед, на дорогу. Поняв, что вертолет вот-вот появится и что больше нельзя рисковать, я выбрала нависающую над дорогой скалу и спряталась в ее густую тень.

В этот самый момент из-за скал выплыл вертолет, а за ним второй. Видно, у них там паника и смятение, они совсем сдурели, раз ведут себя так глупо. Зачем посылать сразу оба вертолета? Ведь им придется одновременно спуститься на заправку, когда кончится бензин.

С оглушительным ревом они пролетели над моей головой и проследовали дальше – видимо, вдоль дороги. Я немедленно воспользовалась этим и рванулась вперед с одной мыслью: найти следующую подходящую тень.

Успев проехать два поворота, я опять остановилась под скалой. Вертолеты возвращались, они шли низко, и через минуту их опять скрыли скалы. Установив зеркальце так, чтобы в нем отражалось небо, я двинулась дальше. Ехать теперь было намного легче, видимо, наихудший участок дороги был перед самой резиденцией.

А я еще думала, не лучше ли было ехать ночью! Ночью, не включая фар и мотора!

Я успела проехать довольно большой кусок дороги, к счастью, меня все время со стороны вертолетов прикрывала скала. Когда шум моторов усилился, я второпях втиснулась в какое-то жутко узкое место и все время думала о том, что зад машины торчит и что придется выбираться отсюда задом наперед. Интересно, когда пилоты догадаются подняться повыше? Тогда мне не двинуться с места. И еще, хотелось бы знать, на сколько времени у них хватит горючего?

Когда вертолеты пролетели вперед и скрылись из глаз, я задом выехала из укрытия и помчалась дальше. А может, они выискивают в пропасти мои бранные останки?

Не знаю, что они себе думали, но я ехала и ехала, а их все еще не было слышно. Звук появился внезапно, и тон его стал другим. Я присмотрела себе прекрасную густую тень и удобно в ней разместилась. Видимо, бандиты немного успокоились, поразмыслили и применили другую тактику. Оба вертолета поднялись очень высоко и принялись кружить надо мной. Печально смотрела я на них и думала, сколько же теперь мне придется ждать...

Сорок пять минут стояла я и, куря сигарету за сигаретой, старалась представить себя на их месте. Что бы я сделала в таком случае? Пожалуй, я полетела бы как можно дальше вперед, потому что неизвестно, может, я рекордсменка по вождению машин и успела проехать эту головоломную трассу в рекордный срок. А потом я на одном вертолете поднялась бы как можно выше, а на втором пролетела бы над дорогой как можно ниже. И тут уж никуда не денешься, я должна была бы сама себя найти.

Видимо, они пришли к подобному выводу, так как оба вертолета полетели вперед. Теперь вместо шоссе передо мной было такое, что трудно назвать дорогой, скорее всего это была ослиная тропа. Видимо, это была очень старая дорога, и у нее было то преимущество, что она не шла по мостам и эстакадам, а спускалась в ущелья и вилась по склонам, которые неплохо прикрывали меня от вертолетов.

Я доехала до перекрестка. Если быть точной, это не был настоящий перекресток, просто к моей дороге подошла другая. Если бы я ехала в противоположном направлении, я бы назвала это развилкой. Я не знала, что делать: продолжать ехать вперед или под углом вернуться назад? И, подумав, выбрала первое. Наверняка присоединившаяся дорога вела в Паранагуа, а ведь целью моего путешествия была Куритиба.

Появились вертолеты, я спряталась в тень, вертолеты улетели, я продолжила свой путь. В общем настоящая игра в прятки. При таких темпах я имела шансы добраться до Куритибы месяца через два. Как мне хотелось, чтобы поскорее спустились сумерки, а потом наступила романтическая звездная ночь, и я смогла бы ехать, не включая фар. Но, видно, не суждено мне было испытать это.

Вертолеты надолго застряли где-то впереди, и мне удалось проехать беспрепятственно одиннадцать километров. Потом они пролетели надо мной, я опять переждала их в укрытии. Вертолеты удалились в направлении резиденции. Меня это несколько удивило. Я думала, у них еще должен оставаться бензин, ведь в прятки мы играли всего каких-то два с половиной часа. Я продолжала беспрепятственно двигаться вперед. Теперь дорога шла по ущелью, и на отдельных участках мне удавалось развить

головокружительную скорость – до пятидесяти километров в час. Но только на отдельных участках. Потом опять пошли повороты. Один, второй... Хорошо, что я притормозила перед третьим, потому что сразу посреди дороги громоздилась куча камней.

Куча – это еще пустяки. Гораздо хуже было то, что на ней преспокойненько сидели патлатый и толстяк.

Нетрудно было понять, что произошло. Убедившись, что меня впереди нет – дорога шла вниз и, видимо, хорошо просматривалась на большом расстоянии, – бандиты связались по рации с руководством, два вертолета вернулись домой, а руководство – патлатый и толстяк – прилетело на третьем. Насыпали кучу камней на дороге, спрятали где-нибудь поблизости свой вертолет, чтобы он не летал и не спугнул меня, и спокойно поджидали. И, пожалуйста, дождались.

Я не сделала попытки задавить их машиной, я вообще ничего не сделала. Я сдалась без сопротивления. Единственное, что я себе позволила, – произнести длинную фразу на родном языке, но здесь приводить ее не буду.

– Рады видеть вас, мадемуазель, – галантно приветствовал меня патлатый. – Изволили отправиться на экскурсию?

– Ага. Я выехала вам навстречу. Обожаю ездить на машине по горным дорогам. Такие живописные окрестности...

– О да! Вся Бразилия живописна. Но вас наверняка утомила экскурсия, и, думаю, вы предпочтете вернуться домой другим путем.

Тем временем толстяк с глупо-счастливым выражением на лице что-то говорил в микрофон. Через минуту послышался шум вертолета. Я лихорадочно пыталась придумать что-нибудь, чтобы вернуться в резиденцию на машине – мне хотелось еще раз проехать по этой дороге и получше запомнить ее на всякий случай.

– Я совсем не устала, – пыталась я протестовать. – И охотно продолжила бы экскурсию. Давно мне не доводилось водить такой прекрасной машины по такой прекрасной дороге.

Не удержавшись, патлатый бросил взгляд на внушительную выбоину на самой середине дороги, на краю которой я остановила машину. Да и вся дорога, если можно так выразиться, состояла из таких выбоин вперемешку с каменными глыбами самых разнообразных форм и размеров, так что моему вкусу можно было только удивляться. Но, как известно, о вкусах не спорят.

– А может быть, мадемуазель собиралась покинуть нас навсегда? – спросил он с притворным беспокойством. – Ведь такая прекрасная дорога

так и манит ехать по ней без конца... А какой утратой это было бы для нас!

– Еще бы, конечно, утрата, – согласилась я. – Для любого человека мое отсутствие – утрата и большое несчастье. Я прекрасно знаю, насколько ценно мое общество, и отнюдь не собиралась лишать вас его навсегда. А куда ведет эта прекрасная дорога?

– Никуда, – ответствовал патлатый. – В горы и бездорожье.

– Ах, я обожаю горы и бездорожье, – попробовала было я продолжить светский разговор, но в этот момент появился вертолет. Садиться ему было негде, он повис над нами и спустил веревочную лестницу.

– Ни за что на свете! – вскричала я при виде ее. – Никакая сила не заставит меня подняться по этой веревке! Только через мой труп!

Не очень логично это прозвучало, но, видимо, достаточно впечатляюще. Вряд ли они были заинтересованы в том, чтобы транспортировать мой труп. Да и живое существо, отчаянно вырывающееся, тоже нелегко поднять по этой лестнице. А по всему было видно, что сопротивляться я намерена отчаянно.

– Вы что, предпочитаете автомашину? – удивился толстяк.

– Предпочитаю! И вообще не против провести в автомашине всю оставшуюся жизнь.

Еще какое-то время они пытались склонить меня к занятию гимнастикой, но безуспешно. Вот он, желанный предлог отказаться от вертолета! Понятно, что в случае необходимости я вскарабкалась бы по этой веревке хоть десять раз, хотя мне это и не доставило бы удовольствия. По-моему, панический страх перед веревочной лестницей я изобразила достаточно убедительно.

– Ну что ж, садитесь, – отчаявшись, согласился патлатый. – Но вести машину вы не будете. Вы слишком устали, мадемуазель, и немного взволнованы.

Вел машину толстяк, а мне позволили сесть рядом с ним. Патлатый поместился на заднем сиденье, а над нами летел вертолет – там где мог, а где не мог, поднимался повыше. Может, они боялись, что на каком-нибудь опасном повороте я вытолкну толстяка из машины и опять попытаюсь бежать? Интересно, как бы я бежала, задом, что ли, ведь на опасном повороте развернуться невозможно.

Остаток этого, так прекрасно начатого дня я посвятила решению новой проблемы: как испортить вертолеты...

Через несколько дней жизнь вошла в обычную колею. К одиннадцати я спускалась на завтрак, после завтрака загорала у бассейна. Не купалась, а только пользовалась душами. Потом отправлялась в гараж, любовалась

«ягуаром», если он был там, а если не было, осматривала помещение. Ключей от машины нигде не было. Потом шла отравлять жизнь охранникам.

Заключалось это в том, что каждый день минимум по часу я дотошно и скрупулезно обследовала вертолеты, стоявшие на террасе. Я общупывала все, что можно, залезла в кабину и пыталась открутить какие-то гайки, нажимала на кнопки на пульте управления, включала радио и все, что можно было включить. Вместо одного часового при вертолетах теперь постоянно дежурили двое, и они пытались мне всячески помешать. Поначалу мне недвусмысленно давали понять, чтобы я убиралась куда подальше, но я не реагировала на подобные выпады и продолжала с удвоенной энергией ковыряться в механизмах. Применять ко мне насилие им, видимо, было запрещено, поэтому они ограничивались тем, что следовали за мной по пятам и время от времени вежливо, но решительно отбирали у меня очередной винтик.

Вдоволь наиздевавшись над охраной и возбудив в бандитах как можно больше подозрений, я отправлялась отдыхать под пальму с видом на Европу, откуда возвращалась лишь к обеду. Когда я была уверена, что за мной никто не следит, тайком пробиралась к бухте, где по-прежнему стояла яхта. Я узнала, что на яхте есть рулевая рубка, а в ней – удобное кресло за рулем, или как оно там называется – такое колесо. Бинобль помог мне обнаружить место, куда, по всей вероятности, втыкается ключик, когда надо завести мотор. Или двигатель?

После обеда мы обычно отправлялись в игорный дом. Я не скрывала своей страсти к игре, да мне бы это и не удалось, но старалась не терять самообладания и не слишком увлекаться. Я приучила моих бандитов к тому, что выиграв, я прекращаю игру и мы возвращаемся. В моем распоряжении был вертолет и обе моторные лодки, находившиеся в постоянном движении. Черные бандиты отправляли меня обратно сразу же, как только я выражала желание уехать. Разумеется, я предпочитала пользоваться вертолетом, продолжая упорно демонстрировать свою нелюбовь к воде. Вернувшись в резиденцию, я сразу же отправлялась спать и больше нигде не показывалась.

У меня возник план, очень рискованный, но единственный, суливший кое-какие надежды на успех. На первый взгляд он представлялся чистой авантюрой и поэтому должен был удался. С помощью английского словаря я проштудировала пособие для яхтсмена-любителя и узнала множество интересных вещей. Правда, в справочнике речь шла о небольших моторках, но там упоминались и такие большие яхты, как та, что стояла в бухте. По

мере чтения мой план приобретал все более четкие очертания.

На сей раз я решила бежать на яхте. В этом месте проходит пояс экваториальных спокойных широт, где мореплавателю не угрожают никакие циклоны и смерчи, так что спокойно можно добраться до Африки, от которой меня отделяют, если верить атласу, какие-то пять тысяч километров по прямой линии. Правда, прямая линия не получалась, потому что мне пришлось бы тогда прихватить на северо-востоке кусок материка, но даже если учесть, что придется огибать этот торчащий кусок Бразилии, выходило не больше шести тысяч километров. Сидя под пальмой, я произвела необходимые расчеты.

В справочнике содержалось много полезных сведений. Я узнала, например, что существуют полицейские яхты, развивающие скорость до сорока узлов. От этих узлов мне еще в самом начале чтения стало нехорошо. Я никогда не могла понять, что это такое. В словаре говорилось, что узел – это морская миля в час, календарик Дома книги в свою очередь сообщал, что морская миля равняется тысяче восьмистам пятидесяти двум метрам и скольким-то там сантиметрам. Я еще помнила таблицу умножения, и мне удалось вычислить, что яхты экстра-класса выжимают семьдесят четыре километра в час. Что моя яхта принадлежит к экстра-классу, я ни минуты не сомневалась, да и патлатый упомянул об этом на конференции.

Далее из того же учебника я узнала неприятную новость, что мотор на такой яхте расходует от тридцати до пятидесяти литров горючего в час. Мне трудно было перестроиться на такую форму расчета, я привыкла рассчитывать горючее на каждые сто километров, но ничего не поделаешь, пришлось опять браться за арифметику. Исходные данные: шесть тысяч километров расстояния и семьдесят километров в час, – значит, до Африки плыть свыше восьмидесяти пяти часов. Ну, пусть девяносто. Значит, мне надо четыре тысячи пятьсот литров бензина.

Я напрягла свое воображение и попыталась представить это количество бензина. Обычная ванна вмещает в себя около трехсот литров воды и даже триста пятьдесят, если ее наполнить до краев. Значит, мне надо иметь в запасе около двенадцати ванн бензина. На этой яхте двенадцать ванн запросто поместятся!

Может быть, глупо исчислять в ваннах расход бензина, но в этом нагромождении чуждых для меня понятий и определений мне просто необходимо было выискать что-то понятное и близкое, иначе я совсем бы запуталась. Кстати, а как заправляют яхту? Яхта, стоявшая в бухте, наверняка заправлена горючим, раз она готова отплыть в любую минуту, но

вот наберется ли там двенадцать ванн?

Мне никогда в жизни не только не приходилось управлять яхтой, но и плыть на ней в качестве пассажира. Предприятие, конечно, рискованное. Мое исчезновение будет обнаружено быстро, в этом я не сомневалась, но рассчитывала, что искать меня будут не там, где надо. Кому придет в голову, что я попытаюсь одна пересечь Атлантический океан, даже если они не очень верили в мою водобоязнь?

Чтобы меня не смогли догнать, мне надо иметь в запасе хотя бы одни сутки форы. Как добиться этого? Сделать вид, что я бежала в другом направлении и другим способом. Что бы такое придумать? Увести «ягуар» или вертолет и где-нибудь их спрятать? Что касается вертолетов, то они могли сколько угодно подозревать меня и стеречь их как зеницу ока, но я-то знала, что пилотаж и я – понятия несовместимые. Может, при других обстоятельствах и под руководством инструктора я и попробовала бы, но теперь... А вот «ягуар» – дело другое. Машину они не охраняли, ограничившись тем, что спрятали ключи и посадили сторожа в диспетчерской. Подъемный мост был постоянно поднят, а шлагбаум опущен. Сторож – бандит в белом костюме – весь день сидел в диспетчерской, на ночь же уходил, предварительно заперев двери.

Пожалуй, самое лучшее – столкнуть «ягуар» в пропасть в каком-нибудь труднодоступном месте. Нет, не столкнуть, ведь он может рухнуть со страшным шумом да еще вдобавок загореться. Надо просто потихоньку уехать и спрятать его в каком-нибудь укромном месте, где-нибудь под скалой. Пусть потом машину обнаружат, главное, чтобы на первых порах ее нигде не было.

Кроме того, решила еще демонстративно готовиться к побегу пешим образом, хотя никогда в жизни не занималась скалолазанием и не имела представления, какое снаряжение необходимо для этого вида спорта. Рюкзак? Канат? Какие-то железки для вбивания в скалы? А что еще?

Подумав, пришла к выводу: подойдет все, что угодно. Даже лучше, если я буду выглядеть легкомысленной авантюристкой, которая не зная броду суется в воду. Пусть поищут мои бранные останки в ущельях и пропастях. Надеюсь при этом, что я не совсем мертва и что перед смертью им удастся вытянуть из меня тайну.

Зубило я похитила из гаража на глазах у толстяка. Он недоверчиво наблюдал за мной, когда я копалась в инструментах, делая вид, что не замечаю его. Потом не выдержал.

– Зачем это вам? – спросил он. – И вообще, чего вы здесь ищете?

Притворно вздрогнув «от неожиданности», я, запинаясь,

пробормотала:

– Мне нужны инструменты. Я... я буду ваять.

– Будете... что делать?

– Ваять. Я намерена высечь в скале скульптуру. Чтобы оставить вам память о себе. Я всегда была натурой артистической, а в настоящее время на меня снизошло вдохновение.

Толстяк оторопел и не нашелся, что ответить. Я же, прихватив еще и молоток, гордо удалилась.

С причала для моторных лодок я стащила связку каната. Повесив его на шею, как хомут, я продефилировала чуть ли не по всей резиденции, чтобы «случайно» встретить патлатого, хотя чертов канат был страшно тяжелым. Как бежать в горы с такой тяжестью – не представляю.

Затем я потребовала бумаги и карандашей, чтобы набросать эскизы будущего шедевра. Все требуемое было доставлено. Подозрительное отношение ко мне окружающих возрастало, но теперь к нему примешивалось опасение, не спятила ли я.

Всего час ушел у меня на то, чтобы испещрить путанными линиями громадный лист бристоля. Имела я право выполнить задуманную скульптуру в сюрреалистической манере? Затем начались поиски подходящей скалы. С этой целью я совершала вылазки в ближайшие окрестности, не очень стараясь скрываться от своих преследователей. Первые два дня они ходили за мной по пятам, потом им надоело, и они махнули рукой. Думаю, у них не выдержали нервы, потому что я тщательно обмеряла все встреченные по дороге более или менее подходящие небольшие скалы и отдельно стоящие гранитные глыбы. Размеры со скал я снимала с помощью портновского сантиметра, привлекая к этому занятию следящих за мной бандитов. Однажды, дав одному из них в руки конец сантиметра, я велела ему обойти скалу с другой стороны, что тот и сделал, только чудом не свалившись в пропасть. Это был один из сотрудников высшего персонала, в белом костюме. Правда, после этого костюм уже не был белым. Неудивительно, что желающих сопровождать меня в прогулках становилось все меньше.

Истинной целью моих прогулок было найти подходящее место, где можно было бы спрятать «ягуар» или столкнуть его в пропасть, по возможности, бесшумно. Поэтому «гуляла» я в основном в сторону дороги, по которой бежала. Такое место мне удалось найти, и даже не очень далеко. Доехать туда можно было за несколько минут, затем с опасностью для жизни съехать с дороги и взобраться на горный склон, на редкость пологий в этом месте, и там спрятать свою машину под нависавшим выступом

скалы. Это место я изучила очень тщательно. Операция могла удалиться, но ничто не гарантировало, что автомашина не сорвется со склона, когда я буду ехать в укрытие. Я постаралась запомнить каждый камешек на этом участке дороги, так как операцию намерена была провести ночью.

Первую стадию подготовки к побегу я сочла законченной и решила, что настало время вплотную заняться яхтой. Необходимо было побывать на ней, причем я имела право сделать это только один раз, так как не могла допустить, чтобы и возле яхты ставили охрану. Свой интерес к яхте я должна была скрыть во что бы то ни стало.

Я дождалась очередного отъезда патлатого и последовавшего затем обычного падения дисциплины. Из-под пальмы с видом на Европу я напрямик направилась к бухте, спустилась по стальной лесенке и оказалась на причале. Сначала я ознакомилась с воротами, ведущими в коридор, по которому можно было пройти до самого дома. Это были фундаментальные стальные ворота, раздвижные, разумеется. Я подумала, что неплохо было бы их как-нибудь заблокировать – не сейчас, конечно, а перед самым побегом. Это весьма затруднило бы выход к заливу. Техническая сторона дела не представляла особых трудностей: достаточно затолкать что-нибудь в нижние направляющие рельсы, по которым двигались половинки ворот, или вбить в стену рядом с воротами какой-нибудь крюк. Нет, крюка бесшумно не вобьешь, лучше натолкать вниз камней и немного цемента.

Оставив пока ворота в покое, я занялась яхтой. Она была пришвартована у причала, но палуба ее приходилась намного ниже, и я не знала, как мне поступить: прыгать с причала на палубу или подождать прилива, когда яхта поднимется. Вспомнив, что высшей точки прилив достигнет в полночь и, значит, ждать придется долго, я чуть было не полезла по причальному канату, но вовремя нашла более простой способ – металлические скобы, вбитые в скалу. По ним я спустилась на палубу яхты.

Первое ощущение – корабль слишком большой для меня одной. А что делать? Вздохнув, я приступила к знакомству с ним.

На самом верху находилась рулевая рубка, которую я решила оставить напоследок. Перед ней из палубы немного под углом высовывался стальной шест неизвестного мне назначения. Немного подумав, я решила, что это солнечные часы, которые помогают рулевому держать правильный курс. Несколько ступенек вели вниз, в застекленный, роскошно меблированный салон. В его баре находилось много бутылок с алкогольными напитками и минеральной водой. Спустившись еще ниже, я обнаружила санузел, две каюты и несколько, по всей вероятности, хозяйственных помещений. Очень порадовали большие запасы

продовольствия и напитков. И не только потому, что освобождали меня от необходимости запастись всем этим, – наличие провианта подтверждало факт полной готовности к немедленному отплытию.

Ближе к носу обнаружилась еще одна лесенка, ведущая вниз. Сойдя по ней, я оказалась под салоном, открыла следующую дверь и поспешила закрыть ее, невольно закрыв и глаза. Там находилось машинное отделение, то есть нечто совершенно мне чуждое, непонятное и страшное. После недолгой борьбы с собой я все же открыла вначале дверь, потом глаза и недоверчиво осмотрелась, стараясь выявить аналогию с автомобильным мотором.

Сверхъестественные умственные усилия, которые наверняка не прошли для меня бесследно, привели к выводу, что здесь, по всей вероятности, два двигателя. Впрочем, не уверена, в дизелях я ничего не понимаю. Что касается остальных механизмов, мне так и не удалось постичь их назначение, я поспешила покинуть страшное помещение и направилась в рулевую рубку. Здесь дело пошло не намного лучше. Что касается обнаруженного в бинокль места, куда следует вставить ключик, чтобы завести мотор, то оно все-таки оставило у меня сомнения. Полное же смятение в моей душе вызвало кошмарное количество приборов – всех этих стрелок, часов, ручек, кнопок, рукояток, рычагов, клавишей и пр. Надо попытаться разобраться в них. Для начала исключу, пожалуй, те приборы, над которыми виднеются надписи вроде «АМР» и «V», в область электричества я никогда в жизни не сунусь. Заинтересовали меня указатели с надписями «tank» и «tank reserve». Оба они стояли на «full» – полный. Значит, и основной и запасной баки полны. Но вот наберется ли там двенадцать ванн?..

Мне показалось, что среди множества приборов мне удалось распознать термометр. Он был похож на указатель температуры мотора в автомашине, у него была красная полоска и буква «С». Таких термометров было две штуки. Блямбу над зажиганием я после некоторого колебания решила считать компасом, а два рычага с правой стороны – педалями газа, хотя, может, называют их совсем не так. Оба они стояли на нуле, я попробовала – их можно было переводить вперед и назад, причем в каждое положение они приходили через три зубчика и у каждого зубчика стояла надпись «тах». Я решила, что это означает максимальную скорость.

Все остальное буду познавать во время пути, а вот как быть с моторами? Ведь ночью шум дизельного мотора слышен далеко, хорошо бы вывести яхту из бухты, не включая мотора. Упираясь изо всех сил ногами, я попробовала потянуть за канат на корме, и мне показалось, что яхта слегка

сдвинулась. При этом я обнаружила, что за кормой яхты прикреплен какой-то странный треугольный железный ящик – ничего подобного не упоминалось в моем пособии. Ящик этот почти весь находился под водой, видна была только его верхняя часть. Эта непонятная деталь встревожила меня, но отцеплять ее я не решилась.

На скалу я взобралась по скобам, число которых уменьшилось. Это обстоятельство напомнило мне, что после полуночи начнется отлив. Он может мне помочь. Затем я обследовала бухточку, пройдя до ее выхода в море. Вдоль скалы там тянулось что-то вроде полочки, по которой, хотя и с трудом, но можно было пройти. Я решила протащить за канат свою лайбу до конца полочки, потом мне надо будет свернуть вправо, потом влево, и я выплыву в океан. Если бы меня было две, повернуть эту операцию не составило бы никакого труда: вторая стояла бы по другую сторону бухточки и в нужный момент тянула бы за другой канат. К сожалению, раздвоение следовало исключить. Я внимательно осмотрела невооруженным глазом и в бинокль скалу напротив. Там тоже было подобие полочки. Что ж, стоит попытаться, когда настанет время. Может, и получится, если использовать отлив.

Мозг работал четко и ясно. Я отдавала себе отчет, что начинаю очень рискованное дело, но другого выхода не было. Вместе с тем, я знала и следующее: в это время года в Атлантике дуют западные ветры, то есть в нужном мне направлении, в тропическом поясе меня не ожидают никакие метеорологические неприятности, кроме жары, взять нужный курс и держаться его я сумею. Большие надежды внушала и скорость яхты. Все плавание не должно занять много времени, всего несколько дней. Так почему же я должна сомневаться в удаче?

Рассмотрела я, разумеется, и другую возможность – не плыть аж до Африки, а добраться до того порта, который у меня, так сказать, под носом, подплыть к первому попавшемуся кораблю и попроситься на борт в качестве потерпевшего кораблекрушение. И тут начинались трудности. Пусть капитан даже и не высадит меня на берег прямо в руки моих бандитов – высадка в любом бразильском порту будет для меня катастрофой. Заставить же капитана изменить курс и отправиться за океан... И денег маловато, и красота не бог знает какая. А тут еще документы не в порядке. Нет, я решительно отказалась от мысли воспользоваться портом.

День побега за меня назначил патлатый. Он пригласил меня на серьезный разговор и заявил:

– Через три дня приезжает шеф. Поверьте, для вас же будет лучше,

если слова нашего умершего друга вы скажете нам, а не шефу. Шеф не очень-то мягок. Вы женщина благоразумная. Итак, слушаю.

Никогда не была я благоразумной, ну да не об этом сейчас речь. Я задумалась над тем, как поумнее выйти из создавшегося положения.

– Ну ладно, – сказала я, подумав достаточно долго. – А что я получу за это?

Вряд ли патлатый рассчитывал, что я так легко сдамся, во всяком случае, ему не удалось скрыть удивления.

– А что бы вы хотели? – спросил он.

– Во-первых, возмещения за моральный ущерб...

– Это за какой же моральный ущерб?

– Как за какой? – обиделась я. – Работу я бросила, не предупредила никого. Моя репутация, по-вашему, ничего не значит? А то, что за это время я не получала зарплаты? А мои переживания...

– Ну хорошо, – перебил меня патлатый. – Сколько?

Я опять задумалась.

– Немного. Тридцать тысяч долларов.

– Хорошо. Что еще?

– Во-вторых, свободы...

– Хорошо, вас доставят в Европу...

– Ничего подобного! – решительно заявила я. – Еще какое-то время я желаю побыть здесь.

Если бы я заявила о своем желании получить живого крокодила, он не был бы так удивлен. Бандит вытаращил на меня свои голубые глазки, а соломенные патлы зашевелились сами по себе. Не веря своим ушам, он повторил:

– Это как же? Вы не хотите вернуться домой?

– Хочу, но не сейчас. Сначала я изваяю статую на той скале – знаете, возле террасы? Только после этого я смогу уехать. Для скульптурных работ мне нужен цемент. Немного, килограмма два. И третье. Я скажу вам все, но сначала мы пойдем на почту, откуда я отправлю своей подруге телеграмму – тогда скажу. Иначе нет.

Патлатый задумчиво смотрел на меня и наверняка прикидывал, что бы такое придумать с телеграммой. И, наверное, придумал, так как согласился:

– Ладно, завтра во второй половине дня пойдем на почту.

– А цемент мне нужен сейчас.

– Ладно, цемент сейчас будет. А какая гарантия, что вы скажете нам правду?

– А какая гарантия, что вы не застрелите меня сразу же, как только все

узнаете?

Ехидно улыбаясь, патлатый сладко произнес:

– Ваша телеграмма, разумеется.

– Ну а шеф, уж он-то найдет на меня управу!

Не знаю, поверил он мне или нет, но мои требования стал выполнять. Черный бандит приволок мне мешок цемента – килограммов пятьдесят. Сам же патлатый, прихватив толстяка, улетел куда-то на вертолете. Обстоятельства складывались удачно. Час побега пробил.

Я собрала вещи: теплую одежду, сумку, сетку, бинокль, книжку и нож, – завернула все это в купальную простыню и отнесла к пальме. На обратном пути я прихватила из-под пальмы немного песка. Во время обеда я демонстративно держалась за голову.

– Голова болит? – посочувствовал мне лупоглазый бандит.

– Болит, – проворчала я. – Пока не очень, но скоро разболится вовсю. Не найдется ли у вас польских порошков от головной боли?

Оставленные хозяйничать бандиты – маленький и лупоглазый – недоуменно переглянулись.

– А вы выпейте аспирина, – посоветовал маленький.

– Без толку. Мне помогают только польские порошки от головной боли. Странно, что у вас их нет.

– Может, вам лучше лечь? – предложил лупоглазый и замер в ожидании моего ответа. Я знала, что всякое изменение раз установленной программы вызовет подозрение поэтому капризно отказалась:

– Не люблю валяться в постели. Пойду посмотрю, кажется, у меня оставался еще порошок.

Порошок я приготовила заранее, хотя голова у меня и не думала болеть. Я принесла порошок и выпила его в присутствии бандитов, заверив их, что через полчаса все пройдет.

Через час наша дружная компания уже входила в игорный дом. Итак, установленный распорядок не был нарушен из-за меня. Более того, я была бодра и весела. Ничего удивительного, ведь за истекший час я успела проверить очень важное дело.

Моя неудачная попытка к бегству не вызвала никаких репрессий по отношению ко мне и не заставила моих хозяев повысить бдительность. Легкость и быстрота, с которой они поймали меня, как видно, еще больше уверили их в том, что мне отсюда не сбежать. Я по-прежнему могла свободно ходить, где мне вздумается, за мной никто не следил, от меня ничего не запирали. В том числе и кабинет шефа. Так что в кабинет я проникла без препятствий.

У меня было две возможности – утащить этажерку с ключами к себе или разбить ее на месте, а этого бесшумно не сделаешь. Я выбрала третий путь. С четырнадцати лет я ношу на пальце кольцо с алмазами, которым уже не раз пользовалась для разрезания стекла: два алмаза в нем немного выпирали. Как-то с помощью своего кольца я даже сделала стеклянный макет люблинской электростанции. Правда, то стекло было толщиной всего в два миллиметра, а это, на этажерке, пожалуй, все шесть.

Откатив этажерку в такое место, откуда мне было видно все помещение, я принялась за работу. Через четверть часа мне удалось изобразить на стекле длинный прямоугольник. Перечеркнув его для верности еще два раза поперек, я без труда выдавила стекло. С легким звоном оно упало внутрь.

Вытащив все маленькие ключи, в том числе и ключи от «ягуара», я взяла их с собой, а остальные спрятала под подушку дивана в этой же комнате.

В притоне я играла в этот вечер с переменным успехом. Часа через два я опять принялась хвататься за голову, делая вид, что иногда забываю о голове, увлеченная игрой, а иногда забываю об игре из-за головной боли. Надо было добиться того, чтобы мою головную боль они обязательно запомнили. Я выжидала более-менее заметного выигрыша, чтобы покинуть притон в соответствии со своими привычками, лишь в крайнем случае решив воспользоваться головной болью как причиной.

Мне повезло, я два раза подряд выиграла на один и тот же номер. Выиграла не так уж много, но кучка жетонов передо мной издали выглядела вполне приличной. Я сгребла их, обменяла на деньги, подержалась за голову и вышла.

Черные бандиты молча проводили меня до вертолета. Пилот послушно поднял вертолет, и через несколько минут мы уже были на террасе.

Теперь мне предстояла чрезвычайно интенсивная деятельность.

Раздвижные двери диспетчерской были подогнаны идеально, но я все-таки обнаружила узенькую, миллиметра в два, щель между дверью и стеной. Приготовленный раствор – цемент с песком – я затолкала в эту щель пилкой для ногтей, начиная с пола, до такой высоты, насколько могла достать. К утру раствор должен затвердеть, так что двери не раскроются, и понадобится какое-то время, чтобы выколотать цемент.

Патлатый еще не вернулся. Об этом свидетельствовало и отсутствие третьего вертолета, и обычное в таких случаях ослабление дисциплины. Стража на террасе спала мертвым сном. Правда, один из часовых лег у самого выхода – видимо, из тех соображений, чтобы проснуться, если мне

вздумается перелезть через него.

Бесшумно вывела я машину из гаража. Теперь я уже не проверяла ее перед выездом – ехать было недалеко. До намеченного места я добралась так же бесшумно. На небе светили звезды и кусочек луны, и этого освещения оказалось совершенно достаточно, чтобы без приключений проехать такую короткую трассу, тем более что я ее предварительно хорошо изучила. Съезжая с шоссе к намеченной скале, я приоткрыла дверцу, чтобы успеть выскочить из машины, если бы «ягуару» пришла охота свалиться в пропасть. Не пришла, свалилось только немного камней.

Спрятав машину, я пешком вернулась в резиденцию, прихватила вещи из-под пальмы и направилась к яхте. К этому времени я уже вполне сносно научилась передвигаться по скалам на четвереньках и могла бы с успехом выступать в цирке.

Вода стояла высоко, борт яхты почти сравнялся с помостом. Каждую минуту мог начаться отлив.

В соответствии с планом я насыпала немного камней в желоб, по которому двигались ворота, и аккуратно зацементировала их остатком раствора. Канат на корме я перерезала пружинным ножом, потом перерезала канат на носу и принялась тянуть за него. Боюсь, что я немного поторопилась и опередила отлив, так как яхта не могла двинуться с места. Эта темная громадина сидела в воде как прикованная и даже не пошевелилась. Я еще подумала, может, корабль стоит на якоре, и на всякий случай осмотрела то место, где, по моим предположениям, должен находиться якорь, но там ничего не висело. Я вернулась на причал, уперлась крепче ногами, натянула канат изо всех сил, и яхта дрогнула! Дрогнула, пошевелилась и потихоньку сдвинулась с места.

Когда полочка в скале закончилась и дальше я уже не могла идти, я притянула яхту к себе, уперлась в борт и попыталась оттолкнуть ее вправо. Сначала она поддавалась с трудом, потом все легче, так что я испугалась, что ноги мои останутся на берегу, а руки на яхте, длины тела не хватит, и я свалюсь в воду, а это совершенно не входило в мои планы.

Тем временем нос яхты почти коснулся противоположного берега пролива, который был настолько узок, что яхта с трудом входила в него. Я быстро перелезла через борт яхты и помчалась на нос. Теперь я отталкивалась руками от берега, и возникла прямо противоположная опасность: ноги мои останутся на яхте, а руки на берегу. Опять нехорошо. Я вспотела, как мышь под метлой, и сопела, как паровоз, я совсем выбилась из сил, пытаясь сладить с этой махиной. Как не хватало мне второй меня!

Теперь пролив сворачивал влево. Я металась по палубе то назад, то

вперед, отталкиваясь от скалы в нужном месте. Никогда в жизни не работала я так тяжело и в таком темпе!

И вот передо мной открылся выход в океан! Тут я отдала себе отчет, что без мотора дальше двигаться нельзя. Скала, от которой я отталкивалась, вот-вот кончится, и океанская волна втолкнет яхту обратно. Правда, отлив еще продолжается, но теперь опасно полагаться на него. Отлив меня потянет, а волна прибьет, и, того и гляди, яхта стукнется о скалы. Я бросилась в рулевую рубку.

«Спокойней, спокойней, – уговаривала я себя, потому что у меня тряслись руки. – Спокойно подбирай ключ».

Один за другим втыкала я все имеющиеся у меня ключи в то место, где, по моим представлениям включалось зажигание. Ведь должен же один из них подойти! Если нет – конец... Обратно мне эту махину не затащить, тем более теперь, во время отлива. Прилив заклинит яхту в проливе, меня обнаружат и отнимут последнюю надежду на спасение. Не бежать же мне в самом деле через горы!

У меня еще оставалась добрая половина ключей, когда один из них легко вошел в скважину. На мгновение я замерла, а потом, затаив дыхание, повернула ключ вправо. И свершилось чудо!

Пульт управления вспыхнул вдруг разноцветными огоньками, а все пространство вокруг меня и подо мной наполнилось тихим урчанием. Чудесные двигатели работали чуть слышно, их почти заглушал доносящийся из порта неясный шум. Скалы надежно прикрывали яхту, и бандиты наверху просто не имели права меня услышать.

Я перекрестилась и взялась за рукоятку. Переводя ее вперед, я от страха закрыла глаза. А ну как взревет?

Не взревело, только немного усилился шум мотора, и яхта двинулась вперед. Поспешно открыв глаза, я ухватила за руль, совершенно не представляя, как следует обращаться с ним. Вспомнилось мне, как когда-то на Мазурских озерах я пыталась вести катер и какие загогулины выписывала при этом на воде. Тогда рядом со мной стояли рулевой и матрос. Оба чуть не лопнули со смеху. А сейчас я совсем одна...

Теперь уже ничто на свете не заставит меня усомниться в правильности народной поговорки: дуракам везет! Моя яхта сама по себе встала носом точнехонько на выход из залива, так точно, что лучше и не надо. Мне ничего не пришлось крутить, я только держалась за штурвал и как баран уставилась вперед, туда, где под луной искрился и блестел океан. Я вышла из залива идеально, под небольшим углом к волне, как и положено.

Пена хлестнула по носу, и это меня отрезвило. Что делать теперь: передвинуть дальше тот же рычаг или ввести в действие другой? Поскольку я любила симметрию, я и второй рычаг передвинула на один зубчик.

Яхта перелезла через волну, взобралась на следующую, с которой свалилась вниз так, что пена залила стекло рубки. Я испугалась, вспомнила, что у берега волны всегда больше, и перевела оба рычага еще на один зубчик вперед.

Моя величественная и несколько медлительная посудина сразу набрала прыти и рванулась вперед, с шумом разрезая воду. Гул мотора усилился, и звук стал выше. Я оглянулась: темная стена скал быстро удалялась, за кораблем тянулся поблескивающий серебром след. Нос яхты уже не сваливался с волн, просто не успевал, он разрезал их верхушки и скользил по ним.

Безгранично счастливая, забыв обо всех опасностях, летела я вперед, наслаждаясь чувством свободы и целиком отдаваясь быстрому движению. Наконец я взглянула на небо. Южный Крест сверкал и переливался почти по курсу. Ничего хорошего, выходит, я плыву почти на юг.

Звезды я любила с детства, знала их и умела по ним ориентироваться. Глядя теперь на Южный Крест, я стала поворачивать штурвал влево. Южный Крест сдвинулся и стал перемещаться назад. В тот момент, когда он оказался по правую сторону от меня, и штурвал я повернула слегка направо. Крест поместился позади меня, несколько наискосок, и замер. Я поздравила себя с мастерски проведенной операцией.

Ободренная успехом, я бесстрашно перевела оба рычага на последний зубчик вперед. Тон и шум мотора опять изменились, теперь это был приглушенный рев. Яхта прыгнула вперед так, что меня прижало к спинке кресла, брызги воды летели вдоль борта, как искры от паровоза. Неужели это всего-навсего семьдесят километров в час? Корабль несея вперед как ракета, плеск и хлюпанье воды превратились в один сплошной шум, волны нам теперь были нипочем. Нос яхты задрался вверх, и «Морская звезда» мчалась по верхушкам волн, почти не касаясь их.

Скорость, с которой я удалялась от места моего заключения, меня одновременно и радовала, и тревожила. Надо было как можно скорее взять правильный курс, а для начала обойти порт и находящиеся в непосредственной близости от него отдельные суда. Никто не должен меня заметить, иначе утром будут уже знать, где я нахожусь. Потом я пройду прямо на восток, а где-нибудь посередине океана поверну на север. Только вот как узнать, где у океана середина?..

Стараясь плыть так, чтобы Южный Крест все время находился по правому борту, я пыталась высчитать, сколько времени мне понадобится двигаться в принятом темпе, чтобы оставить за собой тысячи две километров. Скорость я определила на глазок – восемьдесят километров в час. Очень нелегко было с этим Крестом, он качался у меня как пьяный, и никак не хотел стоять на месте. Малейший поворот штурвала сразу отодвигал его то слишком далеко назад, то излишне продвигал вперед. Далеко слева виднелись огни порта и кораблей, передо мной же ничего не было видно, одна чернота, в которую я и мчалась. После продолжительного балансирования Южный Крест замер наконец неподвижно в нужном месте, а огни по левому борту переместились назад и постепенно исчезли. Я посмотрела на часы и постаралась запомнить время. Было три часа двадцать шесть минут...

О том, что происходило в покинутой мной резиденции, я узнала значительно позже.

Патлатый вернулся только к завтраку. Где-то около четверти двенадцатого, когда завтрак уже кончался, он поинтересовался, почему меня нет, и спросил у лупоглазого, где эта зараза, на что тот ответил, что, наверное, еще спит, так как вчера у нее болела голова.

– И что? Она отправилась спать раньше обычного? – встревожился патлатый.

– Да нет, проглотила какой-то порошок, сказала, что ей стало лучше, и весь вечер играла.

– А ты ее видел?

– Еще бы, собственными глазами. Она выиграла, сам видел, но хваталась за голову, видно, опять разболелась.

– Только бы ее нехватила кондрашка. – На этом патлатый закончил разговор.

Но, видимо, мое здоровье его все-таки беспокоило, через какое-то время он решил удостовериться, что я жива. Придя в мои покои, он обнаружил небрежно застланную постель, влажное полотенце в ванной и другие предметы туалета, свидетельствующие о том, что я только что вышла. Он отправился меня искать.

У бассейна меня не было, под пальмой тоже, на террасе меня никто не видел. И вообще меня сегодня никто еще не видел. Патлатый встревожился и бросился вниз, в диспетчерскую. Его появление спугнуло трех бандитов из обслуживающего персонала, которые занимались у двери непонятными манипуляциями.

– Что происходит? – сердито спросил он. – Что вы делаете? – При этом

его голубенькие глазки превратились в две ледышки, а младенческое личико покрылось нехорошей бледностью.

Персонал охватила паника.

– Двери не открываются, – так должен был сказать один из них. – Что-то мешает.

– Что мешает, тысяча чертей?! Что это значит – не открываются? Чем вы тут занимаетесь?

– Выковыриваем, – дрожа всем телом, доложил начальству второй. – Похоже на цемент.

– На что похоже?!

– На цемент. Застыл в пазах и не пускает...

На какое-то время патлатый тоже застыл. Все три сотрудника стояли ни живы ни мертвы – они знали первого заместителя шефа лучше, чем я.

– Созвать людей! – завыл он. – Живей! Чтобы через десять минут двери были открыты.

Сам же патлатый опять кинулся в мои апартаменты. Мешок с цементом был открыт, но никаких других признаков строительных работ он не обнаружил. Блеснула надежда, что, может быть, я спокойно занимаюсь где-нибудь на воздухе своей идиотской скульптурой, а двери диспетчерской зацементировала исключительно из вредности. Он спустился на лифте в гараж. «Ягуара» не было, И надежда улетучилась. Вне себя от ярости помчался он в кабинет шефа. Засветились все телевизионные экраны, зажглось световое табло, и все бандитское логово заполнил не очень громкий, но пронзительный звук сирены. Тревога!

Услышав сигнал, все, кто был в резиденции, бросились со всех ног во двор. Троица, выковыривающая цемент, тоже было бросилась, потом вернулась, потом опять побежала – в общем, металась бессмысленно, не зная, что же ей в этой ситуации делать. Стража на пристани бросила свои моторки и тоже со всех ног поспешила наверх. Оба помощника патлатого – лупоглазый и маленький – столкнулись в дверях кабинета шефа.

– Вот! – зловеще произнес патлатый, указывая на этажерку с выдавленным стеклом, пытаясь при этом смотреть одновременно на все телеэкраны. – Машины нет. Дверь в диспетчерскую заблокирована. Немедленно поднять в воздух оба вертолета! Установить связь с Вальтером. Пусть летит по той же трассе, что и в прошлый раз, но начнет с Куритибы. Послать людей в город, пусть порасспрашивают. Осмотреть бассейн, вдруг утонула. Ну, пошевеливайтесь!

Через минуту оба вертолета выплыли на голубой простор. В одном из них находился лупоглазый лично. В бинокль он рассматривал каждую

складку на земной поверхности. Маленький бандит, сидя на карачках у бассейна, напряженно наблюдал за ныряющими.

Патлатый рвал и метал у дверей диспетчерской, отчего у выковыривающего персонала еще сильнее дрожали руки. Черный бандит приволок огромных размеров топор, чтобы вышибить дверь, но в этот момент остатки цемента удалили и дверь открылась.

Патлатый ворвался в диспетчерскую. Оба рычага указывали на то, что мост поднят, а шлагбаум опущен. Это его озадачило. Пока он стоял над пультом и пытался понять, что бы это значило, ворвался маленький с криком и сказал, что в бассейне я не обнаружена. Патлатый показал ему рычаги.

– Смотри. Как это понимать?

Маленький с ходу ответил, что я проехала, а потом привела рычаги в прежнее положение.

– Проехала, а кто-то потом поднял мост и опустил шлагбаум?! А подать сюда кретина, что вчера дежурил в диспетчерской!

То, что происходило дальше, не поддается описанию. Вчерашний дежурный, стоя на коленях, рыдая и бия себя в грудь, клялся всеми святыми, что ни на минуту не бросал свой пост, пока не кончилось его дежурство. Потом запер двери на ключ и удалился. Случилось это уже после того, как мы отбыли в игорный дом. Стражи с террасы не менее категорично заявляли, что видели своими глазами, как я вернулась на вертолете, вошла в дом и не выходила. Вертолеты сообщали по рации, что ничего не нашли. Толстяк сообщал то же с вертолета над Куритибой.

Патлатый в ярости метался по резиденции и крушил все и всех, кто попадался под руку. К шести часам вечера у нескольких человек из высшего обслуживающего персонала были выбиты зубы и подбиты глаза. Низший обслуживающий персонал в полном составе схлопотал по морде. Потом созвали совещание. Вертолеты не спускались, держа под наблюдением главным образом дороги.

– Нет, до города она не доехала, – решительно заявил маленький, подкрепляя себя стаканом крепкого напитка. – Наши люди сообщили, что они не спускали глаз с дороги. Там ни одна машина не проезжала.

– Если она бежала ночью, то теперь наверняка валяется где-нибудь в ущелье, – со злостью заявил лупоглазый.

Вертолеты получили указание спуститься ниже и обследовать все ущелья и овраги.

– Пожара не было, значит, машина не сгорела, – рассуждал патлатый. – Препятствия на дороге были в нормальном положении – мост поднят,

шлагбаум опущен! Если этот осел, дежурный, не врет, значит, проехать она не могла, машину же прихватила для отвода глаз, оставила в первом попавшемся подходящем месте, а сама бежала.

– А как бежала? – воскликнули все трое.

– Ушла в горы. Пешком, как последняя идиотка. Я сам видел, как она готовилась, канат припасла...

– А еще молоток и зубило, – подхватил толстяк. – О Боже, ведь при мне это было! Еще уверяла, что собирается ваять.

– Скульптура для отвода глаз. Она бежала в горы, рассчитывая там скрыться. Далеко она, конечно, не уйдет, главное, чтобы жива была. Немедленно всех на поиски! Во все стороны! Доставлять на вертолетах! Может, она уже там поддыхает.

– А не могла она по воде... – заикнулся было маленький бандит.

– Исключено, воды она панически боялась.

– Могла притворяться.

– Могла. Но когда тонула в бассейне – не притворялась. Ведь она не знала, что за ней наблюдают. Антонио не прыгнул бы просто так. Он видел, как она захлебывалась, барахтаясь в воде. Нет, она и в самом деле воды боится.

– Да и обе моторки стоят на месте, – прибавил толстяк.

Уже почти стемнело, когда, методично обшаривая каждый метр скал, бандиты обнаружили «ягуар». Недолгий триумф патлатого угасили наступившие сумерки. В темноте продолжать поиски было невозможно. Еще какое-то время вертолеты летали, обшаривая землю прожекторами. Не только меня, но и никаких моих следов не было обнаружено.

На следующее утро, после бессонной ночи, толстяк лично обследовал окрестности. Возвращаясь на вертолете на базу, он глянул вниз и не поверил своим глазам.

– А ну-ка вернись, – приказал он пилоту. – Спустись к бухте.

Еще раз осмотрев бухту, он, все еще не веря себе, взялся за микрофон.

– Кто отплыл на яхте? Прием.

– На какой яхте? – не понял невыспавшийся патлатый. А может, недослышал. – Прием.

– На яхте из бухты. На нашей яхте, «Морской звезде». Прием.

– Не понял, повтори. Прием.

– В бухте нет яхты, черт возьми! Спрашиваю, кто на ней ушел?

– Как это нет? На яхте никто не выходил в море, Фернандо здесь.

Ничего не понимаю. Прием!

– Украла яхту! – заорал толстяк в ужасе. – Прием!

Все, что говорилось потом, – не для печати. Через несколько минут наличный состав спустился на лифте к коридору, ведущему к бухте. В мертвом молчании шли они по коридору. Когда дошли до дверей, и обнаружили, что их нельзя открыть, мертвое молчание превратилось в свою противоположность.

Наличному составу – было их четырнадцать человек – пришлось вернуться, пробраться на четвереньках вокруг пальмы с видом на Европу и спуститься по железной лесенке.

Было два часа дня, когда двенадцать человек столпились на помосте, тупо уставившись на обрезанные концы, а двое со страшным грохотом сбивали прекрасно схваченные цементом камешки в нижней части ворот.

– У нее было два пути, – мрачно рассуждал патлатый. – Могла поплыть на север и запутаться в порту среди кораблей, даже врезаться в один из них. Или направиться на юг, тогда она должна высадиться в Гуаратубе, на острове в Сан-Франциско или...

– У нее было три пути, – еще более мрачно поправил его лупоглазый бандит. – Она могла нигде не высадиться. Пусть вертолеты летают низко над водой вдоль берега, может, что и обнаружат...

– Есть и четвертый путь, – несмело предположил толстяк. – Она могла двинуть через Атлантику.

После минутного молчания трое остальных одновременно постучали себя выразительно по лбу. Толстяк тяжело вздохнул. До поздней ночи вертолеты низко летали над берегом, туда и обратно, тщательно изучая прибрежные воды. Никаких следов не обнаружили.

Итак, по другую сторону океана я тоже исчезла...

«Надо что-то придумать, – к такому выводу я пришла с первыми солнечными лучами. – Четырех суток за штурвалом мне не выдержать. Без сна, в одном и том же положении... Двое суток – еще куда ни шло, но четверо – не выдержу».

Правда, надо признать, что работы у меня было не Бог весть сколько. Сидела я в удобном кресле, океан вел себя очень хорошо, был спокоен, волны ритмично подкатывались под нос яхты, держать штурвал было не трудно. Вот только спать хотелось по-страшному.

Солнце взошло в неподобающем месте, которое никак не вязалось с моими представлениями о сторонах света. Это обстоятельство заставило меня вспомнить о компасе. Блямба, однако, показывала, что я плыву правильно, на восток. Стекланный купол рубки, как видно, обладал способностью не пропускать тепла, так что не было жарко, но он же не пропускал и воздуха. Становилось душно. На яхте наверняка имелась

климатизационная установка, но я не знала, как она включалась.

Я подсчитала, что к часу дня оставила за собой около восьмисот километров. Десять часов пути. До середины океана еще довольно далеко, но, наверное, уже можно сворачивать.

Неуютно и одиноко было мне в этой безграничной водной пустыне. Никаких опознавательных знаков, никаких указателей, только безбрежный океан и полная свобода – плыви куда хочешь. Чрезмерная, я бы сказала, свобода. Что ж, оставалось положиться на приборы и математику. Придерживая штурвал одной рукой, я другой достала сетку, развернула на полу атлас и нагнулась над ним. Нашла Атлантический океан. Долго думала и высчитывала и пришла к выводу, что теперь можно и на север повернуть. До зарезу нужен угломер, и наверняка он был среди всех этих приборов, но я бы все равно не сумела им воспользоваться. Никуда не денешься, приходится делать на глазок.

Пришлось пустить в ход даже оба глаза. Глядя одним в атлас на полу, а другим на компас, я постаралась стать так, чтобы оба эти предмета оказались под одним углом. Ну, приблизительно под одним. Меня успокаивала мысль, что, если я не совсем правильно установлю курс, все равно угожу в Африку – ведь другого материка по дороге нет. Разве что Гренландия, но это уже совсем на север...

Итак, вычислив новый курс и взяв его, я освоилась с новой манерой яхты прыгать по волнам, так как теперь они шли под другим углом, и стала думать, как быть дальше. В пособии упоминался автопилот. Наверняка он имелся и на моей яхте. Интересно знать, где именно? Надо поискать, но я не могу бросить штурвал, корабль сразу сбивается с курса. Если рассуждать логично, автопилот должен находиться где-то под рукой, чтобы его можно было легко включать и выключать. Наверняка одна из этих премудрых штук на пульте была автопилотом, только вот какая? Попробую определить путем исключения. По очереди исключала я электроприборы, потом осветительные приборы, потом указатели температуры, потом барометр, пепельницу и радар. Последний я исключила путем включения. Нажала на какую-то кнопку, и что-то зелененькое пошло описывать круги на табло. Испугавшись, я хотела выключить его, нажала на соседнюю кнопку, и зеленые круги стали сопровождаться писком. Это меня раздражало, пришлось нажать на третью кнопку рядом с первыми двумя, и все прекратилось. Итак, радар я освоила.

Я решила и дальше пользоваться этим методом – нажимать и включать все по очереди, наблюдая за результатами. Поскольку не было никаких признаков того, что яхта может превратиться в подводную лодку, мне, я

думаю, не грозило внезапное погружение. Буду нажимать. На всякий случай, из осторожности, я только уменьшила скорость, переведя оба рычага на один зубчик назад.

Манипуляции с некоторыми кнопками и рычагами не вызывали никакой видимой реакции, и я спешила привести их в прежнее положение, так как не была уверена, не открыла ли я люка, через который в яхту хлынула вода, или не перекрыла ли поступление горючего в двигатели. Лучше не рисковать. Зато включение других приводило к поразительным результатам.

Так я вдруг включила рацию, из которой сразу же посыпались треск и писк. Пришлось поспешно ее выключить, поскольку не было уверенности, не посылаю ли я в эфир сигналы, по которым меня запеленгуют. Затем вспыхнул небольшой экран. Через него проходила зеленая волнообразная линия, сопровождавшаяся звуками, то и дело меняющими высоту и громкость. Очень милым был этот экран, совсем не мешал. Я решила, что это эхозонд. Пусть светится. Нажимая следующую кнопку, я увидела под ней надпись «alarm» – тревога, но не успела отдернуть пальца. Всю яхту, от носа до кормы, от днища до верхушки радарной антенны надо мной, наполнил жуткий, пронзительный вой. Боюсь, он был слышен аж на Южном полюсе. Вой сопровождался к тому же еще оглушительным звоном. Проклятая кнопка никак не желала выключаться, яхта мчалась вперед с ужасающим воем и звоном. Я подумала, что сигнал тревоги выключается чем-то другим, и в панике нажала кнопку ниже. От оглушительного грохота за спиной меня чуть кондрашка нехватила. Я выпустила из рук штурвал, от чего яхта сразу прыгнула в сторону. Оглянувшись, я увидела за собой какие-то светящиеся полосы. Вой прекратился – наверное, выключился автоматически, – тогда до меня дошло, что я выстрелила назад из двух пулеметов. Ошеломленная, сидела я на палубе, постепенно приходя в себя и уповая на то, что ни в кого не попала.

Немного успокоившись, я взяла прежний курс и постаралась хорошенько запомнить проклятые кнопки, чтобы больше к ним не прикасаться. Потом с большой осторожностью взялась за очередной рычажок. Это оказалась климатизационная установка. Только ощутив прохладное, свежее дуновение, я поняла, как изжарилась от солнца и эмоций.

Уже смелее я взялась за очередной переключатель, на котором красная стрелка указывала, в каком направлении его следует поворачивать... Сначала мне показалось, что никаких действий не последовало, и я уже

хотела повернуть его обратно, как вдруг увидела нечто странное. Палуба передо мной зашевелилась, часть досок отползла в сторону, образуя отверстие. С интересом наблюдала я за происходящим и вдруг, к своему ужасу, увидела, как из отверстия поднимается подставка, а на ней – или очень большой пулемет, или маленькая пушка. Этого мне еще не хватало!

В отчаянии смотрела я на пушку и боялась шевельнуться, не говоря уж о том, что не отважилась нажать на какую-нибудь кнопку – а вдруг пушка выстрелит? Или, не дай Бог, она стреляет автоматически? Нет, надо спрятать ее обратно. Но как это сделать? Может, намокнет и сама провалится? Я опять включила максимальную скорость, теперь волны захлестывали палубу. У меня тряслись руки, когда я взялась за ручку рядом с переключателем пушки, надеясь, что удастся запрятать ее обратно. Как бы не так! С шипеньем и свистом из солнечных часов в небо рванулись разноцветные ракеты. Обалдевшая от всего этого, я не глядя нажала еще на что-то, и на меня обрушился целый водопад звуков симфонического оркестра. И вот я мчалась по волнам океана как воплощенное безумие – в грохоте душераздирающих звуков, в оргии беснующихся фейерверков, с пушкой на борту! Единственное желание – бежать от всего этого. Но куда?

И все-таки я взяла себя в руки. Выключила музыку. Пушка не убирается – черт с ней. Если даже и выстрелит, то не в меня. Ведь ее дуло нацелено вперед, а я, хоть и не разбираюсь в пушках, знаю, что стреляют они из дула. Ручка от солнечных часов никак не поворачивалась обратно, поэтому я стала крутить ее дальше в том же направлении. Солнечные часы перестали плевать ракетами, и воцарилась блаженная тишина. В этой тишине я услышала, как что-то звякнуло, брякнуло, и с легким шумом пушка поехала вниз. Я с облегчением вздохнула и отерла пот со лба.

Несколько минут я плыла спокойно, отдыхая после пережитого и с отвращением глядя на пульт. Но, видно, мне еще было мало, так как я продолжила свои исследования. И только тогда, когда за кормой со зловещим шипением протянулась дымовая завеса, я решила прекратить мои поиски. Зачем мне это? Ну, предположим, найду автопилот: как я узнаю, что это он? Может, я его уже включала и потом выключила, не видя производимого им эффекта. Ведь я же не знаю, как автопилот проявляет себя, будучи включенным.

Я решила отказаться от достижений техники и прибегнуть к делу рук своих. Со штурвалом надо что-то придумать. Спать мне, правда, расхотелось, но зато мучили жажда и голод. Передо мной маячил бар в салоне, бутылки с холодной минеральной водой. Я огляделась – не найдется ли какой-нибудь палки, чтобы закрепить штурвал. В качестве

эксперимента я отпустила его на минуту, и корабль сразу же изменил курс. Волна, бившая в борт, разворачивала судно. Без лома или палки не обойтись, но их не было. Попробовала было придавить штурвал атласом, но не нашла точки опоры. Тогда я извлекла из сетки недовязанный шарф из белого акрила и моток ниток и принялась плести из них паутину, прикрепляя штурвал к спинке кресла. Получилось очень некрасиво, но штурвал был закреплен намертво. Я еще постояла, наблюдая, как действует мой доморощенный автопилот, и, вздохнув с облегчением, наконец-то покинула рубку. Помню, что, уходя, я еще подумала, для чего мне может пригодиться крючок, раз уж всем предметам, захваченным из дому, нашлось применение. Видно, в недобрый час подумала... Если бы мне тогда сказали, при каких обстоятельствах вынуждена буду воспользоваться им, кто знает, не бросилась бы я тут же в океанские волны!

Я думала, что уже привыкла к ритмичным подпрыгиваниям яхты, но, оказывается, ошиблась. Лишь тогда почувствовала я их в полной мере, когда спустилась вниз и занялась делами. По судну надо уметь ходить, это гораздо труднее, чем кажется. Поначалу у меня ничего не получалось. Качаясь, приседая и подпрыгивая, одной рукой обязательно держась за что-нибудь, я совершила множество непредусмотренных действий: залила водой стену в ванной, разбила стакан, вывалила себе на ноги аргентинский гуляш из консервной банки и облилась ананасовым компотом. Зато с первого раза включила электроплитку и вскипятила чайник. Заварить чай было гораздо сложнее. Делалось это по принципу маятника: чайник с кипятком раскачивался над заварочным чайником и иногда струя кипятка попадала куда надо. Много времени ушло на то, чтобы поймать катающуюся по полу открытую бутылку с минеральной водой. Все-таки кое-как я напилась и поела. Потом поднялась на палубу посмотреть, все ли в порядке.

Автопилот действовал исправно, корабль двигался в нужном направлении, вокруг расстилалась безбрежная водная гладь, блестящая на солнце. Я немного полюбовалась ею, а затем спустилась в кладовку. Надо было поискать лом или палку. Палки не нашлось, там были только инструменты, и среди них топор. Дрова я всегда любила рубить. Всего пятнадцать минут мне понадобилось на то, чтобы от одного из кухонных стульев отрубить ножку с куском сиденья и спинки. Итак, теперь у меня была требуемая палка, да еще с поперечиной, и это был прекрасный механизм для закрепления штурвального колеса.

Разматывая акриловую паутину и зевая во весь рот, я подсчитывала пройденный путь. Скоро восемь вечера.

Плыла я почти четырнадцать часов без перерыва. Получалось, что я недавно пересекла тропик Козерога и мчусь прямехонько в Сахару. Надеюсь, у побережья она не будет совсем пустынна?

Закрепив рулевое колесо сделанным мной механизмом и убедившись, что все в порядке, я отправилась спать. Боясь заснуть слишком крепко и долго проспать, я легла не на койке в каюте, а на неудобном диванчике в салоне.

Проснувшись я на рассвете и с тревожно бьющимся сердцем выскочила на палубу. Моя чудесная яхта послушно мчалась заданным курсом, и сердце постепенно успокоилось. Несмотря на раннее утро, было очень тепло. Я зашла в рубку, посмотрела на компас и совсем успокоилась. Видимо, волны уменьшились, корабль уже не так сильно прыгал, так что умывание и завтрак заняли совсем немного времени и обошлись без происшествий.

Чрезвычайно довольная жизнью, я уселась в кресло и взялась за штурвал. Переплыть океан в одиночку оказалось совсем не трудно, и я с недоумением спрашивала себя, почему поднимается столько шума вокруг лиц, которые на чем-то переплывают Атлантический океан. Подумаешь, большое дело! Вот я тоже переплываю, и что? Никаких особенных трудностей, никаких бурь или смерчей, качает – это правда, самые простые занятия превращаются в сложные акробатические упражнения, но это даже интересно. В чем же здесь героизм?

Когда я со свойственным мне чувством справедливости почти пришла к выводу, что все дело в том, на чем переплывают океан, и что мне попало на редкость удачное средство передвижения, я услышала какой-то странный звук. На пульте передо мной что-то тревожно запищало, потом даже загудело. Я стала внимательно вглядываться в приборы и обнаружила ужасную вещь: пищали и гудели оба указателя температуры двигателя, они светились ярким светом, а стрелки на них зашли далеко за красную черту.

Моя реакция была самая что ни на есть правильная. Я немедленно перевела оба рычага в нулевое положение, а потом выключила и зажигание. Яхта еще плыла по инерции, шум мотора прекратился, и во внезапно наступившей тишине я слышала только шум волн и удары собственного сердца.

Случившееся очень расстроило меня. Что бы я стала делать, если бы двигатели испортились? Повесить простыню на радарную мачту? Весел у меня нет, да и корабль не был рассчитан на них. В голове мелькали какие-то беспорядочные мысли из области навигации. Вроде бы корабль должен обязательно плыть, а то перевернется, если будет стоять на месте. Но ведь

море спокойно, может, эти правила обязательны только во время шторма и бури? С другой стороны, все это относится к крупным судам, а я сижу в небольшом корыте посреди океана. Откуда я знаю, может, меня способна перевернуть самая малость? Пока еще яхта двигалась, я постаралась стать носом к волне, надеясь на то, что мне удастся так продержаться и не перевернуться, пока не остынут двигатели. Тут я заметила, что волны катятся теперь в противоположном направлении, не навстречу мне, и испугалась еще больше: неужели я все перепутала и плыву в обратную сторону? Надо попытаться установить, где я нахожусь.

Результаты сложных арифметических вычислений и напряженной умственной работы меня несколько успокоили. Потом я начала рассуждать. Исходные предпосылки: я нахожусь в экваториальном поясе, где мне не угрожают никакие циклоны и смерчи; в это время года атлантические ветры должны дуть в нужном мне направлении, то есть на восток, волны идут в том же направлении, что и ветер, значит, все в порядке. А раз я прохожу экватор, было бы странно, если бы мои моторы не перегрелись.

Проверив по компасу стороны света, я вышла на палубу и попыталась установить направление ветра путем лизания пальца. Палец моментально высох одновременно со всех сторон. Тогда я оторвала несколько ниточек акрила и пустила их по ветру, наблюдая, куда они полетят. Похоже было, что и в самом деле дуло на восток, хотя вряд ли это можно назвать ветром. Так, чуть заметное дуновение. Солнцу далеко еще было до зенита, но жара стояла страшная. Конечно, я знала, что на экваторе должно быть жарко, но никогда не предполагала, что до такой степени. Я внимательно осмотрелась вокруг и даже свесилась через борт, ожидая увидеть какие-нибудь признаки экватора. Может, какой-нибудь особенный цвет воды? Ничего особенного я не заметила, разве что множество рыбы. Но сейчас мне было не до рыбы. Зря все-таки никак не обозначат экватор, ну хотя бы красными буями. Тогда бы человек не ломал себе голову над тем, где он находится.

Я вернулась в рубку и, поколебавшись, включила зажигание. Только сейчас я сообразила, что включается нормально, как в автомашине, на два оборота. А тогда в панике я прокрутила вправо до упора, включая все сразу. Стрелки указателей температуры двигателей стояли на красной черте. Остывало, но медленно.

Дела у меня пока не было, и на досуге я могла поразмыслить о будущем. Предположим, до Африки доплыву, если хватит горючего. А что делать дальше? Искать польское посольство? Где, в Сахаре? Пока найду, они меня десять раз успеют найти. Не надо обольщаться, если мне и удалось сбить бандитов с толку, то ненадолго. Вот сейчас, скажем, они уже

наверняка установили, как именно я бежала и где меня надо искать. Африки не знаю совершенно, нет у меня там никаких знакомых. Нет, в Африке нельзя высаживаться, надо только заправиться горючим и плыть дальше. Через Гибралтар, пожалуй, соваться не стоит – кажется, там устраивают проверку судов, потребуют документы. Раз мой паспорт действителен на европейские страны, я должна плыть в Европу. Итак, займемся Европой. Сразу отпадают Испания и Португалия, пока там режимы неподходящие. Нас не любят и будут чинить мне всяческие препятствия. Остается Франция.

При одной мысли о Франции у меня потеплело на сердце. Я люблю эту страну, люблю ее язык, ее народ. Там я неоднократно бывала, ничего плохого никому не сделала, там могли убедиться, что я человек благонамеренный и неопасный. В Париже у меня есть знакомые и друзья. И даже больше, чем друзья... И польское посольство там есть. Решено, плыву во Францию!

Взглянув на указатель температуры, я установила, что обе стрелки уже отклонились от красной черты влево. Пожалуй, можно двигаться, только лучше на одном двигателе. Второй пусть пока остывает, потом буду их менять. Я перевела рукоятку на один зубчик, и яхта двинулась вперед. Шум волн, разрезаемых судном, приятно ласкал слух.

Так я плыла себе спокойно и даже немного жалела о покинутой Бразилии, которую и увидеть-то как следует не удалось. Чувство мстительной радости переполняло меня. Идиоты несчастные, увезли меня в бесчувственном состоянии и решили, что дело в шляпе, что я, как покорная овца, дам себя зарезать. Как же, держите карман шире!

В мыслях я уже видела себя беседующей с представителями Интерпола. Сумеют ли они найти то место, что зашифровано в сообщении покойника? Интересно, где оно находится... Фриц наверняка давно уволил меня с работы, ничто не мешает мне вернуться в Варшаву. Но сначала куплю себе машину, деньги есть. «Ягуар», ясное дело. Замечательная машина! Как это будет здорово!

Вконец деморализованная успехом, я решила устроить себе отдых и погулять по яхте, предварительно закрепив штурвал ножкой от стула и сменив двигатель. Близился вечер, жара немного спала. Перегнувшись через борт на корме, я пыталась разглядеть в корпусе яхты то место, из которого палили пулеметы. Вдруг что-то забренчало, потом послышалось громкое и энергичное «пуфф» – и от кормы отвалился тот самый железный ящик, который еще в самом начале привел меня в недоумение. Странное дело, отвалился сам по себе, ведь в данный момент я ни на что не

нажимала. В чем дело? Ящик стал тонуть. В голове мелькнула мысль, что его надо спасать, и я бросилась в рубку, чтобы остановить судно. Но тут мелькнула другая мысль – а вдруг теперь у меня в корме дырка? Я бросилась назад, на корму, по дороге передумала и кинулась за спасательным кругом, споткнулась обо что-то на палубе и растянулась во весь рост, а так как яхта в этот момент легла набок, то я чуть не оказалась за бортом. Поднявшись, я поспешила на корму. Там все было на первый взгляд в порядке, корма выглядела целой, без дырки. Может быть, ящик отцепился автоматически, под воздействием высокой температуры? Я не знала, хорошо это или плохо, но все равно ничего не могла поделать.

Блаженное настроение было испорчено. Я вернулась в рубку и взяла чуть более на север, подумав при этом, что только тогда поверю в правильность избранного мною курса, когда собственными глазами увижу Полярную звезду.

Двигатели тем временем достаточно остыли, я пустила их оба на всю железку и взглянула на указатель горючего. Стрелка запасного бака стояла на нуле. Сопоставив этот факт с недавними наблюдениями, я пришла к выводу, что отвалившийся железный ящик был уже ненужным запасным баком.

Третьи сутки со времени моего побега близились к концу. С часами в руках, дождавшись конца этих суток, я отправилась спать. К тому времени низко над горизонтом появилась Полярная звезда. Долгожданная и родная, она так славно светила мне, дружески подмигивая. Европа была все ближе, она летела мне навстречу в шуме и брызгах волн, пронесившихся по обе стороны яхты, как искры от паровоза.

Приближение к Европе сопряжено было с определенными опасностями. Как это раньше не пришло мне в голову? Напрямик, с пустой рубкой, с ножкой от стула вместо рулевого неслась моя яхта по океану, а я себе спокойно спала внизу. Что меня разбудило – не знаю, очень может быть, что само Провидение, которое почему-то заботится о таких недотепах, как я.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя после сна. Я села на диване, спустила ноги на пол и, взглянув в окно, увидела, что уже рассвело. И еще увидела такое, что с меня в один момент слетели остатки сна и меня вихрем вынесло на палубу. Прямо передо мной, под самым носом яхты, как огромная стена, высился бок какого-то чудовищных размеров судна. И эта стена надвигалась на меня со страшной быстротой.

Врываясь в рубку, я еще не знала, что надо делать в первую очередь. Все сделалось само собой: отбросив в сторону ножку от стула, я одной

рукой резко повернула штурвал вправо, а другой перевела правую рукоятку на последнее деление. Яхта вздрогнула, слегка накренилась, и меня резко отбросило влево. Поднимая фонтаны брызг, нос яхты отклонился от надвигавшейся стены.

«Что же я делаю? – мелькнуло в голове. – Ведь задом зацеплю!»

Я опять перевела рукоятку вперед и повернула штурвал влево. Нос судна остановился на полуобороте. Кошмарная стена переместилась в последний момент – теперь она высилась по левому борту, пройдя буквально на волосок от носа яхты. Корма этого гиганта медленно удалялась от меня.

Упав в кресло, я отерла пот со лба, все еще не веря, что осталась жива, и восхищаясь своим изумительно послушным кораблем. У меня сложилось впечатление, что умная машина сама сделала все, что нужно, без всякого моего участия. Какое это все-таки чудо техники! И как ловко она избежала столкновения с этой мерзкой громадиной, вставшей на пути! Но минуточку, куда это меня развернуло? Надо вернуться на прежний курс.

Вернулась без особых трудностей – видно, уже немного научилась. Слева от меня величественно разворачивалась мерзкая громадина. Странно, как она еще не потонула – столько народу столпилось на всех ее палубах с моей стороны. И вся эта людская масса махала руками и что-то кричала мне. Какой-то матрос размахивал флажками явно по моему адресу, а из рубки мне слали световые сигналы.

Самокритика всегда была моей сильной стороной. Вот и сейчас я подумала, что, пожалуй, это я наткнулась на них. И сейчас они, видимо, выражают свои претензии. Хорошо, что я их не понимаю. Да и какие могут быть претензии, в конце концов? Столько вокруг свободной воды – не могли, что ли, плыть в другом месте?

Все это я охотно высказала бы им, но не знала как. А поскольку публика продолжала глазеть на меня – и просто так, и в бинокли, – я решила, что было бы невежливо не отреагировать. Закрепив штурвал и убедившись, что путь впереди свободен, я прошла на корму и с улыбкой помахала рукой. Они сразу успокоились, а моряк с флажками застыл на месте. Постепенно громадина скрылась в синей дали.

Вскоре после этого я увидела еще один корабль. Я думала, что он тоже плывет мне навстречу, но оказалось, я его догоняю. Как видно, я взяла неплохой темп, того и гляди, покажется Африка. Корабли множились, как кролики весной. Встретилась даже одна яхта, похожая на мою, но только побольше. Я следила за ней с недоверием, все еще опасаясь погони. Люди на этой яхте, как и на всех других встречных судах, усиленно махали мне и

что-то кричали. Понятия не имею, чего они хотели. Может, это у них на море принято так приветствовать друг друга?

Я плыла уже четвертые сутки, а проклятой Африки все еще не было видно. Погода по-прежнему стояла прекрасная, но меня тревожило положение с горючим. Стрелка указателя горючего во втором баке все больше отклонялось влево. Похоже, осталось всего четверть бака. Если все-таки принять, что в начале путешествия у меня было 12 ванн бензина, то теперь осталось всего полторы. Не мешало бы уже показаться какой-нибудь земле.

При таком положении с горючим, решила я, мне надо взять курс чуть восточнее: Африка большая, наткнусь же я в конце концов на нее где-нибудь!

Утренние переживания как-то настроили меня против использования автопилота, и я почти не покидала рубку. Вечером, в полдесятого, истекало 90 часов с начала моего путешествия. Беспокойство мое росло, но я продолжала мчаться на северо-восток, не отрывая глаз от дружески подмигивающей мне Полярной звезды.

На рассвете я увидела далеко на горизонте, в туманной мгле, темную тучу и чуть было не померла от страха. Я немало начиталась о таких темных тучах и знаю, что при их появлении матросы бросаются убирать паруса, непосвященные выражают удивление, а опытные морские волки начинают молиться, и потом выясняется, что им еще очень повезло, так как они затонули на мелком месте. Убирать мне было нечего, и я, положившись на судьбу, неслась прямо в тучу.

Тут я увидела плывущую мне навстречу яхту. Шла она под всеми парусами и вела себя очень спокойно. Как же так? Там такая туча, а их это не волнует? Потом далеко по левому борту я увидела еще два корабля, направлявшихся в открытый океан. В чем же дело? Может, теперь темные тучи ведут себя по-другому? Трудно предположить, что все встречные суда, не отдавая себе отчета, идут на верную гибель.

Все больше появлялось судов-самоубийц, и некоторые из них были не больше моего. Затаив дыхание, не веря своим глазам, я всматривалась в тучу, которая менялась на глазах и скоро совсем перестала походить на тучу. Неужели?.. Да, сомнений больше не оставалось: передо мной была земля.

Я сбросила скорость и, сразу как-то вдруг обессилев, сидела за штурвалом, не в состоянии пошевелиться. Только теперь я могла признаться самой себе, что мое предприятие было чистой авантюрой. Мной руководили отчаяние, протест против насилия, ослиное упрямство и

множество других чувств, но ни одно из них не имело ничего общего с рассудительностью. Я решилась на это безумное Предприятие, и вот выясняется, что оно вопреки здравому смыслу удалось! Триумф бушевал во мне громом труб, барабанов и фанфар. Я нажала на знакомую кнопку, и мое торжество выплеснулось наружу в ликующих звуках «Венгерской рапсодии». Симфонического оркестра мне показалось мало, я заорала под его аккомпанемент польскую народную песню «Играет Антек на гармонии» и великолепной дугой обогнула два встречных корабля.

В бинокль я осмотрела побережье. Оно не производило впечатления перенаселенного или чересчур сырого. Видно, я и впрямь угодила в Сахару. Изучение карты зародило во мне надежду, что в этой части Сахары говорят по-французски. Теперь неплохо бы найти какую-нибудь заправочную станцию.

Я поплыла на север вдоль берега – не слишком близко, чтобы не сесть на мель, но и не слишком далеко, чтобы не прозевать то, что мне нужно было. Ближе к берегу путалось много самых разнообразных судов.

Наконец я увидела что-то похожее на порт: белые здания и цистерны, сверкавшие на солнце. Тут было еще больше судов, но все-таки не слишком много. Я ожидала большей толкучки.

Не зная, с чего начать, я в нерешительности покачивалась на волнах и тут я увидела небольшую пассажирскую яхту. Она вошла в порт и так пришвартовалась к одному из причалов, будто собиралась заправляться. Во всяком случае, так мне показалось, я все мерила автомобильными мерками, и тут мне сразу пришла в голову аналогия с бензоколонкой. Я двинулась за этой яхтой.

Какой-то тип сигналил мне с берега флажками, но я не обращала на него внимания. Второй тип встал там, куда я собиралась причалить, и пялился на меня. Я приближалась потихоньку, отнюдь не будучи уверена, что мне удастся остановиться там, где надо. На берегу стоял третий тип и, похоже, собирался ловить концы, которые я кину. Откуда, черт побери, я возьму эти концы?..

Я проскочила немного дальше, чем нужно, включила задний ход и опять плохо рассчитала, холера! Включив правый двигатель, сделала второй заход. И на этот раз не только опять не попала, но, что особенно неприятно, еще и удалилась от бетонированного причала, а я ведь уже почти притерлась к нему боком. Вспомнилась мне тут одна баба, которая пыталась втиснуть свою машину между другими, стоящими по правой стороне улицы, и в результате поставила ее поперек по левой стороне. Мы на работе всем коллективом с интересом наблюдали за ее маневрами целых

полчаса. Теперь у меня были все шансы побить ее достижение.

Опять я слишком подала назад, потом снова вперед, на этот раз, для разнообразия на левом моторе, совсем было подошла к причалу, и все было бы хорошо, если бы меня опять не протащило немного вперед. Я отошла назад, потом вперед, потом опять назад и опять вперед...

Парни на берегу с интересом наблюдали за мной, лица их выражали полный восторг. Ах, так? Злость на них и на себя помогла мне сосредоточиться, вперед я прошла почти столько, сколько надо, теперь только чуть назад, мотор работает на холостых оборотах, и вот я стою почти там, где и требовалось. Оставив штурвал, я вышла на палубу.

Зрители тоже зашевелились.

– Мадам! – крикнул один из них. – Вы какой же национальности будете?

– Французской, – ни минуты не задумываясь, крикнула я в ответ. – Горючее, пожалуйста!

– А почему у вас на мачте нет флажка? Флаг должен быть обязательно!

Вот еще новости! Откуда я возьму флаг и почему они решили, что у меня есть мачта? Антенна, что ли?

– Не все сразу, – ответила я уже тише, так как теперь нас разделял всего какой-то метр воды. – Где я могу получить горючее? Отвечайте скорее, я очень тороплюсь.

– Здесь, – ответил парень, глядя на меня с безграничным удивлением. Не знаю, что его так удивило. – У вас есть бумаги? Документы?

У меня были документы, действительные во всех уголках земного шара. Я вытащила стодолларовую бумажку и помахала у него перед носом.

– Вот мои бумаги, – решительно заявила я. – На берег я не сойду, проследую дальше, так что, пожалуйста, заправьте яхту горючим. И поскорей!

Стодолларовые банкноты обладают волшебной силой. Парень сразу развил бурную деятельность.

– К вашим услугам, мадам! Бросьте конец, пожалуйста! И покажите, куда заливать.

– Нет у меня концов, постарайтесь обойтись без них. Куда заливать, я не знаю. Поищите сами.

Парень опять как-то странно посмотрел на меня, кивнул второму, подтянул к себе борт яхты, перелез через него, поймал канат, брошенный помощником, замотал его вокруг чего-то и сразу отыскал дырку, куда вливается горючее. Именно о крышку этой горловины я споткнулась и чуть было не вылетела за борт, когда отваливался запасной бак.

В мгновение ока подтянули они толстый шланг и соединили с отверстием.

– Сколько? – спросил парень.

Я уже открыла рот, чтобы ответить «двенадцать ванн», но вовремя спохватилась.

– Не знаю, сколько поместится.

Мне самой было интересно, сколько войдет, хотя и была уверена, что они меня все равно обманут. Пусть назовут неправильную цифру, лишь бы налили полный бак. Я вошла в рубку и посмотрела на указатель горючего. Стрелка медленно ползла слева направо. Когда она замерла на отметке «full», я вышла на палубу и отвязала канат. Парни перетаскивали шланг на берег, и при этом один из них оказался в еще худшем положении, чем я, когда выводила яхту из бухты: одна нога у него была на суше, а вторая уплывала вместе с яхтой. Второй ухватился за борт и изо всех сил подтянул судно к причалу. Думаю, что им руководила не столько забота о товарище, сколько желание получить деньги, ибо весь его вид свидетельствовал о намерении вскочить на палубу, если бы я попыталась улизнуть, не заплатив.

– Сколько всего? – ясно и недвусмысленно поставила я вопрос.

– Триста долларов, – ответил он, и по лицу было видно, что цифру он назвал несусветную.

Но свою свободу я ценила дороже, а кроме того, никогда не умела торговаться. В Италии, например, я приводила в отчаяние продавцов, которые не в силах были скрыть отвращение к такой неприятной покупательнице, что послушно платила названную ими цену и лишала их всякой возможности торговаться. Вот и сейчас, ни слова не говоря, я протянула парню триста долларов и тем его окончательно добила. Он так и обмер с деньгами в руках, привалившись к борту, который медленно отдалялся, и свалился бы в воду, если бы помощник не поддержал его. Боюсь, что я навсегда осталась в его памяти.

Из-за всех этих перипетий со швартовкой я забыла спросить, что это была за страна, и по-прежнему не знала, где нахожусь и сколько мне еще предстоит плыть. Я знала только, что мне надо плыть на север. Не следует, пожалуй, терять берег из виду, тогда я, возможно, сумею узнать хотя бы Гибралтар, когда он покажется.

Судя по карте, мне еще предстояло проплыть от трех до четырех тысяч километров. Значит, двое-трое суток. Может и не хватить горючего.

Много проблем занимало меня: и где заправиться горючим, когда оно кончится, и что делать, если меня остановят представители властей, и

какой курс взять теперь. Я опять раскрыла атлас, и мне бросились в глаза Канарские острова. Волшебные Канарские острова, мечта всех датских туристов, место, где всегда толпится множество экскурсий и сотни частных яхт и где наверняка заправка горючим не представит труда. Правда, я знала Канарские острова только по туристическим проспектам и цветным открыткам, но была уверена, что обязательно их узнаю, как только увижу.

Какая все-таки сложная штука эта навигация! Сейчас она потребовала от меня всех сил. Но для этого сначала надо было определить свое местоположение и проложить курс корабля. Южное полушарие я исключила, так как по ночам мне ярко светила Полярная звезда. Поскольку, плывя вдоль берега, я не могла идти прямо на север, а брала немного западнее, я предположила, что нахожусь или к югу от Даккара, или к северу от Мавритании. Я наметила примерную линию своего дальнейшего пути, которая должна была привести меня на Канарские острова в любом случае – поплыву ли я от Даккара, или от Белого Мыса, с той лишь разницей, что в первом случае я попадала на Тенерифе, а во втором – на Гран-Канария. Для меня это не представляло особой разницы. Земля немного отодвинулась на восток. Я шла в соответствии с намеченной линией и около двух часов ночи далеко на горизонте увидела огни – чуть левее носа яхты. Если это не какой-нибудь корабль, то должны быть Канары.

И точно. Я сама удивлялась, но это были они. Не подвели меня атлас и компас, а ведь я имела полное право заблудиться в таком громадном океане.

До утра я занималась поисками подходящей тряпки, из которой можно было бы соорудить французский флаг, обыскала всю яхту и ничего не нашла. Я уже решила пожертвовать некоторыми предметами своего туалета, подходящими по цвету, как вдруг обнаружила целый набор самых разнообразных флажков. Выбрав среди них французский, я встала перед очередной проблемой – на что его повесить. И вконец измучилась, пытаясь прикрепить его ко всем мало-мальски подходящим предметам, но ничего не получалось, а когда рассвело, увидела яхту, ну точь-в-точь как моя, только поменьше. У нее на палубе были совершенно такие же, как у меня, солнечные часы, на которых развевался шведский флаг.

Независимо от того, чем был на самом деле этот наклонный шест – ракетницей, солнечными часами или мачтой, – я решила использовать его под флаг. Поскольку на шесте были какие-то шнурки, идущие сверху вниз, я, вспомнив молодые годы, продела их в петельки по углам флага и подтянула его как можно выше. Получилось неплохо. Я прибавила газу и направилась к острову.

Постояв в очереди, я заправилась и, когда стрелка опять показала

«full», снова двинулась в путь. Осталось лишь обогнуть Пиренейский полуостров, а там уже Бретань!

Я решила выспаться днем. До сих пор все шло поразительно гладко. Следует, однако, учесть, что, начиная с места моей заправки в Африке (а это, пожалуй, все-таки была Мавритания), я оставляла за собой четкие следы. В воздухе летало много самолетов и вертолетов, и любой из них мог оказаться тем, которого особенно интересовала яхта «Морская звезда». Днем они ничего не могли мне сделать, слишком оживленно было вокруг, а вот ночью – другое дело.

Закрепив свой автопилот, я сбросила скорость, чтобы уменьшить вероятность столкновения. Спала немного, так как была неспокойна. Сев вечером за штурвал, я особое внимание уделяла небу. Стемнело, все корабли были ярко освещены, одна я плыла, как темный призрак. И не знала, что лучше – сиять, как все, и тем самым представлять прекрасную цель, или отличаться от всех полным отсутствием света. Подумав, я выбрала последнее.

Я боялась проскочить Испанию. В этом случае, не заметив ее северо-западного выступа, я могла направиться прямо к берегам Англии, а это мне ни к чему. Руководствуясь этими соображениями, я немного повернула на восток, чтобы быть ближе к берегу. Несмотря на приобретенный опыт и на некоторые успехи в вождении корабля, искусство мореплавания не стало для меня более легким. Совсем наоборот. Одно дело – пересекать безбрежную океанскую ширь, где можно плыть практически любым курсом, и совсем другое – путаться тут между материками и островами, стараясь при этом попасть в заранее намеченное место. Каторжная работа!

К материку я подошла излишне близко, а узнала об этом лишь тогда, когда откуда-то справа вырвался луч света и, заглушая шум моего двигателя, далеко над водой разнесся стук мотора догоняющего меня катера. Катер несясь прямо на меня, завывая и мигая огнями. Очень может быть, что он пытается говорить со мной с помощью азбуки Морзе.

Ни минуты не раздумывая, я перевела оба рычага вперед. Яхта прыгнула в сторону, как испуганная лань. До этого я плыла не очень быстро и держалась ближе к берегу, боясь прозевать Испанию, теперь махнула на нее рукой. Черт с ней, с Испанией, Англия так Англия, только бы убежать!

Они повисли у меня на корме и светили каким-то мощным прожектором, в лучах которого я была у них как на ладони. Если подойдут совсем близко, решила я, буду стрелять из пулеметов! У меня даже мелькнула отчаянная мысль о пушке. А потом я вспомнила о дымовой завесе.

Со зловещим «пуфф» за мной выросла темная туча, и луч прожектора померк. Я сделала еще раз «пуфф» и свернула немного на восток, потому что в паническом бегстве слишком отклонилась к западу. Две черные тучи накрыли большой участок морской поверхности, и когда, отмигиваясь огнями, катер выбрался из них, я была уже далеко. Третью тучу выпускать не пришлось. Мои двигатели были лучше. Через несколько минут преследователи оказались далеко позади.

А через десять минут справа по борту показался второй катер.

А чтоб вам сдохнуть! Начались гонки. Кто кого опередит?

Победила я. Ну, не лично я, а моя чудесная яхта. Она промчалась перед носом преследователя, выпустив ему прямо в нос черную тучу, и послушно свернула к востоку. Когда катер вылез из тучи, он здорово отстал от меня, но продолжал трещать сзади.

Как они в такой темноте узнают, где я нахожусь? Я уже справилась с волнением, теперь меня разбирала злость. Ответ пришел сам собой: ведь у них же есть радар!

Но радар был и у меня. И я даже не очень долго искала его. Зеленая стрелка пошла описывать круги. Что-то попискивало. Черт с ним, пусть попискивает, но вот не мешало бы знать, что, собственно, показывает эта зеленая стрелка? Вот дура, не могла заняться этим, когда было время!

Если можно было положиться на мое знание радара, то следовало сделать вывод, что в море было полным-полно... неизвестно чего, но все это отражалось на экране. Вот эта ломаная линия справа, наверное, берег. Линия менялась чуть ли не с каждым поворотом стрелки, из чего я сделала вывод, что берег должен быть очень близко и что я плыву с большой скоростью. Небольшая точка чуть ниже центра – несомненно преследующий меня катер. Точка потихоньку сдвигалась к краю экрана. Похоже, я таки сбежала от него.

Я решила отойти подальше от берега. Ломаная линия переместилась вправо. Точки-катера уже не видно было на экране. Я почувствовала смертельную усталость. Как мне хотелось хоть немного спокойствия и безопасности! Неужели они никогда не оставят меня в покое? Куда подевалась полиция, почему бандиты позволяют себе делать все, что им вздумается?

Мои размышления были прерваны эхо-зондом. Работал он тихо, я успела привыкнуть к его попискиванию, как вдруг он издал какой-то нервный вой. И тут же изломанная линия берега бросилась мне навстречу. Может, какой-нибудь мыс? Я резко свернула влево, обогнула что-то большое и черное, что действительно появилось по правому борту, и потом

опять вернулась на прежний курс. На размышления больше не было времени, приходилось постоянно быть начеку, так как берег вдруг стал преподносить мне сюрприз за сюрпризом.

Около полудня я увидела тот самый, давно ожидаемый северо-западный угол Пиренейского полуострова. Я прошла вдоль его берега достаточно близко, чтобы не ошибиться, и в то же время достаточно далеко, чтобы ко мне никто не приставал. До Бретани осталось не более каких-то пятисот километров!

Уже стемнело, когда в верхней части экрана появилась ломаная линия. Сердце забилось сильнее. Я плыла прямехонько на северо-восток, и это могла быть только Франция. О, дорогая Франция!

Я шла полным ходом еще с полчаса, и вот ломаная линия уже была у меня перед самым носом – на экране, разумеется, так как вокруг была сплошная темнота. Только! Полярная звезда радостно и ободряюще подмигивала мне. Я притормозила и, медленно приближаясь к берегу, первый раз за все время путешествия включила прожектор.

Сначала я ничего не могла рассмотреть, потом где-то в самом конце луча что-то появилось. Я вспомнила, что побережье Бретани покрыто скалами, а у берегов могут быть рифы, от которых лучше держаться подальше. Погасив прожектор, я решила дождаться рассвета. Я не спала уже вторые сутки. Длинные спокойные волны мягко качали меня, подталкивая потихоньку к берегу, и от меня потребовались поистине героические усилия, чтобы на заснуть мертвым сном, положив голову на штурвал.

Много позже мне стали понятны причины исключительной легкости моего путешествия: в течение десяти дней, именно в это время, над Атлантикой и прилегающими территориями стояла такая прекрасная погода, какой не упомнят и старожилы. В самом деле, дуракам везет!

В ожидании рассвета я думала, как лучше поступить: высадиться ли в каком-нибудь порту, где много народу, или поискать безлюдный берег. Пожалуй, последнее лучше, принимая во внимание неизбежные неприятности из-за отсутствия нужных бумаг. Меня могли задержать до выяснения, а это помешало бы моим планам как можно скорее связаться с Интерполом.

Рассвело. Я медленно плыла вдоль берега в поисках подходящего места для высадки. Вокруг сустились стайки рыбацких лодок и катеров, по левому борту виднелись крупные суда. Все свидетельствовало о том, что я нахожусь в перенаселенной Европе. На меня никто не обращал внимания. С удовлетворением я отметила, что жара куда-то подевалась. Несмотря на

теплую одежду, меня пробирал насквозь острый весенний холод. Да, сомнений не было, я добралась до Европы.

Мимо проплыла деревушка, потом городок, потом небольшой порт. Наконец я увидела то, что искала: совершенно безлюдный пляж, окруженный скалами. В море перед ним тоже было полно скал и камней. Погода не располагала к купанию, поэтому к берегу я приближалась с величайшей осторожностью. Хорошо бы ткнуться в берег, чтобы не пришлось плыть. К тому же мне надо было перенести кое-какие вещи.

Можно считать, что мне удалось пристать как я хотела: нос яхты зарылся в песок, а ее борт покачивался у самых прибрежных скал. Прилив наверняка продвинул бы судно еще ближе к берегу, но я не могла дожидаться прилива. Неужели это я когда-то страстно любила качаться на волнах? Сейчас все мысли мои были об одном – ощутить под ногами твердую землю. Сначала я выбросила на берег свои вещи: сумку с деньгами, сетку со словарем, атласом и шарфом, пружинный нож и еще кое-какие мелочи, – а потом, выбрав подходящий момент, и сама перелезла. Сейчас для меня уже не важно было, где я нахожусь, лишь бы выбраться на берег и навсегда покинуть яхту. Рассталась я с ней без сожаления. Думаю, что никакие силы не заставили бы меня залезть на нее обратно.

Прижимая к груди свое имущество, я осторожно спустилась со скалы и оказалась на маленьком пустынном пляже. За ним тоже была суша – травка, песочек, холмы, на горизонте – какие-то постройки. Ноги мои подкосились, руки задрожали, я выронила свои вещи и без сил опустилась на песок. Боже милостивый, доплыла!

Может быть, все бы кончилось иначе, если бы я сразу ушла отсюда. Подумать только, от какой мелочи зависит порой судьба человека! Но я ничего этого не знала и никуда не ушла. Просто у меня не было сил. Тут же, где свалилась, я заснула мертвым сном. Заснула на сухом песочке, смертельно уставшая и невыразимо счастливая.

Пробуждение было ужасным. Разбудил меня шум вертолета. Я в панике вскочила, ожидая увидеть крутые скалы, каменные стены и знакомую террасу. Увидела же песочек, травку и раскачивающуюся в море брошенную яхту. Значит, мне не приснилось, я и в самом деле доплыла до Франции! Каждая косточка во мне ныла, но радость придала сил. Собрав разбросанные вещи, я тронулась в путь, мечтая о горячем завтраке в первой же встреченной забегаловке.

Скоро я подошла к тем постройкам, которые заметила с пляжа. Передо мной было нечто среднее между большой деревней и маленьким городом. И тут я увидела, что навстречу мне идет какой-то человек. Ближе, ближе и

– о радость! Это был полицейский. Настоящий французский полицейский, в мундире, в кепи, типичный французский полицейский, которых я столько насмотрелась и в натуре, и во французских фильмах. Расчудесный полицейский!

Увидев меня, он остановился и вежливо отдал честь. В его пуговицах отражалось исходящее от меня сияние.

– Бонжур, мадам, – приветствовал он меня. – Я видел, как вы прибыли на яхте. Что-нибудь случилось? Не могу ли быть вам полезен?

– Разумеется, можете, – радостно ответила я. – Скажите, это Франция? Вопрос мой его явно озадачил.

– Как, мадам, вы не знаете, в какую страну прибыли? Да, это Франция. Бретань.

Если бы обе мои руки не были заняты тяжелыми вещами, я бросилась бы ему на шею. И он еще спрашивает, не может ли быть мне полезен! Не только может, но и должен!

Желания просто сыпались из меня:

– Есть! Пить! Обменять деньги! И надо поговорить с Интерполом, как его найти? Помогите мне!

Блюстителю опять удивился.

– С Интерполом? Скажите, вы случайно... Вы та самая дама, которую разыскивает Интерпол?

Пришла очередь удивиться мне.

– Меня разыскивает Интерпол? Кто бы мог подумать! Невероятно! Ну конечно же, это я, из Бразилии плыву. Прошу вас, немедленно поехали к ним! Вы знаете, где их найти?

Теперь засиял представитель власти. Весь его облик излучал безграничную радость. Важность и неторопливость исчезли, их сменила бурная энергия. Издавая возгласы восторга, недоверия, счастья и восхищения мной, он вырвал у меня из рук вещи, приплясывая, обежал вокруг меня несколько раз, демонстрируя свой французский темперамент, и рысцой понесся куда-то, таща меня за собой.

– В машину! – кричал он. – Немедленно едем! Я лично вас отвезу! Мадам, я счастлив, что вы соизволили высадиться в моем районе! Невероятно! Колоссально!

Я подумала, что, по всей вероятности, нашедшему меня была обещана награда, и ничего не имела против того, чтобы она досталась этому симпатичному человеку. При условии, разумеется, что по пути к награде он меня все-таки накормит.

Полицейский вытащил карманный передатчик и отдал какие-то

распоряжения. Я не все поняла, так как он, по всей видимости, пользовался шифром – наверное, в особых случаях им положено к нему прибегать. Во всяком случае, это звучало как «я метла, я метла, яйцо в квадрат би си двадцать четыре, прием». Потом мы рысью помчались куда-то за постройки и выбежали к дороге, по которой тут же подкатила машина – прекрасный белый «мерседес». Мне как-то не приходилось слышать, чтобы полиция пользовалась «мерседесами», но я подумала, что в данном случае они сделали это специально, для конспирации.

Вместе с восторженным полицейским мы сели на заднее сиденье. Рядом с водителем сидел второй полицейский, который без перерыва что-то говорил в микрофон, потом переходил на прием, потом опять давал какие-то распоряжения. Оба сняли кепи, что должно было бы меня насторожить, но, как видно, радость усыпила мою бдительность.

Мы вихрем промчались через какое-то местечко, потом через второе. Названий я не успела заметить. В третий городок мы не заезжали, а объехали его и помчались дальше. Как во всех машинах высокого класса, скорость не ощущалась. Судя по тому, в каком темпе пролетали мимо встречные предметы, мы мчались со скоростью не менее ста шестидесяти километров в час. Спидометра я не видела, его заслоняла спина водителя. Я настоятельно потребовала накормить меня.

– Сейчас нам приходится торопиться, – объяснил полицейский. – Впрочем, сейчас узнаю...

Он стукнул в спину второго полицейского и передал ему мою просьбу. Тот опять связался с кем-то по рации. Сначала нес свою обычную тарабарщину, потом вдруг перешел на немецкий:

– Она хочет есть. Просит остановиться, чтобы поесть. Что делать?

Выслушав ответ, он обернулся ко мне:

– Мадам, дорога каждая минута. Вам придется потерпеть, там вас уже ждут. А сейчас я приготовлю для вас кофе.

Я не возражала. Радужное настроение сменилось глухим беспокойством. Почему он заговорил по-немецки?

Через минуту я получила кофе, который он приготовил в экспрессе, установленном под приборной доской. Нигде не останавливаясь, мы продолжали мчаться по прекрасному шоссе. Глухое беспокойство побудило меня более внимательно отнестись к тому, что меня окружает. На дорожном указателе я прочитала название городка, которое мне ничего не говорило. Потом мы проехали Анже. Я обратила внимание на то, что мы едем вдоль реки, и даже разглядела контуры какого-то замка, потом второго, а через несколько минут и третьего. Все они были очень красивые, все разные и

все показались мне какими-то знакомыми. Замки над рекой... Но ведь это... Боже, это же замки на Луаре!

Их было столько, и они были такие красивые, что я забыла о всех своих страхах и целиком поддалась туристскому настроению. В городе Туре мы переехали на другую сторону реки. Я вертела головой во все стороны, и слезы радостного волнения текли у меня по щекам.

Кофе мне здорово помог, красоты ландшафта целиком поглощали внимание, и три часа пролетели незаметно. Что такое три часа в автомашине! Сколько раз мне приходилось одним махом проходить трассу Варшава – Познань. И хотя моей машине было далеко до этой, у меня на дорогу редко когда уходило больше трех с половиной часов.

Сразу за указателем «Шомон» мы свернули вправо. Перед нами показался замок. Он высился на пригорке, окруженный почти целыми крепостными стенами. Весь холм зарос травой. Мы въехали через ворота, украшенные круглыми башнями, я увидела газоны, деревья, цветы. Налево я успела заметить третью круглую башню. И вот мы оказались во внутреннем дворе замка.

Я много слышала и читала о замках на Луаре, но мне никогда не приходилось слышать о том, что они могут быть резиденцией полиции. Отдел Интерпола, замаскированный под семейство американского миллионера? Впрочем, чего на свете не бывает.

Я вышла из машины, с любопытством оглядываясь по сторонам. К нам подошел какой-то мужчина в штатском костюме и с беспокойством спросил у моих спутников по-немецки, стараясь говорить как можно тише:

- Она ничего не говорила?
- Мы не расспрашивали, – ответили ему. – Шеф это сделает лучше.
- Очень хорошо. Ее никто не видел?
- Никто.
- Она сама ни о чем не подозревает? Не пыталась бежать?
- Нет, все в порядке. Убеждена, что мы – полицейские.

Я как уставилась на какие-то архитектурные красоты, так и окаменела на месте. Что со мной было, трудно описать. Среди многочисленных чувств, бушевавших во мне, на первый план выдвинулось непреодолимое желание надавать самой себе по морде. Боже мой, какая же я безнадежная, законченная идиотка! Как я могла так попасться? Ради чего перенесла я столько мук? Пересекла Атлантику, избежала многочисленные опасности у берегов Европы и вот теперь позволила себя обмануть и привезти к шефу, как глупую корову на бойню! Правда, коров на бойню не возят в белых «мерседесах», но это было слабое утешение. Как я могла? Почему не

настаивала, что мне надо выйти, поест, попить, позвонить, послать телеграмму? Почему я не просила останавливать машину у каждого встречного полицейского, чтобы бросаться им на шею? Уж тогда бы они меня запомнили по крайней мере. О Господи, что мне теперь делать? Этот вопрос решили за меня.

– Мадам, будьте столь любезны... – галантно обратился ко мне мужчина в штатском.

Он взял меня за руку, прихватил мои вещи и двинулся к входу в одном из крыльев замка. Отчаяние придало мне силы.

– Минутку! – вскричала я и вырвала у него руку. – Какой чудесный вид!

Я не была уверена, что в моем голосе прозвучал лишь беззаботный восторг, но я очень старалась. А поскольку я поняла, что меня опять ждут суровые испытания, надо было хотя бы осмотреться. Реку загораживал кусок стены. Может, попытаться бежать через эту стену? Нет, неизвестно, что за ней. К тому же меня успеют схватить, пока я буду через нее перелезать. Уж лучше ночью...

Потом я позволила отвести себя в здание. Внутреннее убранство было не менее роскошным, чем в бразильской резиденции. Техника тоже была на высоте. Громадный шкаф в стиле барокко оказался входом в лифт, венецианские зеркала раздвигались сами по себе, как только к ним приближались. В одной из комнат все стены от пола да потолка были заняты книжными полками. Одна из них сдвинулась в сторону после того, как нажали на медный шарик – деталь каминного орнамента, – и перед нами оказался кабинет шефа. Это было просторное помещение, интерьер которого приятно разнообразили архитектурные конструкции и кактусы в мраморных горшках. Посреди комнаты стоял шеф с приветливой улыбкой на лице.

Случается так, что два человека, встретившись первый раз в жизни, сразу почувствуют симпатию друг к другу или такую же спонтанную антипатию. Как-то я познакомилась у Аниты с одним человеком, поляком, постоянно проживавшим в Дании. Это был весьма интересный мужчина. Я тоже не урод. Не скажу, чтобы нравилась всем без исключения, но и стихийного отвращения как будто не вызываю. В конце концов, я не косая, не рябая, не со всем уж лысая, из носу у меня не течет. Короче говоря, новый знакомый был интересным мужчиной, да и я женщина хоть куда. Тем не менее не успели нас представить друг другу, как мы почувствовали такую сильную взаимную неприязнь, которую никакое воспитание, никакие светские навыки не смогли скрыть. Агрессивная антипатия

излучалась всеми порами тела и, пропитав воздух, сделала просто невозможным наше пребывание в одной комнате.

Нечто подобное произошло и сейчас. Посреди комнаты стоял очень интересный мужчина в самом подходящем возрасте, и представьте – блондин! Темно-русые волосы, карие блестящие глаза, брови немного темнее волос и такие ресницы, что мне завидно стало. При этом стройный, высокий, но в меру, прекрасно сложен и прекрасно одет. Можно сказать, идеал мужчины!

С первой же минуты этот идеал вызвал у меня такую же сильную антипатию, как и тот земляк, у Аниты. И я готова была поклясться, что вызвала у него подобное же чувство. Эта взаимная неприязнь возникла сама по себе, а не только потому, что он посягал на мою свободу и жизнь, а я держала в своих руках, вернее, в зубах все его состояние.

До этой встречи мы оба были полны решимости как можно дольше ломать комедию друг перед другом. Он собирался играть роль представителя Интерпола, а я – делать вид, что верю ему. Но как только мы увидели друг друга, сразу поняли, что не сможем притворяться, слишком сильна была в нас ненависть.

– Вон! – бросил он моим сопровождающим, и тех как ветром вымело из кабинета.

С минуту мы молча рассматривали друг друга. Я первая нарушила молчание.

– Надеюсь, я могу сесть, – ядовито сказала я. – И надеюсь, меня наконец накормят. Или, может быть, вы и дальше намерены морить меня голодом?

– Стоило бы, – не менее ядовито ответил он. – Ведь мягкого обращения ты не ценишь.

Усевшись в удобном кресле, я налила себе содовой воды из стоявшего на столе сифона и подняла стакан.

– За твоё здоровье! Люблю разговор начистоту. И могу тебя заверить, что жестокое обращение приведет к ещё худшему результату.

Не знаю, почему мы сразу перешли на ты, это такая редкость во французском языке. Может, нас сблизило единство взглядов на создавшуюся ситуацию, а может, мы инстинктивно избрали такую форму разговора в предвидении неизбежной ссоры, при которой трудно будет соблюдать вежливость. Очень удобно произнести «ты, свинья!» во втором лице единственного числа, и трудно сказать это же в любом другом лице другого числа.

Он очень неприятно рассмеялся, подошел к столику, налил себе виски

и сел напротив меня.

– Так, может быть, мы остановимся на чем-нибудь промежуточном? – предложил он. – Каждый из нас располагает тем, в чем заинтересован другой. Ты держишь в руках мои деньги, я – твою жизнь. Ведь так?

Я кивнула:

– И что самое смешное, мы оба ничего не выигрываем. Убив меня, ты потеряешь деньги. Я же, сидя на твоих деньгах, потеряю жизнь. Ты видишь какой-нибудь выход? Я лично нет...

– А я вижу несколько. Сначала я хотел принять тебя в долю, но раздумал. Не то у тебя окружение, да и тебе доверять нельзя. Потом я собирался тебя обмануть, но не вышло. Когда ты поняла правду?

– Еще когда мы ехали, но надеялась, что ошибаюсь. Во дворе замка убедилась окончательно.

Он поморщился, в его глазах отражалось растущее отвращение.

– Так я и думал, что ты морочишь нас с этим немецким. Какие все-таки идиоты мои подчиненные! А так, говоря по-честному, какого языка ты и вправду не знаешь?

– Датского, – с искренним удовлетворением сообщил я. – И уверена, что никогда в жизни мне его не выучить. А теперь, мой дорогой, если ты немедленно не дашь мне есть, я отказываюсь продолжать разговор. И плевать мне на тебя, да и на себя тоже. Ничего ты из меня не выжмешь, потому что жизнью я не дорожу. Можешь убить меня хоть сию минуту. И не морочь мне больше голову!

Мое лицо, как видно, явственно отражало бушевавшие во мне злость и упрямство, потому что, взглянув на меня внимательно, он удовлетворенно улыбнулся и нажал на какую-то кнопку. Раздался негромкий звонок.

– Обед для дамы, – произнес он куда-то в пространство, и через минуту из стены выехал накрытый стол.

Голодная и злая, смотрела я на расставленные яства, а он с иронией наблюдал за мной. В тот момент, когда я потянулась к тарелке, он отодвинул от меня стол.

Застыв, я вопросительно взглянула на него.

– О, пардон, – произнес он с издевкой.

Я успокоилась, взяла в руки вилку, и в этот момент стол опять отъехал. Отнимать кость у голодной собаки – что может быть отвратительнее? Я перестала владеть собой. Хладнокровно, сознательно я дала выход слепой ярости.

Ему удалось уклониться от моей вилки, но больше он ничего не успел предпринять. К сожалению, он сидел слишком далеко от меня, поэтому я не

могла разбить все блюда непосредственно об его голову, но все их содержимое полетело прямо в него. Без единого звука крушила я все, что было в пределах досягаемости, стараясь, по возможности, как можно больше предметов бросить в противника. Он и не пытался остановить меня – видимо, понимая, что с таким же успехом можно останавливать разогнавшийся паровоз. Он даже не встал с кресла и лишь пытался защитить себя подносом, как щитом. В заключение я налила себе в стакан воды из сифона, а сифон из всех сил грохнула о мраморный горшок с кактусом. Этот заключительный аккорд вполне удовлетворил меня, я отпила немного воды, а остальную выплеснула в него, повторив «за твое здоровье».

Всю эту бурю он выдержал как-то удивительно хладнокровно, спокойно вытащил из кармана платок, вытер лицо, стряхнул с костюма остатки пищи и опять нажал на кнопку.

– Второй обед для дамы, – произнес он в пространство. – И пусть здесь уберут. Потом обратился ко мне:

– Что-то в этом роде я как раз и ожидал от тебя. Очень мило с твоей стороны, что ты не обманула моих надежд.

– Взаимно, – холодно ответствовала я.

Затем мы минут десять сидели, молча наблюдая за тем, как в комнате наводили порядок. Стол с обедом был подан второй раз, и я принялась за еду, полная решимости убить его, если он опять начнет выкидывать фокусы.

Он продолжал молчать, глядя мне в рот, что меня очень раздражало. Когда я уже кончала есть, он сказал:

– Ешь вволю. Возможно, это последний обед в твоей жизни – во всяком случае, такой обед...

Я пожалала плечами, не достаивая его ответом и пытаясь разгадать его планы. Слова этой скотины источали яд, и даже было странно, что они не прожигали насквозь ковер на полу.

Тем же самым безличным манером был подан кофе, и мы продолжили нашу беседу. Настроение мое значительно улучшилось после того, как я поела. Я даже потребовала, чтобы он объяснил, как им удалось меня поймать. Он охотно удовлетворил мое любопытство. Видно, ему доставляла удовольствие сама мысль о том, что они меня все-таки нашли.

– Даже я не предполагал, что тебя черти понесли в океан, – заявил он, предварительно описав все, что делалось в резиденции после моего исчезновения. – Я догадывался, конечно, что твоя боязнь воды была притворной, но чтоб ты решилась на это... И только тот корабль, который

ты пыталась таранить...

Я вспомнила ту мерзкую громадину, которая встала на моем пути через океан. В числе пассажиров на том судне плыл какой-то кретин-журналист. В восторге от сенсации, он продиктовал в редакцию газеты статью о нападении яхты «Морская звезда» на ни в чем не повинный пассажирский теплоход. На следующий день в газетах появились снимки: я приветливо махала рукой с кормы яхты. Всеми подчеркивалось одно обстоятельство: отсутствие на яхте государственного флага. Через два дня люди шефа добрались до парня, содравшего с меня триста долларов за бензин. На следующий день меня обнаружили уже за Канарскими островами.

– Мы не рискнули напасть на тебя в море. Ты могла бы преждевременно утонуть, – продолжал шеф свой рассказ. – Впрочем, в мире не найдется корабля, который смог бы догнать эту яхту. Мы стали ждать тебя на побережье, ведь где-нибудь ты должна была пристать. Наши вертолеты держали под наблюдением и сушу, и море. Мы решили, что потопим яхту лишь в том случае, если ты поплывешь в Копенгаген, а это было маловероятно, так как ты, должно быть, представляла, как трудно тебе будет пройти Ла-Манш. Конечно, ты могла бы исчезнуть сразу после высадки, и это очень осложнило бы наши поиски, но ты была столь любезна, что дождалась моего человека. Очень мило с твоей стороны.

– Чтоб вам лопнуть! – от всего сердца пожелала я и закурила. – Полиция меня не ищет?

– Ищет, конечно, – равнодушно ответил он. – Но ты сама понимаешь, насколько наше положение было выигрышнее, мы опередили их по крайней мере на неделю.

– Ведь найдут же они меня когда-нибудь!

– Будь спокойна, не найдут.

– Ну ладно, – помолчав, сказала я, – оставим это. Но объясни мне, пожалуйста, чем вызвано ваше упорное желание лишить меня жизни? Ведь если бы не это, от скольких хлопот вы бы себя избавили! Почему, черт возьми, вы с самого начала решили меня убить?

– Не «мы», – со злостью поправил он меня. – Признаюсь, мои люди немного растерялись. Меня там не было... Если бы не полиция... Если бы у нас было хоть немного времени, чтобы поговорить с тобой и, не возбуждая подозрения, узнать от тебя, что сказал Бернард, тебя никто не стал бы убивать. Тебя подержали бы несколько дней где-нибудь в укромном месте и выпустили на свободу, а ты бы даже и не догадалась, кто это сделал и почему. Увы, выходы были заблокированы полицией, и тебя пришлось

срочно забирать оттуда. Ну а потом ты сразу стала слишком много знать.

– Минуточку, – прервала я. – А зачем меня держать в укромном местечке?

Он с раздражением пожал плечами:

– Ну как ты не понимаешь? Я не могу рисковать. Уже на следующий день полиция узнала бы от тебя, что сказал Бернард, и добралась бы до наших сокровищ. А если бы нам что-нибудь помешало их вовремя забрать? Достаточно пустяка.

– Неужели ты и в самом деле думаешь, что я тебе все скажу, тем самым лишая себя последней надежды остаться в живых? – спросила я. – Вот уж не знаю, кто из нас двоих глупее...

– Мы еще поговорим на эту тему, – нетерпеливо перебил он. – А сейчас, моя красавица, о самом главном. Ты помнишь, что сказал покойник?

– Каждое слово, – ответила я, и теперь уже из моих слов сочился яд. – До сих пор его слова звучат у меня в ушах. Страшно хочется знать, где находится это место. Может, даже больше, чем тебе.

Я поудобнее уселась в кресло, наблюдая с мстительной радостью за действием своих слов. Между нами шла открытая война, ни о каком перемирии не могло быть и речи. Сдвинув брови, он с ненавистью смотрел на меня, о чем-то размышляя, потом встал и подошел к стене. На стене висела внушительных размеров картина – прекрасная абстрактная мазня в простой грубой раме. Взявшись рукой за раму, он повернулся ко мне:

– Пожалуй, я удовлетворю твое любопытство. Ты уже столько знаешь, что небольшое добавление не играет роли. Подойди-ка и найди это место сама. Я не знаю, где оно, но ты должна найти. И пусть теперь у тебя тайна не только звучит в ушах, но и стоит перед глазами. Чувствуешь, какой ты становишься важной персоной? Ну-ка взгляни.

Верхняя горизонтальная часть рамы отделилась и исчезла, что-то тихо щелкнуло, и на картину опустилась огромная карта мира. Всю ее покрывала мелкая сеть, в которой четко выделялись меридианы и параллели. Все линии сетки, не исключая меридианов и параллелей, были аккуратно пронумерованы, причем совершенно беспорядочно. Трудно было заметить в этом обозначении какую-то систему, за исключением одного: все вертикальные линии обозначались цифрами, а горизонтальные – буквами. Цифры и буквы были то одиночные, то двойные, то маленькие, то большие, то те и другие вместе. Мне сразу бросился в глаза экватор, обозначенный ТР. Нулевой меридиан, тот, что проходит через Лондон, значился под номером 72. Меридианы рядом с ним обозначались цифрами 11, 7 и 24.

Кроме обозначения линий на карте были нанесены также расстояния от пересечения линий сети до различных заметных пунктов на местности.

Увидев эту карту, я сразу же поняла, что означают цифры, названные умирающим, и тут же решила выяснить, как бы я зашифровала очень живописный грот в Малиновской скале, что высилась на берегу Вислы. Ведь дураку было понятно, что этот негодяй показал мне карту с явным расчетом на то, что я тут же кинусь выяснять, где находятся его сокровища, а ему остается лишь проследить, куда я смотрю. Вот он и наблюдал, не спуская с меня глаз, как я отыскивала Краков, потом Чешин, потом, что-то бормоча себе под нос, выясняла, что мне пришлось бы воспользоваться меридианом номер 122 и параллелью В. Труднее было выяснить расстояние в метрах от меридиана до грота, так как я не очень хорошо помнила, где находится этот грот. Покончив с гротом, я перенеслась в Родопы – по моему, очень подходящее место для укрытия всевозможных вещей, – проехала, тыкаясь носом, по всем греческим островам, невнимательно отнеслась к Альпам, осмотрела Пиренеи и покинула Европу. Очень надеюсь, что в тот момент, когда я изучала Пиренеи, ни в глазах, ни в каком другом месте у меня ничего не блеснуло.

– Хватит! – решительно заявил шеф, когда я с захватывающим интересом принялась изучать Кордильеры. – Теперь ты знаешь, где спрятаны мои деньги, ведь так? Я тоже знаю, что в Европе, так что перестань придуриваться.

Я ничего не ответила, сочтя за лучшее гордо промолчать. Карта взвилась вверх, рама картины вернулась на свое место. Я подошла к окну. Какой прекрасный вид – и какой контраст по сравнению с тем, что происходит здесь!

– Ну, хорошо, – зловеще проговорил шеф. – Попытаемся взяться за дело по-другому.

Расчет у него был такой: сначала закрепить в моем сознании место, где хранятся сокровища, а потом вывести его у меня научными методами. Правда, меня давно интересовало, как выглядит детектор лжи в действии, но я никогда не думала, что придется испытать его на себе. А ведь я так боюсь электрических приборов!

Я все-таки очень надеялась, что они не сделают ничего такого, что могло бы повредить моему здоровью и памяти, и поэтому без возражений позволила отвести себя в комнату, которая была похожа на все сразу; на лабораторию, кабинет врача и диспетчерскую электростанции. Все так же без возражений я позволила подключить себя к каким-то проводам и была очень довольна, что все мои чувства, в том числе боязнь выдать тайну,

вытеснил панический страх пред электрическими приборами.

Я сразу придумала, как обмануть хитрый аппарат. Еще в процессе подготовки к испытанию я убедила себя, что сокровища бандитов спрятаны в гроте Малиновской скалы. Я не успела придумать лучшего места и упорно повторяла про себя: «Скала Малиновская, Малиновская скала», так что сама почти поверила в это. Испытание заключалось в следующем: никаких ответов от меня не требовали, а только называли разные места, и приборы регистрировали мою реакцию. Малиновская скала прочно сидела во мне. Я старалась представить ее себе, в своем воображении отчетливо видела каждый ее кусочек. К счастью, на свое воображение я никогда не жаловалась и вот сейчас очень живо представляла себе плоский камень на пологом склоне у входа в грот, огромные мокрые камни внутри его, узкие входы в боковые коридоры, черный бесконечный нижний коридор, подземное озеро. Вообще-то в самом низу пещеры я никогда не была, озера в натуре не видела, но именно там я разместила в своем воображении ящики с золотом и алмазами. Правда, ящиков с золотом и алмазами мне тоже никогда не доводилось видеть в натуре.

Во время испытания Малиновская скала не была названа – очень может быть, что они о ней и не слышали, и электрические датчики показали, что на меня ничего не произвело особого впечатления. И еще они показали, что сначала я нервничала, а потом успокоилась. Еще бы, конечно, успокоилась, убедившись, что мне не больно и меня не бьет электрическим током.

Мы вернулись в кабинет.

– Боюсь, котик, ты совсем спятил, – сказала я шефу с укором. – Ты что, не знаешь, что я смертельно боюсь электрического тока? Я могла от страха потерять рассудок, не говоря уже о памяти. Какая тебе от этого польза?

– Я рассчитываю на твою поразительную выносливость, – ядовито ответил он. – А теперь, золотце, я обращаюсь к твоему здравому смыслу. Ты знаешь, где сейчас находишься?

– Более-менее. А что?

– Идем, я тебе что-то покажу.

Он подвел меня к стене, состоящей из больших, не плотно пригнанных друг к другу камней, наклонился и нажал на камень у самого пола: два раза с левой стороны, раз с правой и опять с левой. Я с любопытством наблюдала за ним. Он выпрямился и подождал несколько секунд.

Из стены, на уровне моего лица, медленно и бесшумно выдвинулся один из камней, наполовину открывая скрытую за ним стальную дверцу, на которой виднелся диск с цифрами. Шеф набрал ноль. Камень, находящийся

ниже, дрогнул, выдвинулся и тоже отошел в сторону. В глубокой нише стоял сейф размерами приблизительно метр двадцать на шестьдесят сантиметров.

– Тут моя святая святых, – пояснил шеф. – Чтобы открыть сейф, надо набрать цифру двадцать восемь сто двадцать один. Запомнишь?

Он набрал на диске цифры 28121, и дверца открылась. Внутри находилось много бумаг и пачки банкнотов.

– Кажется, ты выразила пожелание получить тридцать тысяч долларов в качестве возмещения за моральный ущерб? – продолжал он, повернувшись ко мне и опершись локтем о камень. – Здесь значительно больше. Пожалуйста, они будут твои при условии, что ты возьмешь их сама.

Оставив сейф, он вдруг направился к моим вещам, оставленным в другом углу комнаты. Сначала заглянул в сумку.

– Что у тебя тут? Документы, деньги, обычное бабье барахло...

Положив мою сумку в сейф, он принялся за сетку. Осмотрел атлас, словарь, целлофановый пакет с вязаньем и прочие мелочи. Видно, ему пришла в голову какая-то идея, так как он отложил пакет с недовязанным шарфом, а остальное аккуратно сложил в сейф рядом с сумкой и запер сейф.

– Ну-ка открой, – сказал он мне.

Я послушно выполнила приказание: набрала цифры 28121 – током меня не ударило, и сейф открылся.

– Видишь, как это легко? – с издевкой спросил он. – И подумать только, что тебе не хватает сущего пустяка – свободы.

– Пока я свободна, – холодно ответила я.

– Долго это не продлится, – зловеще заметил шеф. Заперев сейф и водворив на место камни, он жестом указал мне на кресло. Я молчала, еще не решив, учинить ли немедленно новый разгром в помещении или дать окрепнуть нараставшей во мне ярости.

– Что это? – спросил он, встряхивая целлофановый пакет. Я вежливо удовлетворила его любопытство:

– Шарф. Из белого акрила. Мое вязанье.

– Ах, вязанье... Очень полезное занятие, хорошо укрепляет нервную систему. Вязанье тебе оставят...

Помолчав, он продолжал:

– А теперь поговорим серьезно. Слушай внимательно, что я тебе скажу, и знай, что слово мое твердо. Тебя не убьют. Я прекрасно понимаю, что тебе нет никакого смысла сообщать мне тайну, зная, что сразу после

этого тебя укокошат. Так вот, тебя не укокошат...

– Не считай меня такой дурой, – прервала я. – Неужели ты думаешь, что я тебе поверю? Что, я и в самом деле выгляжу такой идиоткой? И все это ты мне только что показал для того, чтобы убедить меня, что, как только я тебе сообщу тайну, я выйду отсюда живая, невредимая и свободная?

– Отнюдь, – спокойно ответил он. – Все это я показал тебе для того, чтобы ты наконец поняла, что никогда отсюда не выйдешь. Ни отсюда, ни из какого-либо другого места. Я располагаю возможностями обеспечить тебе жизнь как в раю, ты сможешь даже общаться с людьми. Правда, это будут мои люди. Ничего не поделаешь, дорогуша, в катастрофах люди теряют руку, ногу или зрение. Ты потеряешь свободу. Несчастный случай, только и всего. Вся разница заключается в том, как будет выглядеть твоя будущая неволя.

Критически оглядев меня, он продолжал:

– Имеет смысл поспешить с решением. Тебе уже не восемнадцать. Некоторые процессы необратимы, например седина...

– Седина всегда была мне к лицу, – прервала я. – Даже красила меня.

– Не уверен, что тебя украсит отсутствие зубов. И не перебивай меня. Слушай. Думаю, я понял, что ты за штучка. Всякое физическое воздействие приведет к тому, что ты только ожесточишься и замкнешься в своем диком упрямстве. Я дам тебе время подумать. У тебя есть две возможности: находиться в заключении в очень плохих условиях и находиться в заключении в очень хороших условиях. Как выглядят эти хорошие условия, ты приблизительно знаешь, а я могу тебя заверить, что они будут превосходить все виденное тобой в жизни. Как выглядят плохие условия, ты убедишься сама. И сама примешь решение. Я подожду...

Ядовитая ирония, прозвучавшая в последних словах, вызвала во мне глубокое беспокойство. Что придумал этот негодяй? Цепью меня прикуют, что ли? И вообще, что за чушь он здесь молот, какая неволя? В наше время, в цивилизованной стране, под носом полиции?

Я вдруг почувствовала страшную усталость. Пора кончать эту свистопляску.

– Слушай, хватит валять дурака. Зачем мне твои деньги? Да подавись ты ими! Оставь меня в покое, а я тебе передам слова покойника.

– Так говори же!

– Как же, держи карман шире. Сначала выпусти меня, дай пожить нормально. Месяца через три, когда ты убедишься, что я умею держать язык за зубами, а я буду уверена, что ты окончательно оставил меня в

покое, я скажу тебе все, что ты хочешь.

– Ты понимаешь, что говоришь? Ведь, как только ты окажешься на свободе, полиция сразу вцепится в тебя.

– А я придумаю что-нибудь. Ну, например, что вы стукнули меня по голове и у меня отшибло память. Даже фамилию свою забыла.

– Глупости, – решительно заявил он, подумав. – Не пойдет. Будем говорить откровенно: ты мне сейчас не веришь. А что изменится через три месяца? Почему тогда ты мне поверишь? Кто гарантирует, что через три месяца я тебя не прикончу?

– Не прикончишь, мой цветик, напротив, будешь оберегать мою жизнь. Я оставлю у нотариуса завещание: «Вскрыть после моей смерти». А в нем опишу все как есть.

– Ну и придумала! А если ты, скажем, угодишь под машину!

– Но ведь и ты можешь угодить. Ну ладно, я напишу: «Вскрыть в случае моей смерти при подозрительных обстоятельствах».

Он покачал головой:

– Знаешь, мне легче оберегать твою жизнь, когда ты находишься под рукой. Да и вообще мое предложение мне кажется лучше. Давай уж сначала последуем ему. А если серьезно, когда же ты поймешь наконец, что у тебя нет выхода? Никто на свете не знает того, что знаешь ты, значит, тебя мы не выпустим. Полиции меня не найти, личность моя им неизвестна. В моем распоряжении восемнадцать фамилий и четыре подданства, никто не знает, кто я и чем занимаюсь. Ты же можешь навести полицию на мой след, из-за тебя в моей жизни и деятельности могут возникнуть осложнения. Нет, дорогая, будет с тебя того, что я дарю тебе жизнь. Выпусти тебя – и ты станешь для меня постоянным дамокловым мечом.

– Боже, какой нервный, – удивилась я. – А я-то думала, что при твоей работе...

– Все! – коротко и зло бросил он, вставая. – Хватит болтать. Сейчас тебя отведут в апартаменты, которые ты сможешь покинуть лишь после того, как скажешь. Вязанье можешь взять с собой.

– Ну, как знаешь, – холодно ответила я. – Раз хочешь войны – будет тебе война!

– Ненормальная! Война со мной?!

Его насмешливый голос продолжал звучать у меня в ушах, когда я в сопровождении двух гориллообразных служителей спускалась по лестнице. Шла я спокойно, хотя бушевавшая во мне злоба могла бы смести с лица земли весь этот замок. Нет, какова наглость! Ну, я ему покажу...

Я не сомневалась, что меня будут держать под стражей. Но не

сомневалась я и в том, что обязательно попытаюсь бежать. А так как при побеге необходима хорошая физическая форма, пожалуй, самое разумное сейчас – вести себя спокойно, иначе, усмиряя меня, могут повредить мне ногу или другой какой ущерб нанести.

Итак, зажав в руке целлофановый пакет, я без сопротивления продолжала спускаться по лестнице. По дороге мне удалось установить, что мы находимся в большой круглой башне. Я старалась не потерять ориентировку, хотя винтовая лестница очень затруднила это. На всякий случай я сосчитала количество ступенек одного пролета лестницы.

Замок как таковой, по моим представлениям, уже давно кончился, а те помещения, где мы сейчас оказались, следовало бы назвать подземельем. Причем весьма запущенным подземельем. Гориллы с трудом открыли какую-то дверь, я думала, что за ней будет моя камера, но перед нами опять был коридор, а в конце его опять лестница. Теперь я уже очень внимательно считала: семнадцать ступенек и еще семнадцать, всего тридцать четыре. Эта лестница была полуразрушенная, совсем без перил, очень неудобная. Внизу оказалась небольшая дверца, вернее, просто каменная плита, подвешенная на громадных петлях. Прежде чем ее открыть, пришлось разобрать скопившуюся перед ней кучу камней и каких-то железяк. Судя по всему, последний раз эту дверь открывали лет триста назад. Один служитель караулил меня, а двое других навалились на дверь, пытаясь открыть ее. С большим трудом им удалось это сделать. Заскрежетав по каменному полу, дверь приоткрылась.

Нет, добровольно я туда все-таки не вошла, меня втолкнули. Оставив мне средневековый масляный светильник, три гориллы совместными усилиями потянули дверь к себе. Я услышала лязг и скрежет засовов, на которые они еще повесили замки, что было уже явным излишеством. Даже если бы эта дверь не была заперта, я все равно не смогла бы ее открыть. И не только потому, что у меня не хватило бы сил, – просто не за что было тянуть. Создатель этих покоев не предусмотрел возможности открывать дверь изнутри.

Теперь бы самое время проснуться, стряхнуть с себя этот кошмарный сон. Трудно было поверить в реальность происходящего, слишком ужасной выглядела она и в то же время какой-то нереальной, фантастической, средневековой. Может быть, все-таки это сон или просто-напросто глупый розыгрыш? Неужели и в самом деле меня собираются держать здесь в заключении?

– Эй, ты! – загремело вдруг у меня над головой. Глаза постепенно освоились с темнотой, которую не мог рассеять жалкий светильник.

Высоко подняв его, я увидела, что готические своды уходили в высоту, заканчиваясь небольшим черным отверстием диаметром сантиметров в двадцать пять.

– Эй, ты! – опять раздался вой из черной дыры.

– Ну, чего? – злобно заорала я в ответ.

– Как тебе понравились новые апартаменты?

Я узнала голос мерзавца. Если он рассчитывает, что я начну канючить и хныкать, то ошибается!

– Чудесное помещение! – закричала я изо всех сил, чтобы мой голос дошел до него. – Люблю высокие гробы.

Из черной дыры донесся язвительный смех:

– Это камера приговоренных к голодной смерти. Слышишь?

– Слышу! Очень хорошо, всегда мечтала похудеть.

– Будешь сидеть там до тех пор, пока не надумаешь. Еду тебе дадут, не бойся. Как надумаешь, позови меня. Приятных раздумий.

– А пошел ты... – невежливо ответила я.

Не было больше сил изощряться в остроумии. В ответ послышался смех, и все стихло.

Со светильником в руке я попыталась осмотреть помещение. Отчаяние приглушило бушевавшую во мне ярость. Подземелье было небольшое, метров пять на шесть, неправильной формы, с каменными стенами и каменным полом. Один угол занимала куча гнилья – видимо, когда-то это было соломой; в другом валялись кости, может быть, человечьи; в третьем лежали два больших камня, на которые можно было сесть. Я села на один из них, светильник поставила на другой и уставилась на мокрые стены, пытаясь подавить охвативший меня ужас.

Так вот что он имел в виду, говоря, что мне придется быстро принимать решение! И он прав. Здесь я быстро схвачу ревматизм, заболую цингой и сойду с ума. Я уже не говорю о кислородном голодании, малокровии, потере зрения. И о колтуне. Когда все это вместе навалится на меня, мне, пожалуй, уже будет на все наплевать.

И все-таки рассудок отказывался поверить в случившееся. Просто этот негодяй хочет меня запугать. Он ждет, что я сдамся, а потом с издевкой покажет мне выход из моей темницы – наверняка самый простой, а я не смогла его обнаружить. Нет уж, не дождется!

Через несколько часов решимость моя весьма поубавилась. Где-то высоко надо мной наступила глубокая ночь, нормальные люди спали в нормальных постелях, дышали нормальным воздухом. Только я, как какая-то пария, сидела на мокром твердом камне в омерзительной черной яме,

вонючей и осклизлой, костенела от промозглой сырости, и не было у меня никаких надежд выбраться отсюда!

Поочередно я прошла через стадии уныния, паники, ярости и впала в апатию. Находясь в этом последнем состоянии, я заснула, сидя на камне и опершись спиной о стену. Спала я недолго и проснулась от холода. Все тело затекло. Мне казалось, что у меня уже начинают выпадать зубы и вылезать волосы. И еще меня тревожила мысль о крысах. Я чувствовала, что чего-то здесь не хватает, и только теперь поняла, чего именно. Ну, конечно же, крыс. Если бы они здесь водились, то уже повылезали бы. Почему их не видно?

И мои мысли приняли иное направление. Я стала думать над тем, сколько времени крысы могут обходиться без пищи, и пришла к заключению, что они наверняка все повимерли еще лет сто назад. Если мне специально и подпустят парочку, это меня не испугает. Ни мышей, ни крыс я не боюсь, в этом отношении я не типичная женщина. Значительно больше мне не понравилось бы наличие здесь хотя бы самой завалящей змеи.

Часы показывали шесть. Должно быть, шесть утра, вряд ли я смогла проспать на этом камне почти сутки. Машинально заведя часы, я сделала несколько гимнастических упражнений, пытаюсь восстановить нормальное кровообращение и хоть немного согреться. От одного только взгляда на воду, стекающую по стенам с тихим плеском, становилось холодно.

Мне абсолютно нечем было заняться – совершенно чуждое моей душе и моему складу характера состояние. Единственное место, где я была бы счастлива, если бы мне нечего было делать, – побережье теплого моря, эти же «апартаменты» никак его не напоминали. Во всяком другом месте я обязательно должна чем-нибудь заниматься. Боюсь, мне не хватило бы книги, чтобы описать все глупости, которые я наделала в своей жизни лишь из-за того, что моя активная натура упрямо требовала деятельности.

А вот теперь я могла только сидеть на камне и бессмысленно таращиться в темноту. Ах да, я еще могла метаться по камере. Известно, что как первое, так и второе занятие всячески способствуют тому, что заключенные скорее сходят с ума. Поскольку это отнюдь не входило в мои намерения, я принялась интенсивно размышлять.

Очевидно, негодяй решил продержать меня здесь дня три, рассчитывая, что я смирюсь. Не на такую напал! Три дня – не вечность, за три дня вряд ли моему здоровью будет нанесен непоправимый ущерб. Три дня я выдержу. А пока не мешает заняться чем-нибудь, чтобы время шло быстрее. Раз физическая работа невозможна, займемся умственной.

Подложив под, извините, себя целлофановый пакет с незаконченным

вязаньем (сразу стало мягче), я оперлась спиной о стену и начала думать о замке, в котором нахожусь. Попыталась его себе представить. Я хорошо помнила дорогу в эту проклятую темницу. За ее дверью – тридцать четыре ступеньки крутой лестницы, поворачивающей направо, потом коридорчик. Он тоже, если смотреть отсюда, сворачивал вправо. Оно и понятно, ведь башня круглая. Высота каждой ступеньки, ну, скажем, сантиметров двадцать восемь, они были жутко неудобные. Двадцать восемь умножить на тридцать четыре... Больше девяти метров. Интересно, будет ли девять метров до отверстия в потолке?

Наряду с умственным я все-таки занялась и физическим трудом. Надо было измерить помещение – в длину, ширину и, по мере возможности, в высоту. Отмерив метр на нитке акрила (расстояние между вытянутыми пальцами моей правой руки равнялось двадцати сантиметрам, а, кроме того, приблизительно метр составляло расстояние от конца пальцев вытянутой руки до другого плеча), я измерила все, что могла. По моим предположениям выходило, что коридорчик находится выше потолка моей камеры.

Затем я стала вспоминать, как выглядела лестница верхнего яруса. Один пролет состоял из десяти ступенек. Какой они были высоты? Пожалуй, от двадцати до двадцати трех сантиметров, как в обычной подвальной лестнице. Допустим, что в каждом пролете около двух метров двадцати сантиметров. Всего было шесть пролетов. А перед этим была еще лестница, по которой я шла с первого этажа здания в башню, там было четырнадцать ступенек, очень удобных. Минутку, сколько это будет всего?

Когда я уже подсчитала, что в данный момент нахожусь на двадцать восемь метров ниже уровня первого этажа замка, и попыталась представить эту высоту в привычных мне мерках варшавских жилых домов, над моей головой раздался хриплый вопль:

– Эй, ты-ы-ы!

– Ну, чего еще? – заорала я в ответ, недовольная тем, что меня отрывают от дела.

– Ты еще жива?

В хриплом голосе мне послышалось как будто сочувствие. Нет, это явно не голос шефа.

– Нет, померла!

Из черной дыры донеслось визгливое похрюкивание, а потом тот же голос прокричал:

– Без глупостей, а то не получишь еды. Тому, кто помер, у нас еду не дают.

– Что ты говоришь! – громко удивилась я. – А я думала, все равно заставляют есть.

В дыре опять захрюкали, а потом там что-то показалось.

– Держи! И не лопай сразу все, это тебе на весь день.

Ко мне на веревке спустилась корзинка. В ней оказалось полбуханки черного хлеба, и даже не очень черствого, глиняный кувшин с водой, пачка сигарет и спички. На секунду я закрыла глаза, стараясь справиться с забившимся вдруг сердцем, потому что все это время сверхъестественным усилием воли пыталась подавить в себе всякую мысль о сигаретах. Я знала, что для меня будет самым мучительным...

– Ну, что ты копаешься? – загремело под потолком. – Вынимай скорей, я забираю корзину.

Кувшин я поставила на пол, а хлеб и сигареты держала в руках, так как их некуда было положить. Корзину подняли вверх.

– Эй, ты! – взревела я.

– Чего тебе?

– Ты кто?

– А тебе зачем?

– Я должна знать, с кем разговариваю. И вообще, джентльмен должен представиться даме.

В раздавшемся в ответ хрюканье мне удалось различить явственное «хи-хи-хи».

– Я здесь сторожу! – загромыхало в ответ. – Теперь вот тебя буду караулить и еду тебе давать. А если тебе чего надо, ты должна мне сказать.

Я сразу же ответила:

– Надо!

– Чего?

– Трон из слоновой кости с жемчугами!

– Ладно, скажу шефу! До свиданья.

– Слава труду!

В ответ опять послышалось веселое повизгиванье, и все стихло.

Я занялась хозяйством. Сигареты и спички положила в целлофановый пакет. Хлеб съела и запила водой из кувшина, которая вопреки ожиданиям не была тухлой. Потом закурила, очень осторожно, стараясь определить, не испытываю ли каких-либо подозрительных ощущений. Могли ведь подсунуть всякую гадость – наркотики, например.

Появилась еще одна тема для размышлений. Похоже, у меня не будет недостатка в пище для ума. Почему мне дали сигареты?

В свете коптилки было видно, как дым от сигареты тянулся вверх,

клубами повисал там и понемногу вытягивался в дыру. Воздух в темнице трудно было назвать свежим. А если дыру заткнут? А если я в отчаянии буду палить сигарету за сигаретой? Да, очень разумно предоставить сигареты узнику, если хочешь, чтобы он поскорее загнулся. А может, этот дым позволяет наблюдающим за мной определить, что я делаю?

Решив свести курение до минимума, я вернулась к размышлениям о конструкции и планировке замка. В конце концов высоту, вернее, глубину я определила. Оказывается, я находилась на девятом этаже здания, поставленного с ног на голову и вкопанного в землю. Причем над землей торчали подвалы и фундамент. Меня даже несколько развлекла такая оригинальная постройка. Потом я приступила к определению сторон света. Сделать это было непросто, так как я плохо знала замок.

Я еще не пришла ни к каким достойным внимания результатам, когда сверху опять послышался голос. Теперь орал шеф собственной персоной:

– Эй, послушай! Где ты там?

– Нет меня! Испарилась. Чего тебе надо?

– Что означает трон? Что ты хочешь сказать этим?

Все-таки трудно было разговаривать в таких условиях, когда приходилось кричать изо всех сил. Сначала я никак не могла понять, о каком троне он говорит. Потом вспомнила.

– А что? У тебя нет трона?! – В моем крике слышались одновременно и удивление, и недоверие.

– Какого трона, черт возьми?

– Золотого! С жемчугами!

Молчание. Видимо, он переваривал мою просьбу. Потом громко спросил:

– Ты там не спятила часом?

– Ладно, согласна на диван. Но обязательно крытый фиолетовым сафьяном.

До него наконец дошло, что я издеваюсь над ним.

– Ну что же, сделаем! Выпишу фиолетовый сафьян и велю обить диван. А к тому времени, когда его изготовят, ты уже не будешь так веселиться.

Он удалился. Я опять принялась за размышления – правда, принявшие несколько иное направление. Пожалуй, все это значительно серьезней, чем я думала. Шутки шутками, но в этой промозглой дыре я уже через несколько недель погублю свое здоровье. Мокрый пол, мокрые стены... Сидение на камне уже сейчас отдавалось во всех косточках, я мечтала лечь, но уж очень отвратительно выглядела прогнившая солома. На чью-либо

помощь мне рассчитывать нечего: никто не знает, где я высадилась, никто не видел, как я ехала сюда... Кто может добраться до этих ужасных подземелий, находящихся, наверное, на уровне Луары? Этот бандит может продержать меня здесь до конца моих дней, и никто ему не помешает. А если даже меня и выпустят отсюда когда-нибудь, какой я выйду?

Живое воображение позволило мне представить себя, и волосы встали дыбом от ужаса. И опять дикая ярость охватила меня. Этот негодяй распоряжается мной, хочет отнять у меня часть жизни. Столько вокруг солнца, воздуха, люди вокруг живут как им хочется, а меня заточили в этом подземелье без всякой моей вины. Так нет же, я выйду отсюда, и выйду сама, не нужно мне его милости!

До самого вечера перебирала я всевозможные варианты побега. Чего только не приходило в голову! Вскарabкаться по веревке, на которой мне спускали пищу, высадить дверные петли... Обдумывая эти возможности, я ходила, садилась, опять вставала, потом опять садилась, стараясь менять позу и все чаще поглядывая на солому. Наконец я поняла, что больше не выдержу. Разорвав целлофановый пакет, я покрыла им солому. Будем считать, что это защита от влаги. Незаконченный шарф послужит защитой от холода. Когда я разворачивала вязанье, из него выпал крючок. Им я нацарапала на камне черту, решив вести календарь, как это принято у заключенных.

Черта провелась очень легко, что натолкнуло меня на мысль начертить на камне план замка – тогда можно будет нагляднее его представить. Идея оправдала себя. Я помнила, где находилось солнце, когда мы въезжали во двор, помнила, сколько было времени в тот момент, и без труда определила стороны света. На соседнем камне я начала восстанавливать по памяти внутренний план замка.

Где-то около полуночи я уже точно знала, какая стена моей темницы северная, а какая южная. Пока мне это было ни к чему. Задумалась же я вот над чем: по моим подсчетам выходило, что вокруг моего подземелья не было других помещений – одно-одинешенькое, как несчастная сирота, оно было выкопано в холме над Луарой. Как это можно использовать?

Измученная, я наконец заснула, скрючившись на целлофане, и проснулась, стуча зубами от холода, вся промокшая и заоченевшая. На здоровье я никогда не жаловалась и вынослива была на редкость, но тут... К ранее намеченным болезням надо, пожалуй, добавить еще и воспаление легких. Нет, решительно следует что-то предпринять.

Больше всего воды было на полу, где она накапливалась, стекая со стен. Правда, часть ее уходила в щели между камнями, но лишь небольшая

часть. С невероятными усилиями мне удалось перекатить большие камни в другое место – не скажу, что более сухое, но, как мне показалось, менее мокрое. Затем крючком я немного расширила щели между камнями в самом нижнем углу камеры. Вроде бы помогло. И, уж во всяком случае, я немного согрелась во время работы.

Рев стражника застал меня в тот момент, когда я перекладывала камни, пытаюсь соорудить из них ложе.

– Эй, ты! Жива?

– Отвяжись! – заорала я злобно, так как от неожиданности у меня дрогнула рука и камень придавил палец. – Какого черта задаешь глупые вопросы?

– Так я же говорил! Если померла, не получишь еды! Опорожни корзину и верни кувшин!

Вынимая из корзины те же продукты, что и вчера, я обратила внимание на ее форму. Это была не обычная корзинка, а как бы плетеный прямоугольник с дном. Я проследила за ней, когда страж поднимал ее, и увидела, что дыра в потолке как будто увеличилась. По всей вероятности, пробитое в толще свода отверстие сужалось кверху и предназначалось также для наблюдения за узником. Надо будет проверить.

– Эй, ты! – крикнула я стражнику. – И много у тебя подопечных?

– Нет, ты одна. Когда-то было много, а теперь никого нет!

– Скучно тебе, должно быть?

– Чего?

– Скучно, говорю? – заревела я, как раненый лось. – Работы мало!

Сверху раздалось что-то напоминающее обиженное фырканье:

– Еще чего! Работы хватает! И не твоя это забота, лучше о себе позаботься!

Я поинтересовалась:

– А что ты еще делаешь?

– За садом смотрю! – проревела дыра. – Ворота открываю, петли смазываю, все делаю! Еще котельная на мне!

– И давно ты здесь работаешь?

– Всю жизнь! И отец мой здесь работал, и дед! Сторожили таких, как ты. Мой прадед сторожил и прадед моего прадеда! – В доносящихся сверху воплях явно звучала фамильная гордость. – Раньше труднее было! Много тут сидело всяких, и то и дело они убегали или помирали. Одного моего прадеда повесили, трое у него сбежало! Ты не сбежишь!

– А я и не собираюсь!

– Чего?

– Ты что, глухой? Говорю, что и не собираюсь!

– Почему это?

– А мне здесь нравится!

Это его так поразило, что он оторопело замолчал. Потом раздалось недоверчивое:

– Что глупости говоришь?

– И вовсе не глупости! Такая у меня натура – люблю жить в мокрых подземельях! Всю жизнь мечтала! – И когда услышала в ответ недоверчивое хмыканье, обиженно прибавила – Ты что, не веришь мне? В таком случае я с тобой больше не разговариваю!

– Скажи только, что передать шефу?

– Передай ему, чтоб он лопнул!

Это, как видно, понравилось стражнику, так как сверху раздалось уже знакомое мне визгливое похрюкивание, и все смолкло. Я не была уверена, что мое пожелание будет передано.

Трое сбежало... Интересно, как они это сделали?

Ложе, сооруженное из двух камней, смердящей соломы, целлофана и шарфа, показалось мне уже не таким противным. Лежа на нем и размышляя о трех беглецах, я по привычке царапала крючком на камне. Мне всегда лучше думалось, если я чертила или рисовала при этом. Еще в школе учителя меня ругали за это.

Крючок соскользнул с камня и застрял в щели. Я выдернула его и закончила начатый орнамент. Потом ткнула крючком в щель между камнями, покрутила немного, образовалась небольшая аккуратная ямка. Закончив ее, я принялась за следующую. Когда уже почти весь камень был окружен изящными дырочками, до меня вдруг дошел смысл того, что я делаю. Я замерла, и всю меня обдало горячей волной. Боже милостивый! Ведь это же известняк! Здесь, по Луаре, сплошные известняки!

Все постройки в этой части Франции возводились из известняка. Из известняка готовился и раствор. Известняк гигроскопичен. Эта махина стоит как минимум четыреста лет, четыреста лет на известняковые стены воздействует вода! Вокруг этой башни нет других построек. Продолбить стену, прорыть лаз, докопаться до склона холма...

Я постаралась взять себя в руки. Сначала надо все рассчитать. Башня стоит на стене, что окружает замок, значит, стена несколько метров толщиной. Сложена она из камней, скрепленных известковым раствором. Узники пробивали и не такие стены, причем в их распоряжении не было никаких орудий, разве что ложка, глиняные черепки или просто собственные когти. У меня же был крючок, правда, пластмассовый, но

очень прочный, толстый и, как оказалось, крепче известняка.

Я постаралась представить себе расположение замка – ведь я его успела хорошо рассмотреть, когда мы подъезжали. Надо копать в противоположную от реки сторону. В этом случае у меня были шансы пройти под крепостной стеной и сразу выйти на склон поросшего травой холма. А если бы я начала подкоп под стеной башни, обращенной к реке, мне пришлось бы пройти под землей весь двор. Я тщательно рассчитала направление, высоту, длину подкопа, красиво изобразила все это на чертеже, выполненном по всем правилам геометрии, и приступила к работе.

Не стану утверждать, что я была уверена в успехе своих планов. Я вообще старалась не думать об этом. Зато я нисколько не сомневалась, что свои планы относительно меня шеф осуществит и что эта каторжная работа дает мне единственную возможность выйти на свободу. Ни на какие уступки я не пойду. Он сам объявил мне войну, выиграл первый бой. И теперь довел меня до такого состояния, когда желание победить его оказалось сильнее всего на свете. Или пробьюсь сквозь стену, или сдохну в этой дыре!

Крючок, как в масло, входил в застывший раствор между камнями. Практика показала, что это было очень удобное орудие, и я смело могу рекомендовать его другим узникам. Головкой крючка очень удобно выковыривать пропитавшиеся водой кусочки раствора. Гвоздем, например, было бы значительно трудней.

Самым трудным оказалось вытащить первый камень. Я это предвидела и поэтому выбрала для начала камень поменьше. Сидя на корточках у стены, я ковыряла и ковыряла, ковыряла и ковыряла, пока крючок почти целиком не стал входить в щель. Тогда я ухватила камень руками и попыталась вытащить его. Руками не получилось, пришлось прибегнуть к помощи обуви. Хорошо, что этому негодяю не пришло в голову отобрать у меня обувь! У бразильских сабо был модный каблук, скорее напоминавший копыто лошади, чем обычный каблук. Вставив это копыто в образовавшуюся щель, я стукнула по нему другой туфлей. Камень пошевелился. Отерев пот со лба, я стукнула еще раз, потом вставила каблук в щель пониже и опять стукнула. Наконец камень можно было раскатать уже просто рукой. Ухватившись крепче, я дернула из всех сил, и камень вывалился.

Путь к свободе предстал передо мной в образе отверстия в стене размерами тридцать сантиметров на десять. Взглянув на часы, я увидела, что на этот камень у меня ушло три с половиной часа. При таких темпах

мне понадобится от двухсот до трехсот лет... Я, наверное, пала бы духом, если бы не уверила себя, что лиха беда начало.

Доев хлеб, с наслаждением выкурила сигарету и вновь принялась за работу. Когда поздней ночью я легла спать на своем омерзительном ложе, у стены в углу уже лежало шесть выковырянных камней.

Полученный таким путем строительный материал, очень неплохо обработанный, позволил мне немного усовершенствовать свое ложе. Мягче оно не стало, но теперь было значительно суше. У меня даже появилась надежда избежать воспаления легких и ревматизма... Как я и надеялась, с каждым вынутым камнем работать становилось легче.

Крик сторожа застал меня за работой. Я не ответила, так как была занята обработкой одного из самых больших камней. Встревоженный страж завопил еще громче:

– Эй, ты-ы-ы! Почему не отвечаешь? Где ты там?

– А ты что, не видишь? – спросила я, не прекращая работы.

– Ясное дело, не вижу! – отозвался он с заметной радостью. – У тебя там темно как в могиле.

– Так надень очки! – посоветовала я и поинтересовалась – Как здоровье?

– Чье здоровье?

– Твое, разумеется. Живот не болит?

– А почему он должен болеть?

– А потому, что каждый день ты наваливаешься им на эту дыру и орешь изо всех сил.

– А откуда ты знаешь, что я лежу на животе?

– А что, ты висишь вниз головой?

Похрюкивание и новый вопль:

– Угадала, я и впрямь лежу на животе. Эй, послушай! Ты должна что-то сказать.

Теперь удивилась я:

– Что я должна сказать?

– Ну шефу! Ты ему должна что-то сказать, так ведь? И будешь тут сидеть, пока не скажешь, так ведь?

– Все правильно. А что?

– Дура ты! Ведь тебя выпустят, как только скажешь. Почему не говоришь?

– Потому что мне вовсе не хочется отсюда выходить. Мне тут нравится. А почему ты мне еду спускаешь сверху, а не передаешь через дверь?

– Одному человеку этой двери не открыть. Ты что, не видела разве? Всегда отсюда спускали тем, кто сидел внизу. Ну, хватит болтать, забирай еду и возврати кувшин.

– Подождешь, не горит...

Прервав работу, я опорожнила корзинку и положила туда пустой кувшин. Мне пришло в голову, что он сможет мне пригодиться. Придется соврать, что разбился. Но это немного позже, дня через два-три, а пока надо завязать дружбу со сторожем.

– Эй, есть ли у тебя семья? – поинтересовалась я.

– Какая семья?

– Не знаешь, какая бывает семья? Жена, дети...

– Ты что, нет, конечно! Зачем мне это?

– А сколько тебе лет?

– Семьдесят восемь! – с явной гордостью провыл он. – Послушай, если тебе что надо от шефа, говори скорее, а то завтра его не будет.

– Хочу ананасный компот! А ему передай мое пожелание опаршиветь.

Как видно, он получил четкое указание немедленно передавать все, что я ни скажу, так как поспешно удалился, не кончив разговора. Я вернулась к работе.

Не так уж трудно было вытаскивать из стены небольшие плоские камни. Время от времени приходилось прибегать к каблукам. Значительно труднее было извлекать крупные камни, но зато нагляднее были тогда результаты труда. Одним камнем, длинным и плоским, я стала пользоваться как рычагом. Со временем у меня накопилось достаточно орудий труда, так что не было нужды больше пользоваться туфлями.

Выемка в стене была уже порядочной – метр на метр, на высоте двадцати сантиметров от пола. Я понимала, что вырыть такой широкий подкоп мне не под силу, придется его сузить. И еще надо решить проблему транспортировки вынутых камней в камеру и размещения их в ней. Лучшим вариантом будет – и это решение доставило мне искреннее удовлетворение – сваливать их под дверь, тем самым исключая в будущем всякую возможность открыть ее.

Когда истекали следующие сутки, путь к свободе исчислялся тридцатью сантиметрами в глубь стены. Есть мне хотелось после этой каторжной работы жутко, рук я не чувствовала, поясница разламывалась, ноги затекли от сидения на корточках. Только крючок держался молодцом. В ожидании сторожа с едой я утешала себя мыслью, что голодная диета очень полезна для больной печени, и я вязала из акрила сеть, с помощью которой намеревалась выволакивать камни из прорытого мной коридора. Я

ни на минуту не сомневалась, что небольшая ниша скоро превратится в длинный коридор, и, честно говоря, была в прекрасном настроении.

Наверху послышался скрежет, из дыры раздался хриплый вой:

– Эй, ты! Жива?

– Не смей больше так обращаться ко мне! – обиженно прокричала я в ответ. – А то отвечать не буду!

– Тогда не получишь еду!

– Ну что ж, умру с голоду, и тебе попадет от шефа!

В хриплом голосе послышался живой интерес:

– А как надо обращаться к тебе?

– Обращайся ко мне «Ваше преосвященство»! Я тебе не кто-нибудь, моя прабабка даже была знакома с одной графиней!

В дыре радостно захрюкали:

– Ладно, согласен! Шеф велел спросить, как ты себя чувствуешь?

– Передай ему – как молодая луковка весной!

– Ананаса не получишь! Велел сказать, что ничего не получишь. Только хлеб и воду!

– А я как раз очень люблю хлеб и воду! Не надо мне ананаса, я раздумала. Сlopай сам за мое здоровье!

– Я выпью за твое здоровье! Ты мне нравишься. До сих пор никто не хотел со мной разговаривать, все меня только проклинали. Не говори ты ему, что должна сказать. Лучше посиди здесь подольше.

«А чтоб тебе...» – подумала я, вынимая продукты из корзины. Может, взять кувшин? Нет, не стоит пока портить с тюремщиком отношения.

– У меня масло кончается! – крикнула я. – Нужен новый светильник!

– Я за масло не отвечаю! – как-то неуверенно ответил он. – Что мне велят, то и даю!

Коптилка светила еще вполне прилично, но вдруг этот негодяй, шеф, захочет оставить меня в темноте? А этого я панически боялась. Слепну, как лошадь в шахте. Поэтому я решила на всякий случай использовать отсутствие шефа для пополнения запасов.

– Свет мне положен, так что нечего! Шеф требует от меня указать одно место на карте. Вот ослепну, тогда сам будешь искать!

– Так уж сразу и ослепнешь! – Тем не менее в голосе сторожа не было уверенности.

Я объяснила ему, что, согласно новейшим научным исследованиям, ослепнуть можно за одни сутки. Не знаю, поверил ли он этому, но, видно, инструкции ему были даны самые категорические, потому что опять, прервав разговор на полуслове, он удалился и через полчаса принес новый

светильник. Спустив его в корзине незажженным, он решительно потребовал:

– А тот верни!

– А пока горит, как погаснет – отдам!

Сторожу это не очень понравилось, но пришлось примириться с фактом.

Немного отдохнув и поев, я вновь принялась за работу. Камни, из которых складывалась стена, были уложены очень неровно, большие и маленькие вперемешку. Стоило вытащить один, как соседние уже поддавались, так что работа шла споро. Преисполненная оптимизма, я принялась высчитывать, сколько у меня уйдет времени, если толщина стены составит шесть метров. Получалось два месяца. Надо все-таки использовать кувшин.

– Эй, ты! – заорал, как всегда, сторож на следующее утро.

Я не откликнулась – надо выдержать характер.

– Эй, ты! – еще громче завопил он. – Ваше преосвященство! Вы живы? На «преосвященство» я могла откликнуться:

– Да ты что? Уже три дня, как померла!

– А почему тогда говоришь? – с явным интересом задал он вопрос, похрюкав по своему обыкновению.

– А это не я говорю! Это моя душа! Сегодня в полночь в виде привидения я приду пугать тебя!

– А почему меня? Пугай шефа!

– Его же нет!

– Дак вернется через неделю! Не можешь подождать?

– Ладно, только ради тебя! Начну с шефа.

Пока мы переговаривались, он спустил корзину. Подняв ее обратно, обнаружил, что нету кувшина, и встревоженно заорал:

– Эй, ты!

Я упорно молчала.

– Эй, ты! Чего молчишь? Отвечай, черт возьми! Где кувшин?

Я продолжала проявлять стойкость, а он не унимался:

– Эй, ты там! Черти бы тебя побрали! Ваше преосвященство!

– Ну что? – мрачно отозвалась я.

– Где кувшин? Отдай кувшин!

– Не могу! Разбился!

– Перестань валять дурака! Мне отчитаться надо. Черепки отдай!

– Не могу! Я на него села, и от кувшина остались лишь мелкие осколки. Ради твоих прекрасных глаз я не собираюсь копаться в грязи. А

докладывать не советую!

– Почему?

– Нагорит тебе от шефа! Лучше помалкивай. У тебя что, другого не найдется?

– О, чтоб тебя!.. – в отчаянии простонал он, явно не зная, на что решиться. – Если не отдашь кувшина, больше не получишь воды!

– Дело твое! От жажды помирают скорее, чем от голода.

– Ну, погоди! Ты у меня попляшешь...

Кувшина я сразу не разбила, решив, что сделаю это, когда понадобится, а пока поставила его в угол вместе с запасным светильником.

На следующий день сторож спустил пустую корзинку. На его нетерпеливые «эй, ты» я не отвечала, и корзина напрасно подпрыгивала и стукалась о мокрый пол. Наконец сверху послышалось:

– Ваше преосвященство!

Теперь я сочла возможным отозваться:

– В чем дело?

– Сначала верни кувшин, тогда получишь еду!

Сегодня мне не хотелось с ним спорить. Устала я страшно – сказывалось постоянное недоедание. Да и нужды во втором кувшине не было. Я положила кувшин в корзину и через минуту получила хлеб, воду и сигареты. Молча вынула их из корзины.

– Ваше преосвященство! – заревела дыра. – Как чувствуешь себя?

– А тебе какое дело? Хорошо чувствую.

– Тогда почему не говоришь ничего?

– Я обиделась на тебя. Ты меня третируешь! Вот погоди, Бог тебя покарает!

Сторож счел нужным оправдаться:

– Дак мне велят! Если не буду выполнять приказаний, меня убьют. Велели отбирать у тебя кувшин, я и отбираю. Неужто мне кувшина жалко?

– Ну ладно, подумаю, может, завтра и прощу тебя...

В последующие за этим дни я метр за метром вгрызалась в стену. Дело шло медленней, чем я рассчитывала, так как попался крупный камень, который занял у меня несколько часов. Когда извлекла его из стены и откатила к дверям камеры, я совсем без сил рухнула на пол. Зато ближайшее окружение этого гиганта удалось извлечь без особого труда. Еще один большой и очень длинный камень, уходящий на большую глубину в стену, почему-то выскочил сам, что очень подняло мое настроение.

Кроме выковыривания раствора крючком, я использовала также метод

расшатывания и обстукивания камней, поэтому очень следила за тем, чтобы сторож не услышал никакого подозрительного шума. Он появлялся обычно около десяти. Постепенно он привык титуловать меня «преосвященством» и отказался от попыток путем угроз и шантажа вернуть задержанный мной кувшин. Следовало внести какое-то разнообразие в наши взаимоотношения.

– Не называй меня «Ваше преосвященство»! – категорически потребовала я в один прекрасный день. – Так обращаются только к кардиналам, ты что, не знаешь?

– Дак ты ведь сама так хотела! – удивился сторож. – А как тебя теперь называть?

– Ваше королевское величество!

Дыра тотчас же отозвалась радостным похрюкиванием и поинтересовалась:

– А почему «королевское»?

– А потому что мне так нравится. Имею я право, в конце концов, хоть на какие-то радости в этой могиле?

– Шеф завтра возвращается! Если захочешь – выйдешь отсюда. Но лучше не выходи, мне скучно будет!

– Не волнуйся, мне здесь нравится!

На самом же деле настало очень тяжелое время. Я чувствовала, что меня надолго не хватит. Правда, каторжный труд приносил даже некоторую пользу здоровью, но эти камни вместо постели, эта промозглая, затхлая атмосфера подземелья... Я чувствовала, что пропиталась ею насквозь. В моем воображении то и дело представляли картины всевозможных засушливых районов земли: и тех, что я видела собственными глазами, и тех, о которых только читала или слышала. Жаркое солнце освещало пески Сахары, Белую Гору с ее нескончаемыми дюнами, Блендовскую пустыню, а также пустыню Гоби, сухие сосновые боры под Варшавой... Неужели когда-то мне могло быть слишком сухо или жарко? В пустынях мне виделись также различные продовольственные товары и отдельные предметы мебельных гарнитуров – разумеется, мягкие. Сесть бы сейчас в мягкое кресло... Лечь в удобную постель... В сухую постель!

Две вещи поддерживали мой дух. Первая – дикая, безумная ярость. Если ярость достигала подобных высот – а такое случалось со мной очень редко, – она делала меня совершенно неменяемым существом. Я уже знала, что в подобном состоянии я бываю способна совершать деяния, которых в нормальном состоянии мне не совершить ни за какие сокровища мира. Такое случалось со мной несколько раз в жизни, и мне горько

приходилось сожалеть о содеянном. Теперь же я и не пыталась подавлять все возрастающее неистовство, следя лишь за тем, чтобы оно находило выход только в одном направлении – через проход в стене.

Вторая вещь – глубокое убеждение в благодатном влиянии воды на кожу лица. Мы столько начитались и наслушались о превосходном цвете лица англичанок! А все потому, что они всю жизнь мокнут под дождем. Общеизвестно, что с возрастом кожа высыхает, и сколько же тратится сил на ее увлажнение! Ну, теперь я могла быть спокойна: влагой пропитаюсь на всю жизнь. В глубине души я надеялась, что, когда выйду отсюда, у меня будет чудесная кожа лица, пусть даже немного и бледноватая.

Я с энтузиазмом ковырялась уже на глубине около полутора метров, когда до меня донесся шум сверху – в неурочное время, ближе к вечеру. Я поспешила вернуться в камеру и услышала доносящийся из отверстия рев:

– Эй, ты-ы-ы!

Я удивилась. Неужели сторож мог забыться до такой степени? Рев, не уступающий по интенсивности мотору реактивного самолета, повторился. Теперь я поняла, что кричал не сторож. Похоже, вернулся шеф. Сев на камень, я стала ждать, когда ко мне обратятся более прилично. Рев прекратился. Затем послышался неуверенный голос сторожа:

– Ваше преосвященство!

Я не откликнулась.

– Ваше пре... – начал было он громче, но тут же спохватился и заорал – Ваше королевское величество!

Теперь я могла откликнуться:

– Ну что?

– Ты не свихнулась там? – зарокотал шеф. – Что это за глупости?

– А, привет! – обрадовалась я. – Как дела? Как здоровье?

– А ты все шутишь? Не надоело тебе?

– Надоело!

– Хочешь выйти?

– Нет!

– Что?!

– Не хочу выходить. Тут тихо и спокойно. Где еще я найду такое?

Похоже, он лишился дара речи. После продолжительного молчания до меня донесся сверху неясный шум – может быть, он расспрашивал сторожа.

– А ты там не спятила? – послышался наконец его раздраженный голос.

В ответ я начала оглушительно орать таблицу умножения на семь,

причем делала это на трех языках, в зависимости от того, на каком языке мне легче было произносить очередное слово.

– Замолчи! – пытался он остановить меня. – Да замолчи же! Перестань орать!

Закончив таблицу умножения на семь, я хотела перейти к восьми, но уж очень трудно было орать изо всех сил, и я, отказавшись от этой мысли, снизошла до объяснения:

– Это я доказываю тебе, что не спятила. Но не уверена, что ты способен как следует оценить. Ты-то сам помнишь таблицу умножения?

В ответ слышалась ругань, которую я с удовольствием выслушала. Все говорило о том, что настроение у него не наилучшее.

– У тебя что, неприятности? – добродушно поинтересовалась я.

– Почему ты так думаешь?

– Что-то ты не в настроении!

– Лучше о своих неприятностях подумай. Вижу, что ты еще не созрела. Ну и сиди, раз тебе там хорошо!

Он ушел, и наступила тишина.

Куча камней под дверью понемногу росла. Набросанные как попало, они занимали гораздо больше места, чем тогда, когда были вмурованы в стену. Пожалуй, через какое-то время камни вытеснят меня из камеры. Теперь я стала укладывать их аккуратнее, стараясь в первую очередь как следует завалить дверь. Я сознательно отрезала путь к себе в камеру, да и себя лишала возможности выйти на волю нормальным путем. Теперь для меня не оставалось иного выхода, как только сквозь стену.

Ковыряя крючком мягкий раствор, я благодарила Бога за то, что не сижу в подземелье замка, построенного из гранита или другого твердого камня, скрепленного цементом. А постройки из известняка везде строят одинаково: камень дробят на плоские куски, размером не превышающие двух кирпичей, а иногда и меньше одного. И все замки в округе так построены. Как это не пришло в голову самоуверенному индюку-шефу?

После каждого очередного визита сторожа я проводила черту на стене. Пробив туннель в три метра, я пересчитала черточки и с ужасом обнаружила, что сижу в этом каземате уже двадцать четыре дня! С одной стороны, благодаря постоянной гимнастике я находилась в неплохой форме, с другой – слабела от голода. Счастье еще, что последние годы, желая похудеть, я привыкла ограничивать себя в пище. Вот только чаю хотелось по-страшному! Что же касается мытья, я старалась не думать об этом. Тут меня поддерживал исторический пример Изабеллы Испанской, которая не мылась тринадцать лет, и ничего – жила! Работала я до полного

изнеможения, чтобы потом свалиться на свое ужасное ложе и заснуть, невзирая на промозглую сырость. Пожалуй, ревматизма и колтуна мне все-таки не избежать. А вот цинги я не боялась, так как до прибытия сюда основательно навитаминилась в Бразилии. Как минимум на полгода хватит. Что же касается других болезней, то я очень надеялась, что в этой яме все бактерии давно подохли, как крысы.

Все труднее было оттаскивать вынутые из стены камни. Делала я это с помощью сети из акрила, которая сразу же перестала быть белой. Поначалу проблема транспортировки решалась довольно легко. Усложнилась она по мере удлинения и сужения тоннеля. Кроме того, в нем стало душно – коптилка, необходимая для освещения рабочего места, поглощала кислород, которого и без того было мало.

Возникла и еще одна трудность. Когда я находилась в конце выкопанного коридора, то не слышала того, что делалось в камере. А вдруг они хватятся меня в неурочное время, и если я им не отвечу, могут возникнуть подозрения. Придется провести профилактику – приучить их, что я не всегда откликаюсь.

Я уже выяснила, какое место моей камеры просматривается из отверстия в потолке. Это была ее середина, круг диаметром около полутора метров. Все же остальное пространство камеры оставалось вне поля зрения смотрящего сверху. Установила это я сначала теоретически, путем расчетов, а потом практически, с помощью сторожа.

Профилактику я провела следующим образом. Услышав рев сторожа, я села на камень за пределами центрального круга и стала ждать. Сторож долго орал:

– Ваше королевское величество! Ваше преосвященство! Эй, отзовись! Ты жива? Ну где ты там, черт тебя подери!

Я продолжала молчать, выжидая, чем это кончится, и рискуя не получить еду. Наконец сторож капитулировал и спустил корзинку, хотя и не услышал моего ответа. Подтянув корзину к себе так, чтобы сторожу не было видно, я опорожнила ее. И все это молча.

– Эй, ты! – обрадовался сторож. – Ваше королевское величество, так ты жива? Почему молчишь?

Но я не отозвалась, и он, поорав еще некоторое время, ушел ни с чем.

На следующий день в его голосе уже чувствовалось явное беспокойство.

– Ваше королевское величество, ты жива?

– Нет! – ответила я. – Вчера состоялись мои похороны. Ты был?

Как он обрадовался! Все подземелье заполнило его радостное

хрюканье:

- Да ты что?!
- Как, ты не был на моих похоронах? – возмутилась я.
- Ну да, конечно, не был!
- А почему?
- О Господи, откуда я знаю? Да не было никаких похорон!
- Что ты говоришь?! Эта скотина не устроила мне даже похорон!
- Какая скотина? – заинтересовался совсем сбитый с толку сторож.
- Да шеф твой! Скажешь, не скотина? Довел меня до смерти, а потом

еще и похорон не устраивает.

Черная дыра наверху долго не могла успокоиться.

- С тобой не заскучаешь! А почему ты вчера не отвечала?
- Настроения не было. Я разговариваю тогда, когда хочу, а не тогда, когда мне велят. А чем занимается этот бандит?

Сторож как-то сразу понял, о ком я спрашиваю.

- Нет его! Опять уехал! Послезавтра вернется. А что, надо что-нибудь? Так мы мило побеседовали, и сторож удалился.

На следующий день я опять не пожелала разговаривать. Из отверстия в потолке неслись просьбы, угрозы и ругань, но я была неумолима. Да и работа шла через пень колоду. Мне стало попадаться все больше крупных камней, и я совершенно измучилась с ними. Выволакивая эти громадины, я задавала себе вопрос: долго ли еще прослужит сеть? Мне было совсем не до дружеских бесед.

– Ваше королевское величество! – послышалось на следующий день. – Жива?

– Не называй меня больше величеством! – злобно отозвалась я, еле-еле успев к приходу сторожа, потому что очередной проклятуций камень застрял на полдороге и я с трудом справилась с ним.

– А как надо называть?

– Высокочтимая дама!

– А почему ты, высокочтимая дама, не захотела разговаривать с шефом?

Ага, значит, вчера тут был шеф и они кричали мне, а я была в подкопе и ничего не слышала. Хорошо все-таки, что я провела профилактику.

– Не хотела!

– Шеф был злой как черт, – конфиденциально донеслось сверху. – Велел сказать, что если и сегодня ты не будешь разговаривать, не давать тебе воды.

– Тогда я здесь загнусь от сухости! А почему шеф не пришел сейчас?

– Он сейчас занят. Эй, послушай, не зли его! Добром это не кончится, ты его не знаешь!

– А до сих пор он мне только добро делал! Передай шефу, чтобы не нервировал меня! Хочу – буду говорить, не хочу – не буду!

Все труднее давались мне подземные работы. За последующие пятнадцать дней я продвинулась вперед всего на два метра. Когда же это кончится! И зачем было возводить такие толстые стены? А может, весь холм состоит из каменной кладки?

Сторож привык, что я разговаривала с ним через день, и не предъявлял претензий. Воспользовавшись отсутствием шефа, я потребовала третий светильник, без возражений возвратив первый. У меня скопился уже порядочный запас отсыревших сигарет.

Я продолжала ковыряться в стене, решив не считать дней, пока не пройду стену. Шестой метр дался мне особенно тяжело. Наконец приступила к седьмому. Постепенно мной овладевали отчаяние и апатия. Все вокруг настолько прогнило, что казалось, я сама постепенно перехожу в полужидкое состояние. У меня не хватало сил тщательно расчищать коридор, так что он катастрофически суживался. Теперь я уже работала лежа.

Длинный и большой камень, лежащий поперек кладки, я вытащила с большим трудом. Меньше усилий потребовали два соседних. Расковыряв раствор, вытащила еще два, а потом и третий. Я уже собралась отбросить его за спину, но что-то вдруг привлекло мое внимание. Известняк, как известно, светлый камень, а у этого одна сторона была почти черной. Я рассмотрела его в слабом свете коптилки, попробовала вытереть рукой и замерла: с одной стороны камень был испачкан землей!

С отчаянно забившимся сердцем, стиснув от волнения зубы, я протянула руку в образовавшуюся дыру и не нащупала камней. Рука уперлась в мягкий, влажный грунт!

Первую горсть земли я рассматривала так, как ныряльщик рассматривает найденную им впервые в жизни черную жемчужину. Мне жаль было выпускать ее из рук. Опершись спиной о камни и закрыв глаза, я долго сидела неподвижно, слушая райскую музыку, заполнившую эту черную нору.

И откуда только силы взялись! Я сама не заметила, как повытаскивала остальные камни, отделяющие меня от этой чудесной, мягкой, черной земли.

Вернувшись в камеру, я сосчитала все черточки на стене. Их оказалось шестьдесят три. Больше двух месяцев!

Теперь надо было попытаться привести в порядок взбудораженные чувства и мысли. Дорога к свободе стала реальностью. Сброшена наконец страшная, гнетущая тяжесть неуверенности, с которой я боролась уже остатками сил, боясь себе самой признаться в этом. И вот я пробилась сквозь проклятую стену!

Насладившись радостью, я приступила к разработке конструктивных планов. Еще раз проверила направление и угол подкопа. Тоннель должен был идти вверх под углом – не очень большим, иначе я вылезу на поверхность земли посреди газона во дворе замка, но и не очень маленьким, иначе тоннель пройдет под поверхностным слоем почвы вокруг всего земного шара. Мое главное орудие труда – крючок – для земляных работ оказалось явно не пригодным. Пришла очередь кувшина. Разбивала я его очень осторожно, стараясь получить куски покрупнее и не думать о том, что будет, если в ходе земляных работ я натолкнусь на монолитную скалу.

Новое орудие труда вполне себя оправдало, можно сказать, что кувшин в роли лопаты вполне выдержал экзамен. Я с таким энтузиазмом копала и копала, что опомнилась лишь тогда, когда стала задыхаться. Тут я отдала себе отчет, что, отбрасывая за спину вырытую землю, сама себе рою могилу. Следовало что-то придумать.

На всякий случай я оставила себе и второй кувшин, сообщив сторожу, что тоже разбился. Это разгневало сторожа, и он, как видно, сообщил о случившемся шефу, потому что на следующий день воду мне передали в пластмассовой бутылке. Меня это очень огорчило, ибо перечеркивало надежды на получение черепков в будущем. Оставалось утешаться мыслью, что собака, например, роет землю лапами, почему я не смогу?

Затем решительным воплем я потребовала шефа. Пришлось ждать полдня, что не улучшило моего настроения.

– Послушай! – заорала я, как только он появился. – Я надумала!

– Ну, наконец-то! – радостно отозвался он. – Говори!

– Шиш тебе! Сам знаешь, что я тебе не верю. Ты обещал улучшить мои бытовые условия?

– Получишь все, чего только не пожелаешь. Говори же!

– Я скажу тебе первое слово. Что я получу за первое слово?

– А что бы ты хотела?

– Брезент! Иначе я тут заработаю ревматизм. Если за первое слово я получу брезент, то подумаю, может, и второе скажу. Сначала посмотрю, как поживется тут с брезентом.

– Ладно! – проревел он, подумав немного. – Говори первое слово!

- Сначала брезент.
- Нет, сначала скажи!
- Как бы не так! Или брезент, или катись к черту. Мне уже все равно!

Я настояла на своем. Поздно вечером через отверстие в потолке мне сбросили требуемый брезент, а чтобы быть точной – прорезиненное полотнище из искусственного волокна. Чуть светильник не погасили.

- Ну, теперь говори. Я слушаю!
- Ту-у-у... – диким голосом завывала я.

Вверху оторопело молчали. Потом раздалось недовольное:

- Ты на каком языке говоришь?

Он был прав. Это «ту» в зависимости от языка могло означать совершенно разные вещи. По-английски это могло быть «два» или «to» – предлог. С известной натяжкой могло еще означать и «также». По-датски тоже было бы «два», по-польски «здесь», а по-французски – всевозможные производные от слова «весь». Именно это последнее значение я имела в виду, завывая «ту-у-у», так как именно с этого слова начиналась фраза, произнесенная покойником. Как видите, я поступила честно. Раз обещала сказать первое слово – пожалуйста, вот оно, первое слово. Шефу оно ничего практически не говорит, а моя совесть чиста.

- По-французски, – заорала я в ответ.
- И что это мне дает, черти бы тебя побрали? – в ярости заорал он.
- Покойник сказал целую фразу! – вежливо объяснила я. – Целую нормальную длинную фразу. Я передаю тебе ее с самого начала. И ты еще недоволен?!

Он был в бешенстве, но все-таки, пользуясь несколькими языками, убедился, что имеется в виду действительно «все».

- Надеюсь, что эта тряпка быстро сгниет и тебе понадобится следующая! – крикнул он на прощание и удалился.

«Скорей я тут сгнию», – мрачно подумала я и принялась за работу.

Полотнище было слишком большим. Надо было разрезать его пополам, но чем? Я попробовала зубами, а потом сообразила, что лучше воспользоваться огнем. Я сложила полотнище пополам и осторожно поднесла к огню коптилки, внимательно следя за тем, чтобы искусственная ткань не вспыхнула. Операция заняла много времени, зато прожглось по сгибу неплохо, и у меня оказалось два почти одинаковых куска. Затем я прожгла дыры по углам одного из них, продела в них веревку, сплетенную из остатков акрила, и этим решила транспортную проблему. Можно было продолжать земляные работы.

Я глубоко убеждена, что рабы, возводившие пирамиду Хеопса, не

мучились так, как я. Глиняным черепком я скребла землю и насыпала ее на полотнище, затем с трудом протискивалась через насыпанный курган и волокла полотнище с землей в камеру. При этом приходилось и светильник все время переносить, чтобы не ползти в темноте. В камере я высыпала землю у противоположной стены и тщательно ее утрамбовывала, так как все еще боялась, что она может не поместиться в камере.

Кротовый ход понемногу удлинялся. Теперь я уже не сомневалась, что выйду на свободу, и стала думать над тем, что сделаю потом. В Данию не вернусь, это ясно. Не вызывало сомнения, что меня давно уволили с работы: бросить незаконченные рисунки и исчезнуть – такое поведение нигде не приветствуется, а тем более в этой стране скрупулезно добросовестных и аккуратных работников. Об оставленном там моем имуществе можно не беспокоиться, им займется Алиция. Надо будет связаться с ней.

Все мои мысли о будущем кончались одним – сладостной картиной возвращения на родину. Мысль о Польше, как путеводная звезда, светила мне в конце черного тоннеля. Там был мой дом, моя сухая постель, моя ванна с горячей водой, там была дорогая, ненаглядная и родная польская милиция, все мои родные, и, наконец, там меня ждал Дьявол...

Подумав о своей родной польской милиции, я вспомнила, что оказалась в этих краях с одним паспортом, да и тот шеф у меня отобрал. Во что бы то ни стало надо постараться заполучить его обратно. Не хватает еще по возвращении на родину угодить в тюрьму – пусть даже и польскую.

При мысли о Дьяволе я и вовсе пала духом. Не такие это были мысли, чтобы допускать их в мрачном подземелье, где и без того невыносимо. Уже давно что-то в наших отношениях испортилось, и, говоря честно, моя поездка за границу вызвана была прежде всего желанием уехать от этого человека. А что там в Варшаве сейчас? Его редкие и странные письма еще более усиливали мои сомнения, вместо того чтобы их рассеять. Да, очень изменился этот человек, я совсем перестала его понимать. То мне казалось, что я еще ему дорога, то он делал все, чтобы я окончательно разочаровалась в нем. Странные вещи делал... Порой мне казалось, что то чувство, которое мы испытываем друг к другу, больше всего напоминает ненависть. Я старалась убедить себя, что ошибаюсь, что он меня по-своему любит, что я напридумывала себе, что незачем придавать значение мелочам. А ведь из мелочей уже можно было сложить огромную пирамиду... В голову лезли подозрения, которые я упорно отбрасывала, уж слишком ужасны они были.

Как всякая женщина, в глубине сердца я еще питала надежду. Как бы

мне хотелось, чтобы эти подозрения оказались лишь плодом моего воображения! Особенно хотелось этого сейчас, когда все мои душевные и телесные силы были на исходе. Сейчас мне просто необходима была уверенность, что дома меня ждет не враг, не равнодушный человек, а любящий и любимый, самый близкий, которому я выплачу в жилетку все, что пришлось пережить. А если такого человека нет... При одной мысли об этом у меня опускались руки. Итак, никаких сомнений, никаких подозрений!

Я все больше и больше слабела физически, но бушевавшая во мне ярость не ослабевала. Ярость скребла влажную землю холма и волокла нагруженное полотнище. Ярость разбрасывала вынутую землю по камере и тщательно утрамбовывала ее.

Туннель все удлинялся, а пол в камере поднялся почти на метр. У двери выросла громадная куча камней, засыпанных землей, и такие же кучи появились у остальных двух стен. Еще немного, и я поднимусь вместе с полом к самому отверстию в потолке!

Общение со сторожем я свела к минимуму. Хотя я и научилась уже ползать ловко и быстро, но все-таки этот способ передвижения оставался достаточно неприятным, чтобы лишний раз прибегать к нему, вот я и приучила сторожа, что разговариваю с ним сначала через день, потом через два дня. Приучила и к тому, чтобы он сам вытряхивал из корзинки полагающиеся мне припасы. Объяснила я это тем, что устала и не желаю двинуться с места. И не очень врал. Сначала он не соглашался, потом был вынужден привязать вторую веревку за дно корзинки, чтобы самому переворачивать ее вверх дном и вытряхивать хлеб, бутылку и сигареты. У него, наверное, много было пластмассовых бутылок, так как он разрешал возвращать их оптом.

От сторожа я вытягивала нужные мне сведения о шефе. Он очень часто уезжал, то на один день, а то и надолго. Сторож как-то обронил, что такое длительное пребывание начальства в замке тесно связано со мной, а вот раньше он подолгу здесь не засиживался.

Осколки кувшина совершенно искрошились, и мне пришлось подумать о новом орудии труда. Следовало это так провернуть, чтобы не возникло ни малейших подозрений. Я опять потребовала шефа.

– Ну, что? Соскучилась? – поинтересовался шеф, с трудом докричавшись до меня.

– Хочешь второе слово? – крикнула я в ответ.

– Хочу! А что тебе надо?

– Блюдо из королевского фарфора. Только датское!

– Ты там не спятила?

– Сам спятил! Надоело мне есть на полу, желаю королевскую сервировку! Даешь блюдо – и все тут!

– Блюдо не пролезет! Выдумай что-нибудь другое.

Я испугалась, как бы моя настойчивость в получении блюда не обернулась катастрофой: а вдруг мне его попробуют доставить через дверь? Надо срочно что-то придумать.

– Пролезет! – продолжала я упорствовать. – Ведь мне требуется длинное и узкое блюдо. С красной каемочкой!

И хотя шеф долго еще ругался, называя меня свихнувшейся идиоткой, тем не менее на следующий день в отверстии что-то заскрежетало, и мне осторожно спустили запакованное и перевязанное веревками блюдо.

– Какое маленькое блюдо! – тут же заорала я. – Безобразие! Обман! Ну, так и быть, я скажу тебе второе слово, но ты завтра же пришлешь мне еще одно блюдо. Раз такие маленькие, то давай два! Посмотрим, как ты держишь слово.

Он тут же без колебаний выразил согласие прислать мне второе блюдо, я же прокричала вверх:

– Сложено!

– Что?!

– Сложено! Спрятано! Помещено! Собрано! – вопила я, пользуясь всеми доступными мне языками. – Он сказал – «сложено»!

Мерзкий тип наверху молчал, наверняка пытаюсь справиться с волнением. Похоже было, что я наконец сдаюсь и что третье слово прояснит ситуацию.

– А вместе получается, что он сказал «все сложено», да? – заорал он возбужденно.

– Вот-вот! А где сложено – узнаешь в свое время!

– Очень надеюсь, что ты долго не продержишься! А на какого черта тебе эти блюда? Что ты выдумаешь на следующий раз – золотые вилки?

– Пока не знаю. Подумаю!

– Тогда поспеши! Через неделю я уезжаю! А без меня тебе ничего не дадут!

– Ничего, несколько дней я подожду! Не горит. Тут так приятно сидеть...

– Не «несколько дней», а подольше. Советую тебе подумать еще на этой неделе.

На следующий день я получила второе блюдо. Как видно, он старался меня убедить, что держит слово.

Следует признать, что избранный им метод был правильным. После пребывания в этом подземелье свобода как таковая делалась понятием относительным и отходила на второй план. Воля, неволя – все становилось неважным, Главное – выйти из этой ямы. И кто знает, если бы не мое ослиное упрямство, если бы не эта дикая ярость...

Я мрачно подсчитала, что сижу здесь уже больше трех с половиной месяцев. Хорошо, что я с самого начала вела счет дням, иначе я готова была бы поклясться, что сижу здесь годы. И вообще, не исключено, что я высадилась на скалистом побережье Бретани еще в прошлом веке. Неограниченные просторы Атлантики, солнце и небо – были ли они когда-нибудь? Теперь моим миром была тесная, промозглая, черная яма.

Мерзкий тип так и не дождался моих просьб о милосердии. Он уехал на две недели, как сообщил сторож.

Лежа на животе и опираясь на левый локоть, я вяло ковыряла землю осколком королевского фарфора. Чувствовала я себя прескверно – дошла, как видно, до предела. Может, и в самом деле стоило попросить у шефа золотую вилку? Или сказать ему «сто» и потребовать платиновую ложку – говорят, исключительно твердый металл.

Земляные работы, которые до сих пор шли довольно гладко, вдруг застопорились. Королевский фарфор царапал теперь не землю, а что-то твердое. Я никак не могла понять, что именно – какие-то нити или веревки. Я кляла на чем свет стоит это неожиданное препятствие, как вдруг в моем измученном мозгу, словно молния, сверкнула мысль: ведь это же корни растений!

От волнения я чуть было окончательно не задохнулась в своей тесной дыре и принялась с удвоенной силой терзать корни, стремясь скорее выбраться наружу. Тут мой черепок уперся во что-то твердое и сломался в руках. Расчистив землю вокруг этого препятствия, я поднесла к нему поближе копилку и обнаружила, что это камень. Камень надо мной. Что это может значить? Неужели я уперлась в фундамент крепостной стены? Спокойно, только спокойно!

Ползком добралась я до камеры, вытащив за собой полотнище, нагруженное землей. Собрав пригодные для работы куски блюда, я так же ползком вернулась к страшному камню. Поскребя землю вокруг него, я убедилась, что других камней по соседству нет. Пожалуй, это все-таки не стена.

Не обращая внимания на то, что земля сыплется прямо на меня, я копала и копала обеими руками, как ошалевший терьер, засыпая тоннель за собой и отрезая путь в камеру. Мелькнула мысль, что, прежде чем вылезать

из-под земли, неплохо бы убедиться, что никого нет поблизости. Правда, увидев вылезающее из-под земли страшилище, любой человек в ужасе убежит, но ведь он непременно расскажет об этом. И еще: не следует вылезать днем, надо дожидаться вечера. По многим причинам. В том числе и потому, что мои глаза, привыкшие к сумраку подземелья, могут ослепнуть. Мне удалось совершить сложный акробатический трюк и взглянуть на часы. Было около семи. А что у нас сейчас? Кажется, начало сентября, должно уже стемнеть. Спокойно, только спокойно...

Земля скрипела на зубах, попадала в глаза и нос, сыпалась за воротник платья – если те лохмотья, что были на мне, еще можно было назвать платьем, – а я выдергивала спутанные корни, разрезала их фарфоровым черепком и подсовывала под себя. Копала я рядом с камнем. «А вдруг на нем кто-нибудь сидит», – подумала я и чуть не рассмеялась, невзирая на всю серьезность положения. И еще успела подумать: «Как жаль, что здесь не кладбище», и тут моя рука с черепком выскочила наружу.

У меня хватило соображения сразу же ее отдернуть – торчащая из земли рука не может не обратить на себя внимания, – но совладать с нетерпением было выше моих сил, и, дернув изо всех сил за спутанные корешки трав, я проделала дыру побольше.

Через эту дыру проник воздух. Немного, небольшая струйка, но этого было достаточно, чтобы я буквально захлебнулась им. Только теперь я поняла, в каком смраде пребывала до сих пор!

Медленно и осторожно прорывала я выход на свободу. Вот уже можно просунуть голову в образовавшееся отверстие. Воздух был такой свежий и резкий, что я просто боялась его вдыхать. Потом осторожно раскрыла глаза.

Надо мной было вечернее, темнеющее небо. И звезды. Моего лица касались пахучие травы. Вокруг простирался чудесный, безгранично большой мир, полный свежего воздуха.

Неуклюже выбралась я из ямы и огляделась. На западе небо еще сохраняло краски, излишне яркие, на мой взгляд. К счастью, замок частично заслонял закат. Вокруг не было ни души. Мне здорово повезло, что был вечер.

Целый час, наверное, просидела я в траве рядом с камнем, привыкая к воздуху и пытаясь справиться с головокружением и чувством безграничного торжества. Потом встала.

Я знала, что шефа в замке нет. Я знала, что такой, какая я сейчас, мне нельзя показываться людям. Восстановив в памяти план замка, я двинулась вдоль крепостной стены – я и в самом деле выбралась на поверхность в нескольких метрах от нее. Нет, все-таки удивительно точно я все

рассчитала!

Обойдя замок кругом, я вышла к реке. Здесь был наиболее низкий участок стены, изрядно разрушенной временем, так что перелезть через нее не представляло особого труда. Впрочем, думаю, что теперь для меня уже ничто не представило бы особого труда.

Я перелезла через стену и оказалась во дворе замка. Вокруг по-прежнему не было ни души. В одном из окон горел свет, и оттуда слышалась музыка, но это окно было не в том крыле замка, где помещались апартаменты шефа. А именно в них я намерена была проникнуть. Дверь была заперта. Завернув за угол, чтобы меня загораживала стена дома, я забралась на выступ фундамента и алмазом кольца вырезала кусок оконного стекла. Нажав посильнее, я выдавила стекло внутрь, всунула руку в отверстие и отодвинула задвижку. Через минуту я была уже внутри.

Мне не понадобилось зажигать свет, так как я прекрасно видела в полумраке и очень хорошо помнила, как пройти в кабинет шефа – сколько раз я проходила этот путь мысленно! Я нажала на деталь каминного украшения, книжные полки сдвинулись, и я оказалась в апартаментах шефа.

Я не боялась, что кого-нибудь встречу, что кто-нибудь увидит меня. Я ничего не боялась. Мою душу переполняли торжество и жажда мести. Посередине стола на серебряном блюде лежали красиво уложенные фрукты. Убедившись, что это не бутафория, я съела один банан и один мандарин, огромным усилием воли удержав себя от того, чтобы не сожрать сразу все – с кожурой и косточками. Потом вошла в ванную и тут наконец глянула на себя в зеркало.

То, что я увидела, превзошло самые мрачные мои предположения. По сравнению со мной любой мертвец являл собой воплощение здоровья и красоты. Причем мертвец, похороненный не в гробу, а прямо так, чтобы кладбищенская земля имела к нему свободный доступ. А иначе меня и с мертвецом нельзя было сравнивать.

Нет, подумать только, что я еще чего-то боялась! Да ведь, встретив меня, до смерти бы перепугался даже тигр-людоед!

В апартаментах шефа я сделала много дел. Спокойно, не торопясь выкупалась и вымыла голову, обрезала страшные, наполовину обломанные ногти, выпила рюмочку коньяку, разыскала одежду и переоделась. Одежда состояла из толстого спортивного свитера, джинсов и носков. Труднее всего было подобрать обувь, так как все было слишком велико. В конце концов я выбрала кеды, натолкав в них ваты. Хорошо, что теперь такая мода – эту одежду могли носить лица любого пола. Затем я занялась сейфом.

Нижний камень нажать два раза с левой стороны, раз с правой и опять с левой... Не дай Бог, шеф что-нибудь изменил! Нет, все осталось по-прежнему. Верхний камень выдвинулся, и передо мной предстала дверца сейфа, наполовину скрытая другим камнем. Теперь надо набрать ноль. Отодвинулся и второй камень. А теперь на всю жизнь запомнившиеся мне двадцать восемь сто двадцать один.

Сумка и сетка лежали на месте. На миг теплое чувство согрело мое заледеневшее от ненависти сердце. Мои документы, деньги, мой атлас... На другой полке лежали пачки банкнотов, долларов и франков. Я сгребла все, не считая, – за минувшие три месяца нанесенный мне моральный ущерб значительно возрос и не такого еще требовал возмещения!

На полку, где лежали деньги, я положила жуткие, полусгнившие лохмотья, которые когда-то были моим платьем, и заперла сейф. Потом еще немного поела фруктов, выкурила сухую сигарету и, подумав, подошла к картине, висевшей на стене. Что-то он делал тогда с рамой...

Тщательно обследовав левую часть рамы, я обнаружила небольшую выпуклость и нажала на нее. С тихим шелестом сверху спустилась карта. Открыв свой атлас на странице, где была Испания, я нашла и постаралась запомнить то место в Пиренеях, где семерка пересекается с «Б», как Бернард. Вернув картину в прежнее положение, я решила, что теперь могу удалиться.

На рассвете я добралась до маленькой железнодорожной станции, где изучила схему движения поездов и их расписание. Ближайший поезд отправлялся в Тур, и, видимо, как раз его ожидали люди, по виду рабочие. В свитере и джинсах я не очень выделялась среди них, лицо мое закрывали самые большие очки, какие мне удалось разыскать среди вещей шефа, так что на меня не обращали внимания. Я купила билет и села в поезд.

Прибыв в Тур, я дождалась в вокзальном буфете открытия магазинов и отправилась совершать покупки. Делала я это очень продуманно, в магазине более одной вещи не покупала, причем выбирала магазины самообслуживания или такие, где было много народу. Продавщицы тоже не обращали на меня внимания – они и не такое видали. Переодевалась тоже постепенно, используя для этой цели дамские комнаты магазинов. Обувь я приобрела на распродаже, причем здесь главной была забота не о качестве или удобстве покупаемых туфель, а о том, чтобы никто не заметил моих громадных кед. В заключение я купила чемодан и села в парижский поезд уже как нормально одетая пассажирка.

С той минуты, как я увидела себя в зеркале, мои планы изменились. Вылезая из могилы, я думала лишь о том, чтобы как можно скорее

добраться до Интерпола, рассказать там все и немедленно отбыть в Польшу. Вид собственной посмертной маски заставил меня пересмотреть эти планы. Как-никак, а собственное здоровье и внешний вид меня все-таки волновали. То, что я увидела в зеркале, сразу же навело на мысль о многочисленных болезнях, наверняка притаившихся в моем организме. Впрочем, почему притаившихся? Ревматизм уже явственно давал о себе знать в коленях и в правом плече, каждую минуту ожидала я проявления симптомов и других болезней. Да и вообще, как в таком виде показаться людям на глаза?

Говоря откровенно, было еще одно соображение. Я была убеждена, что Интерпол помешает мне заняться собой. Они наверняка захотят иметь меня под рукой и велят мне остаться в Париже. И дальше. Предположим, я все расскажу, полиция займется сокровищами, шеф узнает и распорядится свернуть мне шею. Найти меня ему будет нетрудно. Конечно, Интерпол мог бы позаботиться о моей безопасности, но единственное надежное место, какое я была в состоянии представить, – это противотанковый бункер в казематах Интерпола, скрытый глубоко в земле. У меня же выработалось прочное отвращение к такого рода помещениям, не говоря уже о том, что пребывание там не скажется благоприятно на моем здоровье.

Да нет, могли бы меня поселить в обычной гостинице и выставить охрану – две дюжины сыщиков. Хотя где они возьмут столько народу? Дадут два-три человека, не больше...

Осенний пейзаж, проплывающий за окнами вагона, исчез, и вместо него я в своем буйном воображении увидела себя спокойно спящей в номере гостиницы. Волосики у меня повылезли, все тело облеплено противоревматическими пластырями, в фарфоровой мисочке на тумбочке лежит искусственная челюсть. В холле дежурит мрачная личность с тупым выражением лица. К ней приближается другая личность – со злобным выражением лица – и сообщает, что прибыла сменить первую. Первая удаляется, а вторая поднимается по лестнице и подходит к двери моего номера. У двери дежурит третья личность. Узнав, что ее пришли сменить, она оживляется и радостно сбегает с лестницы, а злобная личность осматривается по сторонам. Ночь, тишина, все спят, я тоже. Личность вытаскивает из кармана отмычку, бесшумно открывает мою дверь, на цыпочках входит в комнату и приближается к кровати. Я продолжаю спать, хрипя бронхитом. Личность вытягивает из кармана оружие преступления...

Странно еще, что я не сорвалась с места с диким криком. Сердце отчаянно билось. Да, нервы никуда. Еще немного – и меня бы убили. Воображение сработало не до конца – потому, видимо, что я не решила,

каким орудием воспользуется преступник. Но и незавершенной картины было достаточно, чтобы я отказалась от идеи персональной охраны.

Я могла, конечно, наплевать на Интерпол и сразу отправиться в Польшу. И опять включилось мое проклятое воображение.

Я увидела себя на пограничном пункте в Колбаскове. Увидела, как выхожу из автомашины, страшилище в парижской конфекции. Увидела, как ко мне приближается Дьявол, увидела ужас на его лице и отвращение, увидела, как он в страхе шарахается от меня. Потом увидела себя в гостях у моей варшавской приятельницы и то выражение притворного сочувствия и непритворного удовлетворения, с которым она смотрит на меня. Нет, только не это!

На миг промелькнула в моем воображении и такая картина: мать рыдает надо мной, в отчаянии рвет волосы. Но эта картина была уже излишней, мне вполне хватило первых двух, и я решительно отказалась от мысли о немедленном возвращении в Польшу.

Итак, отпадает идея персональной охраны и немедленного возвращения в Польшу. А может, Интерпол все-таки сумеет позаботиться обо мне? Например, поместит меня в какой-нибудь хороший санаторий... Да, поместит, а они подкупят санитарку, уборщицу, сторожа, или проникнут ко мне под видом посетителей, или просто отравят. Найти же меня им будет совсем нетрудно, ведь у них есть свои люди в полиции.

И так плохо, и так не лучше. Я пристально смотрела на пейзаж, мелькающий за окнами вагона, и ничего не видела, а в голове одна мрачная мысль сменялась другой. Пока я не выдала тайну, меня будет разыскивать шеф, и он же будет заботиться о том, чтобы со мной ничего плохого не случилось. Как только я выдам тайну, заботиться обо мне станет Интерпол – а я представляю, какая это будет забота! – шеф же постарается стереть меня с лица земли. Значит, сохранить жизнь и свободу действий я могу только в том случае, если никому ничего не скажу.

Что же следует мне предпринять в таком случае? Первым делом – раздобыть в Париже фальшивые документы и стать француженкой. А для восстановления сил отправиться в Таормину. Очень может быть, что все мои сомнения, колебания, опасения объяснялись именно этим – убедить себя в совершенной необходимости выезда в Таормину. Еще в темнице зародилась у меня непреодолимая тоска по морю, солнцу, кактусам, таким, какими я их видела с балкона гостиницы «Минерва» в Таормине – лучшем курорте мира!

Мысль о земле обетованной вытеснила из моей головы все остальные, и я пришла в себя только на площади Республики, откуда собиралась

свернуть на улицу Де Ля Дуан, чтобы снять номер в хорошо знакомой мне маленькой гостинице. Надо же, чуть было не совершила непростительную глупость! Ведь в этой гостинице я останавливалась всего несколько месяцев назад и дала портье такие большие чаевые – у меня не было мелочи, – что меня там наверняка запомнили. И запомнили полькой, а теперь я собиралась выдать себя за француженку.

Я посмотрела на часы – самое рабочее время. Был в Париже один человек, к которому я без колебаний могла обратиться за помощью в любой момент. Мой старый испытанный друг.

Зайдя в маленькое бистро, в котором я еще так недавно – а кажется, сотни лет назад! – ела пиццу по-неаполитански, я подошла к телефону и набрала номер. Его могло не быть в Париже, у него мог измениться телефон, он мог сменить работу – ведь мы не виделись семь лет.

– Привет! – по-польски сказала я, когда он снял трубку. – Сколько лет, сколько зим! Нельзя два раза войти в одну и ту же реку.

Он молчал, потеряв, как видно, дар речи, что и требовалось. Люблю сюрпризы!

– О Боже! – с волнением и радостью наконец отозвался он. – Это ты? Это и в самом деле ты?

– Ага. И опять пришла пора, когда мне надо с тобой немедленно увидеться. Похоже, что ты опять спасешь мне жизнь.

– С удовольствием. А где ты находишься?

– В бистро на площади Республики. Буду ждать тебя за памятником.

– Хорошо, через пятнадцать минут я там буду.

Чемодан мне очень мешал. Надо было оставить его в камере хранения, а теперь я не знала, что с ним делать. Наверняка он привлекал внимание, а для привлечения внимания вполне достаточно изжелта-зеленого цвета моего лица. Ну да ладно, ничего не поделаешь. Я ждала, внимательно рассматривая не представляющую никакого интереса заднюю часть памятника. Белая «ланчия» притормозила около меня, и я села на ходу.

– На меня лучше не смотреть, – со вздохом посоветовала я. – Мне бы не хотелось, чтобы в твоей душе запечатлелся именно таким мой образ. Обычно я выгляжу несколько лучше. Очков не сниму ни за какие соколовища. Объяснять тебе ничего не буду. Ты ничего обо мне не знаешь, не видел меня семь лет и не видишь теперь.

– Если бы ты действительно не выглядела несколько необычно, я бы сказал, что ты ничуть не изменилась, – с удовлетворением констатировал мой друг. – Ты что, восстала из гроба?

– Ты почти угадал.

– И что тебе нужно?

– Фальшивые документы. Французские. Достаточно хорошие, чтобы можно было с ними пересечь итальянскую границу. Очень срочно, цена не имеет значения.

Он молчал, протискиваясь сквозь уличную пробку, потом, тяжело вздохнув, произнес:

– Хорошо, что я давно тебя знаю и успел привыкнуть к твоим сюрпризам. Хорошо, что я не потерял связи с одним моим знакомым, который, увы, в последнее время пошел по плохому пути. Кажется, он фабрикует как раз то, что тебе нужно. А ты уверена, что именно это тебе нужно?

– Совершенно уверена. Впрочем, достаточно взглянуть на меня.

– Ведь ты хотела, чтобы я не смотрел!

– Можешь разок взглянуть, чтобы убедиться. Но постарайся сразу позабыть то, что увидишь.

Он посмотрел на меня и покачал головой:

– В свое время я принял решение не удивляться ничему, что бы с тобой ни произошло, но ты обладаешь поистине удивительным талантом! Семь лет о тебе ни слуху ни духу, потом сваливаешься как снег на голову, и, оказывается, единственное, чего тебе не хватает для счастья, так это фальшивых документов. Куда ты едешь сейчас?

– Понятия не имею. В какую-нибудь гостиницу, где у меня не потребуют документов. Могу тебе сказать, что никакого преступления я не совершила, – это для ясности. Такие обычные вещи не для меня, я выдумала кое-что поинтереснее.

– Понятно, ты всегда отличалась оригинальностью. Я рад, что ты не изменилась.

Да, я могла на него положиться. Всякий другой на его месте начал бы изумляться, возмущаться, сомневаться, задавал бы вопросы. Он, единственный во всем мире, вел себя так, как я и ожидала.

Прошло три дня. В моем активе были: парикмахер, косметичка, сорок два часа сна, два сеанса облучения кварцевой лампой и оргия покупок у Лафайета. Звали меня Мари Гибуа, и было мне двадцать восемь лет. Когда я знакомясь со своим паспортом, это последнее обстоятельство шокировало меня.

– Ты сошел с ума. Все хорошо, но возраст... Ведь я же попадусь на этом.

– А что я мог сделать? Других документов не было. Впрочем, насколько я тебя знаю, ты быстро подладишься к документам. Не хочу тебя

расспрашивать, но, похоже, тебе здорово досталось. А ты всегда молодеда после переживаний. Если и дальше пойдет такими темпами как за эти три дня...

– Пожалуй, я все-таки тебе кое-что скажу, – задумчиво проговорила я. – Посоветуешь, как мне быть.

– Не скрою, мне страшно хочется знать, что ты на этот раз отколола, – ответил он. – Но я не настаиваю, можешь и не говорить. Разве что я тебе смогу в чем-то помочь.

– Ты мне уже помог. Но можешь помочь еще. Дело в том, что мне надо отправиться в Интерпол и все рассказать. Сейчас я понимаю, что мне надо было отправиться туда в первый же день, вместо того чтобы звонить тебе. А теперь я боюсь.

– Чего ты боишься? Что тебя отругают за опоздание?

– Да нет, они будут счастливы, если я приду к ним и через полгода. Но понимаешь, меня разыскивают одни очень нехорошие люди. Три дня назад они еще не знали, где я, а теперь наверняка все поняли. Они уверены, что я отправлюсь в Интерпол, и если не перехватят меня по дороге, то нападут на мой след и пристукнут где-нибудь в другом месте. Так что если бы я сейчас отправилась в Интерпол, то уже должна была бы там остаться. А мне жутко этого не хочется, мне хочется в Италию. Однако, с другой стороны, следовало бы пойти к ним и все рассказать.

– Так позвони, – предложил он, подумав. – Пусть кто-нибудь от них придет к тебе.

Я тоже подумала, и мое услужливое воображение тут же подсуло мне картину: незнакомый гражданин, выдающий себя за представителя Интерпола, с восторгом выслушивает мое сообщение, а потом вынимает острый кинжал и вонзает его мне в грудную клетку. После чего спокойно покидает гостиницу.

– Ну нет, – мрачно ответила я. – Если выбирать из двух зол – лучше я сама к ним пойду. Я до того дошла, что в каждом вижу бандита. Прошу тебя, если можешь и если знаешь, где этот Интерпол помещается, поезжай туда и посмотри, нет ли поблизости чего подозрительного.

– Хорошо, я могу проехать там, хотя и не представляю себе, как должно выглядеть что-то подозрительное.

Из отчета, сделанного мне на следующий день, я поняла, что там подозрительно абсолютно все. Автомшины, стоящие поблизости, могли поджидать меня. Прохаживающийся перед зданием полицейский мог быть подкуплен гангстерами. Люди всех возрастов, сидящие на расположенных поблизости скамейках и тумбах, могли быть людьми шефа. Проходящий

мимо кюре под зонтиком мог быть переодетым бандитом.

– Чтоб их черти взяли, – с досадой проговорила я. – В конце концов, я могла бы пойти туда и остаться там, если бы не настоятельная необходимость лечиться от ревматизма и авитаминоза. И вообще, если я сейчас не приду в себя, то не приду никогда. А пока можно я оставлю у тебя кое-что из моих вещей?

Утром я села в самолет, отправляющийся в Катанию.

Тем временем в покинутом мной замке развернулись очень интересные события.

– Высокоchtимая дама! – ревел сторож в отверстие в потолке. – Эй, ты, отзовись! Ты жива?

Снизу никто не отзывался. Как видно, я опять была не в духе и не хотела отвечать. Сердито ворча, сторож спустил корзину, вывалил ее содержимое, вытащил пустую корзину обратно и удалился.

На следующий день он ревел дольше и громче, но я по-прежнему не отзывалась. Он попытался рассмотреть, что делается внизу. Там царил непроглядная тьма. Может, я потому была не в настроении, что моя коптилка погасла? Правда, у меня были спички, но они могли отсыреть.

– Эй, ты! – завопил сторож. – Высокоchtимая дама! Я дам тебе новый светильник!

Внизу царил мертвая тишина. Сторож опорожнил корзинку и отправился за новым светильником. Он зажег его, перевязал веревками и спустил вниз. То, что он увидел в подzemелье при свете коптилки, испугало его: как вчерашние, так и сегодняшние продукты лежали нетронутыми.

– Высокоchtимая дама! – Встревоженный, он ревел, как раненый буйвол. – Ты что, померла?

Никто не отзывался. Сторож запаниковал.

– Да откликнись же! Ваше королевское величество! Ваше преосвященство! Высокоchtимая дама! Скажи что-нибудь! Обещаю тебе, что пойду на твои похороны! Не получишь больше пищи! Да скажи хотя бы, жива ты или нет?!

Ответом на все эти призывы было молчание. Сторож страшно встревожился. Правда, и раньше случалось, что я не отвечала по нескольку дней, но на всякий случай он решил доложить начальству. Поставленный в известность один из сотрудников шефа не стал себя затруднять и спустаться в подвал, а сразу отбил телеграмму начальству.

Шеф и сопровождающие его лица прибыли на следующий день, и шеф, полный самых мрачных предчувствий, сразу помчался вниз. Неужели я настояла на своем и назо ему сдохла? Может, все-таки он немного

переборщил с этими своими условиями...

Лежа на каменном своде, они оба со сторожем орали, ревели, кричали, угрожали и упрасивали. Никакого ответа. Шеф велел принести сильную электрическую лампочку на очень длинной проволоке, спустил ее вниз и внимательно осмотрел подземелье.

Ему показалось, что там очень много земли. Как ни старался, он не мог припомнить, была ли там уже эта земля, когда меня туда посадили, или там были голые камни. А если камни, то откуда могла взяться земля? Не превратилась же я в нее, в самом деле?

– Не понимаю, – пробормотал он, чем доставил большое удовольствие стоящему рядом патлатому.

Этому последнему здорово влетело за мой побег из Бразилии. «Так-то. Ты думал, что легко ее устеречь! Убедился теперь?»

Шеф, однако, быстро взял себя в руки, нахмурил брови, задумался, а затем коротко бросил:

– Войти через дверь!

Три бугая спустились по неудобной винтовой лестнке и навалились на дверь моей темницы. Дверь даже не шелохнулась. Кооптировали четвертого, но и четвертый не помог. Трепеща от страха, они вернулись ни с чем. Самый храбрый из них доложил:

– Дверь не поддается.

Ожидаящий вестей шеф посмотрел на них так, что им стало нехорошо.

– Я сказал: войти через дверь. Ведь так? – спросил он тихо и почти ласково.

Эти слова, как видно, вдохновили четырех бугаев. Понимая, что им лучше не возвращаться наверх, если они не откроют дверь, пыхтя и сопя, они так навалились на нее, что та со страшным скрежетом приоткрылась сантиметра на два. То, что они увидели в щель при свете своих фонарей, заставило их, однако, опять подняться к шефу.

– Шеф, – сказали они и приготовились отскочить на безопасное расстояние. – Шеф, за той дверью что-то странное. Вроде бы каменная стена...

Рука шефа дернулась за огнестрельным оружием, и бугаи кинулись врассыпную. Начальство, однако, сдержало себя и лично отправилось посмотреть, в чем дело. В щель можно было рассмотреть камни, наваленные до самого потолка. Все это было более чем странно и очень подозрительно. Что я там устроила, черт побери?

Шеф коротко бросил:

- Тротил.
- Башня обрушится, – осмелился возразить патлатый.
- Не обрушится, взрывать осторожно.

Он поднялся к себе в апартаменты, а из подземелья стали доноситься глухие взрывы. И тут его как что-то кольнуло. Оставив патлатого у столика с напитками, шеф подошел к стене и открыл сейф. Он увидел там на полке отвратительные лохмотья и сразу все понял.

– Но как же она сбежала, хотел бы я знать? Как это ей удалось, сто тысяч чертей?!

– Прорыла подземный ход, – ни секунды не колеблясь, ответил патлатый.

Шеф в бешенстве взглянул на него.

– У тебя не все дома? Как она могла это сделать? Там ведь каменные стены, а она обыкновенная женщина, а не буровой механизм.

– Она не обыкновенная женщина, – пояснил патлатый. – Она невменяемая психопатка, а такие способны на все.

Прочесав местность вокруг замка, обнаружили дыру, через которую я вылезла. Удалось проникнуть и в камеру, по кусочку взорвав дверь и гору камней.

Шеф пошевелил мозгами и созвал прислугу, велел им определить, чего не хватает в его гардеробе. Прислуга вылезла из кожи вон, но определила. На мои поиски ринулись полчища людей. Велено было искать труп неопределенного пола, одетый в джинсы, кеды и свитер, в темных очках. Кому-то удалось установить, что действительно похожий труп, отдаленно напоминающий женщину, ехал в Туре утренним поездом. В Туре официантка вокзального ресторана вспомнила, что нечто подобное сидело утром за столом и завтракало. И это все.

Никто не видел, чтобы труп уезжал из Тура, никто не видел его и в городе. Мой метод делать покупки оправдал себя. Итак, я добралась до Тура, и тут мой след потеряли.

В Таормине на каждом шагу попадались группы датских и шведских туристов, но я решила быть последовательной и выбросила из головы всякую мысль о том, чтобы через какого-нибудь датчанина переслать Алиции весточку о себе. Никаких рискованных шагов! Меня нет, и все.

Гостиница «Минерва» стояла на горе, и вождеденный вид с балкона вдохнул в меня новую жизнь. Под балконом росла пальма, к которой я питала особенно нежные чувства. Дело в том, что это была первая пальма в моей жизни. Когда я несколько лет назад в первый раз приехала в Таормину, то сразу же в первый вечер пробралась к пальме и, убедившись,

что меня никто не видит, пощупала ее – настоящая ли она.

Интенсивные усилия, направленные на регенерацию, дали блестящие результаты. Поглощаемые тоннами фрукты, море, солнце и свежий воздух совершили чудо. Я знала, что очень быстро прихожу в норму, но никогда не думала, что возможны такие темпы. За две недели я сбросила пятнадцать лет, и эксгумированный труп исчез в туманной дали.

Я вдруг стала пользоваться бешеным успехом, что весьма положительно сказывалось на моем общем самочувствии. Тот факт, что за мной напропалую ухаживали туземцы, еще ни о чем не говорил. Местные жители высоко держали знамя национального темперамента, автоматически приставая ко всем туристкам подряд, независимо от возраста и внешнего вида последних. Но когда один из местных поклонников, пригласив меня в ресторан, заявил, что он сам заплатит за меня, причем эти кощунственные слова он выдал из себя с величайшим усилием, я в полной мере оценила его самоотверженность и, отказывая, тем не менее не скрывала чувства признательности и искренней симпатии.

Кроме туземцев, вокруг меня увивался один швед, будучи уверен, что тем самым убивает двух зайцев. Второй заяц – возможность поупражняться во французском языке. Был он парень что надо, если бы не два недостатка: лицо его все время лоснилось по какой-то непонятной причине, а прическа была такая, как будто его корова языком вылизала.

Вышеупомянутые причины не позволяли мне ответить на его чувства.

Роскошное изо дня в день безделье полностью успокоило мои расшатанные нервы. Сидя в шезлонге на солнечном пляже и наслаждаясь яркой синью моря и неба, я уже никак не могла понять, почему еще так недавно меня терзали тревоги и сомнения. Яснее ясного, что мне следовало сделать именно то, что я сделала: заняться в первую очередь своим здоровьем. Интерпол может подождать, ничего с ним не случится. Может, мне и следовало бы заглянуть туда, наверняка подозрительные моменты были лишь плодом моего воображения. Но, пожалуй, лучше, что я не пошла. Вряд ли мое здоровье могло составлять предмет забот Интерпола.

В Пиренеях лежит сокровище. И пусть лежит. Через неделю-другую вернусь в Париж и все им расскажу. Тем временем шеф наверняка потеряет мой след, ведь не всемогущ же он, в самом деле. Я его явно переоценила и поддалась мании преследования. Пока меня будут искать, я уж доберусь до Варшавы, а они тут пусть сами разбираются.

Хотя, с другой стороны... Может, следовало бы мне самой заняться их кладом? Извлечь его и перепрятать, а потом хорошенько подумать, какое применение ему найти. Сделать благородный жест и передать его

французскому правительству? Или еще более благородный – переслать в Польшу и поставить условие, чтобы его использовали на жилищное строительство? А можно и не проявлять благородства и положить все деньги в один из швейцарских банков, хватило бы на путешествия по свету и другие мелочи...

Я вылезла из чудесного темно-синего теплого супа, который зовется Ионическим морем, и улеглась на лежаке. От шведа я избавилась, убедив его пойти обедать без меня, заказала себе кофе и мороженое и, лежа, лениво наблюдала за ныряющим у скал одним из моих знакомых. Этот человек даже среди итальянцев был исключением. Его бьющих через край темперамента и энергии хватило бы на несколько двадцатилетних юношей, а ведь ему уже было около пятидесяти. Он ни на минуту не оставался в покое: если не плавал, то бегал, занимался гимнастикой, греблей, помогал вытаскивать на песок лодки. Плавая, он распевал оперные арии и хохотал во всю глотку. При нем вы чувствовали себя свободными от необходимости чем-либо заниматься. Он работал за всех.

За две недели пребывания в Таормине я значительно продвинулась в итальянском языке и без труда объяснялась с этим выдающимся макаронником. Вот и сейчас, закрыв глаза и предаваясь сладкому ничегонеделанию, я с удовольствием слушала доносящиеся до меня его выкрики, пение, смех и свист. Смех приблизился – итальянец, похоже, вышел из воды. Вдруг прямо надо мной раздался крик:

– Stella di Mare!

Я замерла. Моментально улетучилось мое беззаботное спокойствие. Холодная дрожь пробежала по спине. Как парализованная, я была не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой и даже открыть глаза. Проклятая «Морская звезда»! Все-таки разнюхали, сволочи, нашли меня!

– Синьорина! Морская звезда! Специально для вас!

Я осторожно открыла глаза. Море было пустое, никакой яхты. Проклятый итальянец стоял надо мной, скаля великолепные зубы, а у моих ног на гальке лежала необыкновенной красоты пурпурная морская звезда.

Только тут я наконец пришла в себя. Наклонившись, я взяла в руки морскую звезду. Та пошевелила щупальцами, и я с отчаянным криком выронила ее на гальку. Это была огромная и необыкновенно красивая морская звезда, но я, не испытывавшая ни малейшего страха перед жабами, мышами и крысами, ужасно боялась всего того, что извивается. Не рискуя еще раз прикоснуться к ней, я попыталась словами выразить свое огромное восхищение этим даром моря.

– Вы можете съесть ее на ужин! – с энтузиазмом воскликнул

итальянец, радостно бегая вокруг моего лежака.

Честно говоря, я не выношу всех этих пресловутых даров моря. Не могу видеть живых угрей. Сама мысль о том, что можно съесть осьминога, вызывает у меня тошноту. А тут мне предлагают съесть эту пакость!

Видимо, все эти чувства были написаны на моем лице, потому что какой-то мужчина, сидящий в шезлонге недалеко от нас, разразился смехом. Я укоризненно посмотрела на него и, не желая обидеть хорошего человека, постаралась выразить переполнявшую меня благодарность.

– Ну что вы! – возмутилась я. – Съесть такую красоту!

– Ну так засушите ее! – немедленно внес конструктивное предложение неунывающий итальянец, от избытка энергии принимаясь еще и размахивать руками. – Положите ее на балконе, на солнце, завтра будет готова.

– А она не выгорит? – спросила я. Ее насыщенный пурпурный цвет просто горел на солнце, жаль, если она побледнеет. Все сухие звезды, которые мне приходилось видеть, были какие-то бледные.

– Немного, может, и побледнеет.

– А вы попробуйте сушить ее в тени, – посоветовал мужчина, который смеялся.

– Нет, в тени нельзя, в тени не высохнет, – возразил макаронник и убежал.

Я взглянула на того, кто дал совет. Передо мной сидел мужчина моей мечты.

Существует тип мужчин, который мне нравится больше всего и который до сих пор не встречался на моем жизненном пути. То есть встречать-то я их встречала, но познакомиться ближе не удавалось. Даже не знаю почему. Они были в моем вкусе, а я, видимо, не в их. Что ж, о вкусах, как говорится, не спорят.

И вот теперь именно такой мужчина сидел в шезлонге и с симпатией смотрел на меня. У него было красивое загорелое, очень мужественное лицо, голубые веселые глаза и коротко стриженные светлые волосы. Ну, ясное дело, блондин.

Привыкшая к тому, что у таких мужчин я не пользуюсь успехом, я не сделала попытки пококетничать, даже не бросила в его сторону долгого привлекающего взгляда. Не следует требовать от судьбы слишком многого. Достаточно того, что он просто есть здесь.

Два таких потрясения сразу – это слишком много для моих только что отремонтированных нервов. Морская звезда и мужчина моей мечты... Крик макаронника спугнул мое прозрачное спокойствие, и в памяти опять возник

только что пережитый кошмар: пугающе безграничный простор Атлантики и излишне ограниченное пространство темницы, страшные океанские глубины и промозглый сумрак подземелья. Всю жизнь любила я контрасты, и вот судьба как бы в насмешку так жестоко предоставила мне их в изобилии.

Немного придя в себя после потрясения № 1 и убедившись, что окружающая реальность ничем не напоминает пережитого кошмара, я перешла к потрясению № 2. Но тут, как назло, появился швед, его блестящее красное лицо и глупая блаженная улыбка. Блондин моей мечты поднялся с шезлонга и пошел купаться.

В этот вечер я сидела за чашкой кофе в небольшом баре над обрывом, у самой балюстрады, и любовалась открывающимся отсюда видом на Таормину. Светила полная луна – золотая, какая бывает только здесь. В жизни мне довелось видеть много полных лун в разных местах земного шара, и я со всей ответственностью могу утверждать, что такой, как здесь, нет нигде. Далеко внизу время от времени тихо вздыхало море и я вздыхала вместе с ним.

Шведа я спланировала еще до ужина, потому что уже больше не могла видеть его красной лоснящейся физиономии и прилизанных волос. А сейчас почти жалела об этом: так неестественно было сидеть здесь одной под этой золотой луной, среди пальм и кактусов. На минуту я даже пожалела, что рядом со мной нет Дьявола. Вот сидел бы он тут, за столиком, над своей чашкой кофе...

И воображение заработало. Сначала бы он зевнул. Потом на мое замечание о луне ответил бы, что не может обернуться, чтобы посмотреть на нее, так как сжег на солнце шею и она теперь болит. И тут же обернулся бы, чтобы посмотреть на проходившую мимо девушку. Я, как всякая женщина, ждала бы от него ласкового слова или улыбки, а он бы закрыл глаза и сделал вид, что засыпает. То есть было бы так, как было всегда и везде в последние три года. Потом во мне исподволь начали бы подниматься раздражение и злость, и выросли бы они в этом климате поистине до соответствующих размеров. И я бы разбила об его голову его чашку кофе... Впрочем, может, и не разбила бы, а продолжала сидеть, и сердце грызла бы змея, и луна бы уже не блестела, а в шуме моря слышалась бы издевка и немного сочувствия, и вообще ничего не осталось бы от очарования Таормины. Нет, все-таки лучше, что Дьявола здесь нет.

Этими невеселыми размышлениями я могла позволить себе заняться теперь, когда находилась в этом чудном городе. В темнице я гнала прочь такие мысли. Когда же все-таки наступили изменения в наших

отношениях? Да почти три года назад, когда он сменил работу. Денег ему захотелось. Что ж, чисто по-человечески его можно понять. Денег требовалось все больше и больше. Он хотел брать от жизни все, что можно. Тоже могу понять, я сама никогда не испытывала склонности к аскетизму. Но с этим своим стремлением наслаждаться жизнью он явно переборщил. Он добивался своего с какой-то эгоистической жестокостью, ни с кем и ни с кем не считаясь, а уж меньше всего со мной. Меня он только использовал в своих целях, действуя при этом даже не как жестокий повелитель, что еще как-то можно было вытерпеть, но как капризная примадонна, что уже было совершенно невыносимо. Интересно, таков ли он был и по отношению к своим многочисленным увлечениям? Эти последние он уже не скрывал – может, не считал нужным, а может, их просто стало так много, что уже и скрыть было нельзя?

Станный он все-таки человек. В конце концов, ничего удивительного, что я ему надоела. Удивительное заключалось в том, что он не уходил от меня. Ему ничто не мешало: детей у нас не было, женаты мы не были, навязываться ему я бы не стала. Он, однако, оставался со мной – чужой, скушающий и злобный. Он отравлял мне жизнь, губительно действовал на мои нервы и здоровье, и мне казалось, что этот человек меня ненавидит – не знаю, за что, но именно поэтому не может со мной расстаться.

Три года уже продолжался этот ад, а я еще на что-то надеялась. Временами мне казалось, что все еще может измениться к лучшему, что я ему все-таки нужна, раз он не уходит от меня.

Глядя на эту золотую луну, слушая это ласково шепчущее море, я все вспоминала и вспоминала и ничего приятного не могла вспомнить.

– Такая женщина, как вы, не должна сидеть одна в этот чудный вечер! – произнес вдруг чей-то голос.

Точно к такому выводу я только что пришла и сама. Повернув голову, я увидела того самого незнакомца с пляжа.

– Хотите вы или нет, а я все равно останусь здесь, – продолжал он и сел. – Такая женщина в такой вечер должна слушать комплименты. Все равно чьи. Что вы сделали с морской звездой?

– Звезда лежит на балконе и сохнет, – ответила я и добавила – Вы можете неразборчиво представиться.

– Почему неразборчиво?

– А тогда и волк будет сыт, и овца цела. Может, вы не любите знакомиться со всеми дамами, которых встречаете на пляже. Если же вы представитесь неразборчиво, я не узнаю вашей фамилии, приличия, однако, будут соблюдены.

Он рассмеялся, встал и представился. Я тоже, вспомнив в последний момент, что меня зовут Мари Гибуа. Маникюр у меня был свежий, нос не блестел, ветра не было, поэтому прическа моя еще не растрепалась, так что все было в порядке. Беседа текла как горный ручеек.

– Долго вы еще пробудете здесь? – поинтересовался он, прерывая восторги по поводу природы в лунном свете.

– Не знаю. Неделью или две.

– Надо же, как мне не повезло! Только приехал и тут же встретил вас. Очень некстати!

– Ну вот! – возмутилась я. – Ведь вы собирались делать мне комплименты!

– Так ведь это и есть грандиозный комплимент, – со вздохом произнес он. – Мне потребуется здесь полная свобода и ясная голова, а я уже знаю, что вы меня поглотите целиком.

– И не думаю! – решительно и неискренне запротестовала я.

– Зато я думаю так, – отпарировал он. – Я еще надеялся, что вы окажетесь обычной красивой глупышкой, с которой не о чем разговаривать, а вы оказались...

– ...отталкивающей интеллектуалкой, с которой можно только разговаривать, – услужливо подсказала я.

Он прервал меня:

– Ну, это уж слишком. Не выношу провокаций! Пошли танцевать!

И мы пошли танцевать. И потом гуляли. Как известно, луна движется по небу. Поздно ночью ее лучше всего было видно из запущенного, совершенно безлюдного уголка парка, заросшего роскошной растительностью.

О чудо! После стольких переживаний вновь почувствовать себя женщиной! Кем я только не была в последнее время: главой семьи, государственным служащим, матерью и, наконец, самым настоящим загнанным зверем, которого преследуют охотники. И опять стать просто женщиной! А тут еще луна, море и рядом мужчина моей мечты... Будь что будет, пусть даже завтра при свете дня он убежит от меня с криком ужаса.

Не следующий день я не могла определить, убегает ли он от меня с криком ужаса, поскольку его просто нигде не было видно. Может, он просто сбежал профилактически, не желая рисковать, встретясь со мной при свете дня, но и это не испортило мне настроения. Надо быть благодарной судьбе и за малое. Я не только не обижалась на него, но даже и к шведу отнеслась более благосклонно и согласилась после ужина отправиться с ним в турне по местным значным местам. Правда, это ничем

хорошим не кончилось, так как швед очень быстро упился, и мне пришлось спасаться от него бегством.

Не зажигая света, я вышла на балкон и долго любовалась открывающимся отсюда видом: слева – Монте-Кастелло, прямо – море и скалы, справа – панорама побережья. Жаль, что нельзя было увидеть Этну, для этого мне пришлось бы залезть на крышу. Потом я посмотрела вниз, на свою подругу пальму.

Под пальмой кто-то стоял. Я испугалась, что это швед и что он опять примется громко выражать свои чувства, разбудит всю гостиницу и соседние дома и окончательно меня скомпрометирует. Я уже готова была скрыться в комнате, как вдруг сообразила, что на виднеющихся в сумраке очертаниях головы отсутствуют последствия деятельности коровьего языка. Я присмотрелась внимательней – это был он, блондин моей мечты!

Я была тронута. Если бы еще у него был плащ на плечах, кинжал в зубах и гитара в руках! Правда, наверное, очень трудно петь, держа кинжал в зубах, но, в конце концов, это не важно. Пусть не поет, пусть только стоит. Сколько лет уже никто не стоял под моим окном! Впрочем, тут же подумала я, где было стоять-то? На одной из центральных улиц Варшавы?

Долго в молчании стояли мы так – он под пальмой, а я на балконе. Первой не выдержала я: устали ноги и разболелась поясница. На минутку вошла в комнату, чтобы взять стул, и успела увидеть, как он удаляется.

Несколько прозаичный финал романтической сцены.

Зато на следующий день я стала объектом самых горячих чувств. Мало того. Блондин настоятельно уговаривал меня поехать с ним в путешествие по Сицилии, уверяя, что без меня чудесные пейзажи потеряют все свое очарование. Я согласилась.

Мы побывали и в тех местах, где я уже бывала раньше, и в совершенно новых для меня, посетили Палермо, Катанию, Сиракузы, а Монте-Кастелло я могла бы нарисовать по памяти. Страсть к туризму, овладевшая моим спутником, вполне отвечала моим вкусам. К тому же так приятно было чувствовать себя слабой женщиной, находящейся под защитой сильного мужчины. Не понятно, правда, что он во мне нашел, хотя взгляд в зеркало еще раз подтвердил, что Таормина всегда хорошо сказывалась на моих внешних данных.

Наша безмятежная идиллия была нарушена в самом неподходящем месте и в самый неподходящий момент. Мы находились в Лазурном гроте. Сидя в качающейся лодке, я в который уже раз смотрела и не могла насмотреться на лазурное чудо, не в силах поверить, что вижу это наяву. Потом я взглянула на Аполлона Бельведерского, сидевшего на веслах, и,

поскольку всегда отличалась особой впечатлительностью при восприятии прекрасного, у меня защемило сердце. Он молчал, кому-то надо было внести элемент поэзии, и это сделала я.

– Твои глаза, – заявила я, хотя и несколько возвышенно, но совершенно искренне, – совсем как эти голубые отблески на скалах. – И, будучи не в силах удержаться, добавила – Как жаль, что ты не настоящий...

Задумчиво рассматривающий лазурные воды Аполлон так резко повернулся ко мне, что лодка чуть не опрокинулась:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Осторожно, я не умею плавать!

– Ничего, я умею. Что значит – не настоящий?

Я не сразу ответила. Не так-то просто было ему объяснить это.

– Ну, не знаю. Ты не можешь быть настоящим, потому что никак не вписываешься в мою настоящую жизнь. Ты – как хеппи-энд в фильме из жизни высшего общества. Потом на экране появляется надпись «конец», и надо идти домой.

Я тут же пожалела о сказанном, хотя это и была чистая правда.

Он пристально посмотрел на меня и тихо спросил:

– А какая она, эта твоя настоящая жизнь?

Ну, не могла же я и в самом деле сказать ему, что моя настоящая жизнь находится очень далеко отсюда, на севере, где луна бывает серебряной, а не золотой, где море серо-зеленое и холодное, а в моем городе ходят трамваи, переполненные спешащими на работу людьми, и выстраиваются очереди за лимонами. В городе, где жизнь кипит, а тридцать пять лет назад были одни развалины. Нет, ничего этого я не могла ему сказать и только молча смотрела на прозрачную синюю воду.

– Ты мне ничего не рассказываешь о себе, – продолжал он. – Я ничего о тебе не знаю. Кто ты? Где живешь?

Мне всегда хотелось быть таинственной натурой, и вот раз в жизни получилось. И, как всегда бывает, некстати. Проблеск здравого смысла, воплотившегося в очереди за лимонами, заставил меня воздержаться от излишней откровенности.

– В гостинице «Минерва», – буркнула я.

– Ты не воспринимаешь меня всерьез, – не унимался он. – Я для тебя лишь курортное развлечение. Вот уедем отсюда, и я тебя потеряю. Мне же хочется быть с тобой всегда. В твоей настоящей жизни. Ты куда отсюда поедешь?

– В Париж, – брякнула я, не подумав.

– Так поехали вместе. У меня есть возможность поселиться в Париже.

Голова моя пошла кругом. Ничего удивительного. Предсказание гадалки делало свое, сицилийский антураж делал свое, блондин делал свое. Одна я ничего не делала, пассивно поддаваясь их влиянию.

Я представила себе, какую чудесную жизнь могла бы вести, окруженная его любовью и заботой, в шиншилловой накидке и бриллиантовом колье разъезжающая по лучшим курортам мира. В довершение картины тут и там начали поблескивать пиренейские алмазы. Где-то возникла робкая мысль, что неплохо было бы подобраться к ним с его помощью...

Мы сидели на бетонном парапете волнореза в Сиракузах. Комплекс неполноценности, развившийся во мне благодаря стараниям Дьявола, исчез совершенно. Как хорошо, что рядом блондин моей мечты! Как хорошо, что я могу любоваться черными нагромождениями лавы по берегам моря, извергавшейся из Этны более шести тысяч лет назад! Как хорошо, что у меня перед глазами тот самый вид, который предстал перед древними греками, некогда впервые высадившимися на этом берегу! Древность всегда меня чрезвычайно привлекала.

В своих размышлениях я добралась до древних инков и майя и уже подумывала, что неплохо было бы поближе ознакомиться с памятниками их культуры, как вдруг мои размышления были прерваны замечанием блондина:

– Мне придется уехать на два-три дня. Из-за тебя я совсем забросил свои обязанности.

– Какие обязанности? – рассеянно поинтересовалась я, все еще не в силах оторваться от древних индейцев.

– Знаешь, дурацкая история. Так и быть, я скажу тебе, но учти, что это тайна. Я должен найти одну бабу.

– Что?!

– Бабу одну найти. Шеф приказал.

Эти слова обрушились на меня как гром с ясного неба. Молния ударила в черные нагромождения лавы у моих ног.

– Какую... бабу? – прерывающимся голосом спросила я, изо всех сил стараясь не выдать охватившей меня паники.

– А, одну кошмарную бабу. Я сам ее не видел. Знаю, что она страшная, как труп, худая и бледная, лет пятидесяти на вид, хотя на самом деле моложе. У нее должны быть ужасные руки и очень много денег.

Как много все-таки в состоянии вынести человек! Сколько раз мне грозила опасность задохнуться от волнения – и ничего, живу. С трудом удержавшись от желания внести коррективы в свой портрет, я спросила как

можно невиннее:

– И зачем же ты ищешь такое страшилище?

– Уверяю тебя, не по собственному желанию. Эта женщина обокрала моего шефа на огромную сумму, и надо найти ее вместе с деньгами.

Подумать только! Я собиралась рассказать ему о сокровище в Пиренеях. И вдруг бы в Париже он привел меня на банкет к шефу! Он же тем временем продолжал:

– Знаешь, хочу тебе признаться. Сначала я думал, что это ты. Но ты слишком молода.

Я закурила, чтобы дать себе время собраться с мыслями. Интересно, что бы я в данном случае сказала, если бы это была не я? Наверняка возмутилась бы, что ее приняли за такое чудовище.

– Как тебе такое могло прийти в голову! Почему ты решил, что это я?

– Морская звезда, – был ответ.

– При чем здесь морская звезда?

– Я наблюдал за тобой, когда итальянец бросил тебе звезду и крикнул: «Stella di Mare!» Ты испугалась и посмотрела на море. Будь на твоём месте та женщина, она поступила бы точно так же. Почему ты испугалась?

– За неизвестных баб не отвечаю. Итальянец бросил мне под ноги такую холодную мокрую пакость, любой на моем месте испугался бы. Это еще не причина принимать меня за полинялого монстра.

– К тому же ты на нее похожа, – упрямо продолжал он, явно не придавая серьезного значения своим словам. – Она тоже блондинка с черными глазами. Хотя, скорее всего, теперь она седая.

– Может, крашенная, – неизвестно зачем вставила я. Все во мне клокотало. Любовь, чтоб ей... Хорошо еще, что все произошло в Сиракузах. Если бы такое несчастье случилось, например, в Казимировке, это не было бы так романтично. Хотя, с другой стороны, для араба, например, Казимировка – это невероятная экзотика.

Я уже не слушала, что он мне еще говорил. Нужно было что-то срочно решать, а в голове не было ни одной мысли, кроме того несчастного араба посреди рынка в Казимировке.

Когда мы возвращались в Таормину, у меня не осталось сомнений, что судьба нанесла мне тяжелый и незаслуженный удар. Единственное утешение, что это был роман с подчиненным шефа, как-никак – ситуация пикантная.

– Ты ведь обязательно дождешься меня? – нежно спрашивал он, расставаясь со мной у моей гостиницы. – Не уедешь за эти три дня?

Я уверила его, что, разумеется, обязательно подожду, и, расставаясь,

запечатлела в своей душе его образ. Да, он был слишком красив, чтобы быть настоящим!

Предоставленная самой себе, я постепенно обрела спокойствие духа и способность рассуждать. Немедленно бежать? Глупо и никаких шансов на успех. Наверняка проклятая морская звезда возбудила в нем подозрения, ухаживать за мной он стал с одной-единственной целью – войти ко мне в доверие и все обо мне узнать. Под пальмой торчал, потому что шпионил за мной. А теперь сообщил мне о своем отъезде и ждет, что я предприму. Прекрасно, ничего не предприму. Я Мари Гибуа, ничего не знаю и спокойно жду, когда мой возлюбленный вернется из служебной командировки.

Наверняка меня уже поджидают во всех аэропортах, куда прибывают самолеты из Катании. Пусть поджидают. Бежать надо не сейчас, когда они этого ждут, а позже, когда это будет для них неожиданным. И все надо так организовать, чтобы сразу же добраться до самой Польши. Только там я успокоюсь и вздохну свободно. Хватит с меня всех этих полицейских, плевать мне на Интерпол. Что за дураки там сидят! Ведь я знаю, что они меня ищут, и вот, пожалуйста, никак не могут найти, а гангстеры нашли в два счета. Нет, в Польшу! Только в Польшу!

Там нет преступных синдикатов. Там нормальная, честная, неподдельная милиция. Там много друзей, там покой и безопасность, наконец, там Дьявол.

Дьявол! Боже мой, пусть зевает, как старый крокодил, пусть притворяется спящим, пусть капризничает и отравляет мне жизнь, пусть делает что хочет, только бы добраться до него, до этой безопасной пристани.

Из служебной командировки блондин вернулся через два дня и застал меня сидящей на пляже с самым безмятежным видом. Через два дня, расставшись с ним после обеда, я попросила в бюро обслуживания гостиницы сообщить ему, что вечер решила провести со старыми знакомыми и вернусь поздно. Сложив немного вещей в пляжную сумку, я на автобусе поехала в Катанию. Купив чемодан, чтобы не обращать на себя внимания отсутствием багажа, успела на последний самолет, отлетающий в Париж. А билет заказала еще утром. Поздно ночью мы приземлились в Орли.

Из Парижа я намеревалась лететь прямо в Копенгаген, увидаться там с Алицией, купить автомашину, забрать свои вещи и через Варнемюнде вернуться в Польшу. Известив ее об этом телеграммой, я сняла номер в очень скромной гостинице и позвонила своему другу: надо было взять у

него мои настоящие документы.

Рано утром на следующий день я была в польском посольстве.

– Так что же с вами было? – спросил меня первый секретарь посольства, не веря своим глазам. – Это ведь вы исчезли из Копенгагена?

– Да, я, но, как видите, нашлась. Ничего особенного со мной не было, так, пустяки, меня похитили бандиты. И такие свиньи, даже не приняли во внимание срок действия моего паспорта. Что мне теперь делать?

– Ну, это не страшно. Продлим. Но только на две недели. Где же вы были?

– В Бразилии.

– То есть как – в Бразилии? – Первый секретарь был явно возмущен. – Ваш паспорт действителен только на Европу. Вы что же, были там незаконно?

– Сама не знаю.

– А где же ваша виза? – спросил он, в четвертый раз перелистывая странички паспорта. И с ужасом добавил – Вы были там без визы?!

– Без.

– Как же они вас впустили?

– Не знаю. Никто меня ни о чем не спрашивал.

И тут же подумала, что говорю неправду. Они только и делали, что спрашивали меня. Первый секретарь смотрел на меня с негодованием.

– Это невозможно, – решительно заявил он. – При таких условиях вы не могли попасть в Бразилию. У вас есть какие-нибудь доказательства, что вы там были?

– Нет, – сокрушенно призналась я. – Даже сувенира никакого не привезла.

– Так где же вы в таком случае были?

– В Бразилии...

Похоже было, что разговор в таком духе может продолжаться бесконечно. Первым не выдержал сотрудник посольства. А может, он просто боялся сумасшедших?

– Я ничего не понимаю, – вздохнув, признался он. – Пожалуй, вам лучше всего вернуться в Польшу. Когда вы хотите туда ехать?

– Немедленно! – вскричала я. – Только, пожалуйста, через Копенгаген, мне надо забрать вещи.

– Вас ищет вся полиция. Лучше всего, если вы будете с ними разговаривать тут, у нас. Какая-то подозрительная история. А паспорт получите завтра утром.

Я сказала, что он совершенно прав, и распрощалась с ним. Потом

отправилась по магазинам. По моим подсчетам, в моем распоряжении было как минимум полтора дня. До вечера меня будут искать в Таормине, ведь мои вещи остались в гостинице. Потом начнут искать в Париже, на это у них уйдет несколько часов. Так что, возможно, в моем распоряжении даже и два дня, но лучше не рисковать.

Поздно вечером я села в ту же самую белую «ланчию» на площади Республики. Я могла позволить себе ходить без парика и темных очков и какое-то время не бояться.

– Просто невероятно, как может меняться женщина, – заметил мой друг. – Отсюда выехала измученная старая баба, а вернулась красивая молодая девушка...

– Послушай, я сейчас выгляжу нормально?

– Вполне, если не считать того, что ненормально молодо. А что?

– Боюсь, что со мной не все в порядке. Мне все вокруг кажется подозрительным. Я никому не верю, даже полиции, впрочем, полиции особенно. Того и гляди, не смогу ходить, как люди, и начну красться вдоль стен на четвереньках. Глупо, правда?

Мы не торопясь ехали по пустым улицам в направлении Венсенского леса. Я его особенно любила, так как там обычно проходили рысистые бега. Мой друг задумчиво смотрел прямо перед собой.

– Не знаю, глупо ли. С тобой еще что-то приключилось?

– А как же! Послушай, ты не мог бы заплатить за меня по счету в гостинице «Минерва» в Таормине?

– Ты что, сбежала, не заплатив?

– Я оставлю тебе деньги.

– Можешь оставить их себе. Конечно, заплачу. Но что ты еще натворила?

– Сама не знаю. Все у меня перепуталось. Сюда я бежала в панике. Потом, в Сицилии, пришла в себя и удивлялась, чего это я так боялась. Климат, что ли, так действует, знаешь, это сладкое ничегонеделание. Потом выяснилось, что бояться мне все же следует, ну и я опять начала. А в общем и целом у меня уже нет сил, и я не вижу никакого выхода.

– А все из-за того, что ты слишком много знаешь?

– Вот именно. Меня разыскивают, чтобы вытянуть это из меня, а потом пристукнуть. Вот так-то.

Он кивнул головой. Некоторое время мы молчали.

– Пожалуй, на твоём месте я бы тоже никому не верил, – наконец решительно проговорил он. – Помни только одно: на меня можешь положиться. Не было этих семи лет. Вареники с солью мы ели вчера...

Я смотрела на пустую мостовую, на темные деревья вдоль улицы, на мужчину за рулем, и больше всего на свете мне хотелось остановить время. В моей памяти ожило чудесное прошлое, и я подхватила мечтательно и нежно:

– Вчера мы носили с тобой уголь из подвала, и вчера улетал самолет из варшавского аэропорта Окенче. Как жаль, что я не могу провести в твоей машине несколько ближайших лет жизни.

– Жаль, что не можешь, – согласился он. – Знаешь, постарайся быть осторожной. Я не люблю видеть знакомые фамилии на надгробных памятниках...

Рано утром на следующий день я получила продленный паспорт, договорилась, что приду на беседу с представителями полиции, и отправилась в датское посольство. На всякий случай я зашла по дороге узнать о возможности получить немецкую транзитную визу и, прождав пятнадцать минут, получила ее.

У датского посольства меня ожидала неприятность. Может быть, этот человек шел за мной давно, только я его не замечала. Увидела я его тогда, когда кто-то открыл передо мной стеклянную дверь посольства и этот человек отразился в стекле. Причем отражение было очень четкое. Было ясно видно, как он переводил взгляд с меня на что-то, что держал в руке, как будто сравнивал меня с фотографией. Этого оказалось достаточно, Я тут же круто изменила свои планы.

В датском посольстве знали обо мне. Я сообщила им свой настоящий адрес, согласилась побеседовать с полицией и получила согласие на продление визы. И все это за несколько минут. Из посольства я отправилась напрямик в автосалон, не долго думая, купила последнюю модель «ягуара» бежевого цвета, оформила за полчаса его регистрацию и выехала в город уже на своей машине. Следующие полчаса у меня ушли на то, чтобы собрать вещи и расплатиться в гостинице. Не поев, я двинулась в путь, в направлении на Берлин. Нервы мои были напряжены до предела.

Весь путь до Нанси я думала только о своей новой машине, пытаюсь вспомнить отдельные пункты из инструкции по эксплуатации. Сменить масло. Сделать техосмотр. Машина не обкатана, нельзя выжимать максимальную скорость. Что-то там следовало подкрутить и смазать. Что-то – после трех тысяч километров, а что-то – после пяти. А может, после тысячи?

В Нанси я остановилась в каком-то мотеле, заказала ужин и попыталась собраться с мыслями. С той поры, как я увидела отражение шпиона в стеклянной двери, я была не в состоянии мыслить логично.

Бандиты напали на мой след. Вся Франция, вся Западная Европа переполнены моими врагами. В полициях, в Интерполе, во всех посольствах сидят люди шефа. Как я была наивна, полагая, что мне удастся ускользнуть от них! Странно, что я еще жива. На каждом углу, у каждой двери меня поджидали бандиты с пистолетами, заряженными усыпляющим газом.

Похоже, я впала в самую настоящую, банальную истерию. Надо взять себя в руки. Пытаясь удержать дрожь и не стучать зубами, я выпила чай и стала изучать карту шоссейных дорог. Надо разработать маршрут, исходя из того, чтобы не прихватить ни одной страны, кроме Германии, потому что других виз я не успела получить. Хорошо, что я так широко раструбила о своей поездке в Данию, это может мне пригодиться. Если я поеду через Франкфурт-на-Майне, то смогу пройти там техосмотр. Сейчас же надо выспаться, на рассвете выехать и ехать без остановок, кроме одной – на техосмотр. Предположим, он займет полдня. До Варшавы около тысячи семисот километров. Нет, пожалуй, техосмотр лучше сделать в Ганновере, Франкфурт слишком близко. Потом я заказала разговор с Варшавой.

– Ну, наконец-то ты нашлась! – воскликнул Дьявол, убедившись, что это я. Мне показалось, что в его голосе прозвучало скорее раздражение, чем радость. – Что с тобой происходило, скажи на милость?

– Ничего. Потом расскажу, а теперь послушай, дорогой. Сегодня четверг. Завтра ранним утром я выезжаю и еду одним духом, без остановок. Утром в субботу ожидай меня в Колбаскове с деньгами, чтобы оплатить пошлину.

– А чем ты едешь?

– Машиной.

– Какой?

– Бежевым «ягуаром». Новым.

– Боже! – только и произнес он.

– Я не могу больше разговаривать с тобой. Мне грозит опасность. В субботу жди с самого утра, а я постараюсь приехать пораньше. И сохрани тебя Бог хоть слово сказать кому-нибудь!

– Ты с ума сошла! – возразил он. – До субботы ты не успеешь. Надо же тебе будет где-нибудь остановиться на ночь.

– Не буду я нигде останавливаться, я не хочу спать. Должна успеть.

– Все это так неожиданно. Знаешь, я не успею до субботы. Интересно, как ты себе это представляешь? Давай договоримся на воскресенье.

– Ни в коем случае! Ты должен успеть. Пойми, от этого зависит моя жизнь.

– Нет, это ужасно! Сначала ты пропадаешь неизвестно где полгода, а потом начинаешь пороть горячку. Боюсь, у тебя с головой не все в порядке.

– У меня не только с головой не все в порядке, но это сейчас не имеет значения. Если бы ты знал, что я пережила! Не буду сейчас об этом, мне надо выдержать до границы. Потом все расскажу. Не забудь, жди меня, как договорились. Я соскучилась по тебе!

– Только не разбей по дороге машину! – недовольно сказал на прощание близкий мужчина, и мое сердце, начавшее было оттаивать, вновь оледенело. Неужели этот человек уже не может вести себя по-человечески?

Я двинулась в путь с восходом солнца. Путь мой лежал на север. Около полудня я уже была в Ганновере. Дела заняли у меня три часа. На станции техобслуживания были, правда, недовольны, что-то ворчали насчет километража, но деньги сделали свое дело. Остальные я положила в банк на свое имя.

Передо мной был Берлин, а за ним Варшава. С каждым оборотом колес мне становилось спокойнее. «Ягуар» несясь, как крылатый змей, как восьмое чудо света. Я подумала, что, видимо, в этом году мне суждено было преодолевать огромные пространства в максимально короткое время, но зато в следующем году никакие сокровища мира не заставят меня больше спешить.

Границу я пересекла без осложнений. Уже недалеко было до Берлина, но наступила ночь, и я подумала, что, если немного не посплю, не смогу ехать дальше. Гостиниц я боялась, не хотелось оставлять следов, тем более что пришлось бы называть настоящую фамилию. Правда, искать меня должны были в Копенгагене, но рисковать не стоило. Я съехала с автострады, погасила фары и улеглась на заднем сиденье. Какая это все-таки была удобная машина!

На рассвете я проснулась от холода. Выезжая в спешке и панике, я не запаслась ни едой, ни питьем, и теперь у меня не было даже термоса с чаем, чувствовала же я себя на редкость разбитой и измученной. Будь что будет, а позавтракать мне просто необходимо.

В шесть утра на берлинском вокзале я напилась кофе, чаю и минеральной воды – это уже про запас. Есть не хотелось, а хотелось скорей в Польшу.

И вот наконец я оказалась на автостраде, ведущей к пограничному пункту. Солнце светило мне в лицо. Мной овладели сентиментальные воспоминания. Прошлый раз, когда я ехала по этой автостраде, тоже была плохая видимость, только тогда была зима, ночь и метель, машина с трудом ползла по обледенелой дороге; к тому же я не была уверена, что двигаюсь в

правильном направлении – к польской границе, а не наоборот, к Берлину. Теперь стояла прекрасная погода, направление указывало солнце, а по сравнению с тем, что мне пришлось недавно пережить, езда в гололедицу была невинным и приятным развлечением.

Автострада была совершенно пуста, мне не было необходимости следить за дорогой, и я могла полностью отдаться воспоминаниям. Пребывание в Бразилии, беспрецедентное путешествие на яхте «Морская звезда», страшная темница в замке Шомон и этот человек с глазами, как лазурные отблески на скалах грота. Не будем вспоминать о некоторых дополнительных аспектах, пусть в памяти останется только это воспоминание о моем романе столетия.

Недавнее прошлое предстало передо мной рядом ярких картин, в которые мне самой трудно было поверить. Если бы не «ягуар», я готова была думать, что это мне только снилось. Да я бы первая не поверила, если бы мне кто-нибудь рассказал такое. Но весь ужас в том, что это еще не конец. Я по-прежнему единственный человек, обладающий тайной проклятого клада в Пиренеях. Сто сорок восемь от семи и тысяча двести два от «Б», как Бернард...

Прямо перед моим носом на автостраду выскочила какая-то автомашина. Не представляю, откуда она взялась – может, стояла на обочине? Все остальное произошло в считанные доли секунды. Я взяла левее, будучи уверена, что она поедет правой стороной шоссе, но машина заехала на новую сторону и стала поперек проезжей части. Я затормозила так, что взвизгнули покрышки, меня мотануло в сторону, углом глаза я увидела, что из автомашины выскакивают какие-то люди, а справа осталось место, где можно проскочить, отпустила тормоза, прибавила газ, крутанула руль вправо, потом сразу влево, автомобиль занесло, и каким-то чудом он проскользнул между багажником той автомашины и барьером автострады, меня отбросило влево, я рванула вправо, притормозила, повернула руль чуть влево, уже не так резко, и – о чудо! – проскочила.

Как мне это удалось, сама не понимаю, ибо, клянусь всеми святыми, и понятия не имела, что можно ездить юзом. Не иначе как меня опять спасло Провидение – то самое, что благоволит дуракам и недотепам.

Я уже собралась остановиться, наброситься на этих ослов, идиотов и баранов и устроить им грандиозный разнос, но взглянула в зеркало заднего вида, и моя нога сама нажала на газ. Я увидела, как люди, выскочившие из автомашины, на ходу садились в нее, а она разворачивалась в мою сторону.

«Ягуар» необкатанный? Ну так обкатается! Проехал уже полторы тысячи километров, ничего с ним не сделается. Ему только на пользу

пойдет такая нагрузка на коротких дистанциях. Нажмем, дистанция и в самом деле осталась совсем короткая...

Когда скорость перевалила за сто шестьдесят, я перестала смотреть на спидометр. Тем более что глаз не хватало: одним я смотрела на дорогу перед собой, другим – в зеркальце. До сих пор мне не приходилось водить машину с такой скоростью – и нужды не было, да и машины такой не было. Попадись мне сейчас какая-нибудь выбоина на шоссе – наступит бесславный конец моего путешествия, начатого в скалистом заливе под Паранагуа!..

Пока они развернулись и бросились в погоню, я уже успела опередить их на несколько десятков метров. Они неплохо взяли с места, но им пришлось набирать скорость, а я уже мчалась на максимальной.

И вот по пустому шоссе со страшной скоростью мчались две машины. «Ягуар» несся как вихрь, почти не касаясь поверхности автострады. Тихо и ровно работал мотор. Чувствовалось, что машине доставляет огромное наслаждение показать, на что она способна.

Сама же я пребывала в состоянии, похожем на шок. Я не совсем сознавала, что делаю, и уж совсем не помнила, как вела машину. Расстояние между нами стало увеличиваться. Граница была совсем близко. Мимо меня промелькнул знак, предупреждающий, что автострада кончается. «Если на такой скорости я влечу на дорогу с другим покрытием...» промелькнуло в голове. Я слегка притормозила и вдруг услышала какой-то новый звук, не очень громкий, но явно отличающийся от шума моторов. В первый момент я подумала, что это стреляет моя выхлопная труба. Нет, звук был другой. Тут я заметила перед собой и сбоку на дороге взметнувшиеся фонтанчики пыли.

«Стреляют с глушителем! – догадалась я. – Сволочи! Испортят мою машину!»

Они целились в покрышки и, хотя расстояние между нами уменьшилось, никак не могли попасть. Наверное, им мешало солнце. Вот уже показался пограничный пункт. Я включила дальний свет и нажала на клаксон. Из здания немецкого пограничного пункта выбегали люди. Преследователи притормозили. Пограничники почему-то подняли шлагбаум, может, просто подумали, что едет сумасшедший и что лучше его пропустить, пока он не разбился и не разнес в щепки пограничный пост. Дико завывая клаксоном и скрипя тормозами, мотаясь из стороны в сторону влетела я на территорию пограничного пункта и, свернув за здание таможни, остановилась на газоне.

Перед этим я успела заметить, как из здания польской таможни тоже

выбегали люди, а преследующий меня белый «мерседес» развернулся и помчался в обратную сторону. Два немецких пограничника вскочили на мотоциклы и погнались за ним, но они только-только отъехали, а «мерседес» уже исчез из виду.

У меня не было сил выйти из машины. Не выключая света и мотора, я сидела, опираясь на баранку. Народная Польша находилась от меня в нескольких десятках метров, и у меня не было никакого желания, кроме одного: оказаться наконец там!

Документы мои были в порядке, ехала я транзитом, ничего недозволенного не везла, но зато сама находилась в невменяемом состоянии. Немецкие пограничные власти с превеликим трудом добились от меня маловразумительных объяснений: ехала я себе спокойно на родину, а этот «мерседес» вдруг стал меня преследовать и почему-то стрелять, я его не знаю и ничего не понимаю. Озадаченные власти сочли за лучшее как можно скорее избавиться от меня и передать проблему полякам. Я погасила наконец фары, неуклюже съехала с газона и потихоньку двинулась в сторону моей дорогой родины. Вот передо мной подняли шлагбаум. Чудесное, ни с чем не сравнимое чувство безопасности наполнило мою душу.

– И как это ты только додумалась покупать «ягуар»! – нежно приветствовал меня любимый. – Совсем спятила баба!

Я была так счастлива, что охотно согласилась с ним: да, спятила. Так радостно было окунуться снова в эту знакомую, обыкновенную, настоящую жизнь: иностранная модель, кто возьмется ремонтировать, откуда брать запчасти... Чуть не на коленях умоляла я польских таможенников взять с меня за что-нибудь пошлину, подсовывала им свои вещи для досмотра. Со снисходительной улыбкой они вышвырнули меня с моим чемоданом за дверь. Я пригрозила, что в следующий раз назло им провезу какую-нибудь протрясающую контрабанду, чем вызвала взрыв смеха. Меня напоили кофе и дали кусок хлеба с колбасой. Счастье мое не имело границ. Вся природа радовалась вместе со мной.

Дьявол сел за руль, чему я была очень рада. Автомобильными эмоциями я была сыта по горло.

– Умоляю тебя, дорогой, поехали медленно и осторожно, – попросила я, с наслаждением затягиваясь сигаретой.

– Ты же видишь, что я еду осторожно, – недовольно буркнул он, нажимая по обыкновению на газ перед поворотом. – Где ты пропадала, что с тобой было? Алиция подняла тревогу, милиция расспрашивала о тебе, твоя мать чуть не заболела.

– Расскажу тебе все по порядку. Меня похитили бандиты.

– Давай без шуток! Бандиты?

– Я не шучу. Послушай, очень тебя прошу, на поворотах сбрасывай скорость, хотя бы до сотни.

– Ну что ты пристала, ведь я еду медленно. Что там случилось на немецкой границе? Что это за машина гналась за тобой?

– Я же тебе объясняю – бандиты. Стреляли в меня.

– А ты не сочиняешь? – воскликнул он, будто только сейчас до него дошло то, о чем я говорила.

– Отнюдь. Когда ты все узнаешь, стрельба на автостраде по моей машине покажется тебе мелочью в сравнении со всем остальным. Боже, как я устала! И какое счастье, что я наконец дома!

Некоторое время он молчал, так как пошел на двойной обгон. Потом спросил:

– Ты забрала свои вещи из Копенгагена?

– Нет. Я еду напрямик из Парижа. Только на территории Польши почувствовала себя в безопасности.

– Ну так расскажи же, в чем дело.

Я помолчала, прежде чем начинать рассказ. Интересно, как он воспримет случившееся со мной? Неужели опять скажет, что я сама во всем виновата? Поверить он мне, пожалуй, поверит, настолько-то он меня знает. Ну что ж, может, я и сама виновата, вряд ли с кем-нибудь другим могло такое случиться... Наконец я сказала:

– Подробности я тебе изложу потом. Их слишком много. В общих же чертах дело обстояло так...

Дьявол внимательно слушал, только изредка прерывая меня вопросами. Я все больше погружалась в блаженное ощущение безопасности и безоблачного счастья. За окнами автомашины мягкими красками сверкала и переливалась польская осень. Сейчас, когда я рассказывала обо всем случившемся со мной, мне казалось, что я передаю содержание какого-то детективного фильма, и даже хотелось кое в чем подправить сценарий.

– Трудно поверить, – сказал Дьявол. – Если бы я тебя не знал, не поверил бы, что такое может произойти. И это только ты могла додуматься ковырять крючком камни. Нормальному человеку такое никогда не придет в голову!

– Ты совершенно прав. Но согласись, и положение мое было не совсем нормальное. Самое же главное, что это еще не конец. По-прежнему только я одна знаю, где они спрятали свое сокровище. И понятия не имею, что мне

делать.

– Ты что же, так и не сообщила в Интерпол?

– Конечно, нет. Я боялась. Представляешь, у них был свой человек в датской полиции. Вот уж где не ожидала встретить гангстера! Что говорить об Интерполе? У меня на этой почве появился комплекс, теперь мне все кажутся подозрительными. Можешь удивляться, но я себя понимаю и не удивляюсь. Помедленней, пожалуйста!

Дьявол пожал плечами.

– Ясное дело, ненормальная. А в нашем посольстве ты тоже ничего не сказала?

– Я нигде ничего не сказала. Наше посольство для меня тоже было подозрительным. Только тут я чувствую себя в безопасности и могу спокойно все обдумать.

– Ты не можешь не влипнуть в какую-нибудь историю. Что же ты теперь намерена делать?

– Сначала все как следует обдумаю. А что здесь происходило? Чего милиция хотела?

– Они спрашивали, не знаем ли мы чего о тебе. Алиция написала, что ты исчезла и что тебя по всей Европе разыскивает полиция. Нашей милиции тоже сообщили. Но почему они не могли тебя найти?

– Не успели. Как ты думаешь, может, мне надо все-таки явиться в милицию? Да нет, сами меня вызовут.

– Но почему же, в конце концов, у гангстеров получилась такая петрушка с деньгами?

– Интерпол взялся за них серьезно и хотел конфисковать все их имущество. А у них было много всего: предприятия, акции, наличные, не знаю, что еще. Они боялись, что у них все отберут и заблокируют счета в банке, поэтому в жуткой спешке, чуть ли не за один день, распродали все, сняли деньги со счетов и на все наличные закупили алмазы, золото и платину. И спрятали их в надежном месте.

– Алмазы тоже можно отобрать...

– В том-то и дело. Их люди были в полиции, и они, в свою очередь, боялись, что среди них есть агенты Интерпола. Поэтому все делалось втайне. Единственным человеком, который знал место клада, был тот, кто его спрятал. Он должен был сообщить об этом шефу, они собирались переждать день-другой, а потом забрать все из тайника и перевезти в Бразилию. Потом какое-то время затаиться и спокойно выжидать – они богатые, могли позволить себе небольшой отпуск. А потом все начать сначала. Не правда ли, хорошо было придумано?

– А почему они сразу не отвезли все в Бразилию?

– Так ведь за ними же следили, власти были предупреждены, таможенные посты тоже. Гангстеры распределили обязанности – тот человек занимался скупкой ценностей и должен был где-то их временно припрятать, а шеф за это время должен был организовать транспортировку. И очень хорошо организовал, лучшее доказательство – как они перевезли меня, жаль только, что больше нечего было перевозить. Не так-то просто было все это провернуть. Алмазы покупались в ЮАР, например. Все в жуткой спешке. Он прилетел в Копенгаген, чтобы там встретиться со своими, и шиш. Преставился в моих объятиях. А капиталы лежат и ждут.

– И ты знаешь где?!

– Знаю, – устало, но не без удовлетворения ответила я. – Мне удалось найти это место на карте.

Затем я в подробностях описала сцену с испытанием меня на детекторе лжи. Вот тут он мне не поверил.

– Ты шутишь? Тебе удалось их обвести вокруг пальца? Ведь это же тонкий аппарат.

– Ну конечно, и он обязательно обнаружит ложь, если держать ее в голове. А у меня в голове был лишь грот в Малиновской скале. И вообще я старалась не слушать, о чем меня спрашивают.

– И ты так точно запомнила, что тебе говорил тот умирающий?

– Ты же знаешь, какая у меня память на цитаты. В самолете я воспроизвела каждое слово.

– И сейчас помнишь?

– А как же!

– Ну и что он сказал?

– Перед нами повозка!

– Вижу! Что он сказал?

– Вот и шеф так же приставал. Ты что, тоже запрешь меня? В подвале? Ну ладно, мне не жалко, могу и сказать...

И одним духом я выложила весь текст по-французски. Надо было учить иностранные языки, всегда ему это говорила.

Дьявол жутко рассердился:

– Не валяй дурака, переведи!

– На той карте, которую он мне показал... – таинственным шепотом произнесла я, и перед глазами предстала абстрактная картина огромных размеров. – Ах, какая это карта! Весь земной шар в мельчайших подробностях. Все меридианы и параллели на ней пронумерованы, а цифрами обозначены расстояния между ними. Наверное, предварительно

все было вымерено...

– Ну ладно, а где это?

Я покачала головой.

– Даже если бы я и хотела, не могу тебе сказать. Горло перехватит и язык онемееет – такие уж у меня на этой почве комплексы. Никому ни за какие сокровища не скажу.

– Ну скажи, ведь мне интересно. Разве можно найти в Европе такое место, которого бы никто не знал?

– Таких мест много, – со вздохом произнесла я. – Родопы, например. Вот ты, смог бы ты найти что-нибудь в Родопах? Там тысячи пещер...

– Но ведь это не в Родопах?

Говоря это, он взглянул в зеркальце и нажал на газ. Во мне все оборвалось.

– За нами гоняться? – в страхе вскричала я. – Что будем делать? Пистолет! Где у тебя пистолет?

Дьявол настолько испугался моей реакции, что резко тормознул и я чуть не вылетела через переднее стекло.

– Да что с тобой? Нет у меня пистолета. Никто за нами не гонится. Успокойся и не пугай меня.

– Я тебя пугаю! Это ты меня напугал. Просила же тебя, чтобы ехал медленнее. А ты вдруг нажимаешь на газ, как будто за нами гонятся. За мной гонятся от самой Бразилии, понимаешь ты это? У меня уже комплексы на этой почве.

– Не комплексы, а дурь! Тут сам с тобой спятишь. Ну ладно, ладно, поеду медленнее. Смотри, нас обгоняет обычная «Волга»!

– Да пусть хоть и «трабант»! Я в своей стране, я хочу наконец жить спокойно.

Некоторое время мы ехали молча, проехали через Пневы. Меня все больше охватывала усталость.

– Так где же находится этот остров сокровищ? – небрежно спросил он.

– А, на краю света, – пробурчала я. – Отвяжись. И помедленнее, пожалуйста.

Он опять увеличил скорость, но у меня уже не было сил протестовать. Некоторое время я ехала, ни о чем не думая, любуясь ландшафтом. В душе, однако, исподволь зрело беспокойство, которое вскоре приняло форму вполне конкретного вопроса: как они могли оказаться у самой границы Польши? О том, что я собиралась возвращаться через Копенгаген, знали многие, я трубила об этом направо и налево и не удивилась бы, если бы они ожидали меня на пароме. Но как они могли оказаться здесь? Ведь выехала я

внезапно, собралась за какой-то час. Ехала через Ганновер, и можно было предположить, что дальше поеду через Гамбург и Путтгартер, там-то, по логике, они и должны были ожидать меня. От Ганновера я ехала без остановки, только выпила кофе в Берлине да еще поспала ночью на шоссе. Сколько же это заняло времени? Совсем немного – от полудня одного дня до утра следующего. А они уже поджидали меня на автостраде – значит, приехали туда заранее. Почему не в Копенгаген? Ведь я послала Алиции телеграмму, что приезжаю. Да, надо будет немедленно ей позвонить, а то беспокоится небось, что я опять пропала... Когда они могли узнать, что я поеду через Берлин? Только за Ганновером, где расходятся автострады. Как же они успели раньше меня?

Снова и снова перебирала я в памяти события, пытаюсь докопаться до истины, и вдруг, подобно взрыву бомбы под самым носом, меня ослепила такая страшная догадка, что я на миг потеряла возможность вообще что-либо соображать. Все, абсолютно все, с кем я разговаривала, знали, что я еду через Копенгаген. Я сама была убеждена в этом. И только один человек знал, когда я приеду, какой дорогой и на чем...

Благостное чувство безопасности и счастья покинуло меня. Я сидела как парализованная, а догадка росла и подкреплялась фактами. Я звонила ему из Нанси, поговорила с ним и пошла спать. Выехала только на рассвете следующего дня, у них было много времени... Он один знал, он один!

И тут сразу же меня огорошила другая мысль. Откуда он знал, что тайник находится в Европе? Я рассказывала ему о Бразилии, о Южной Африке, о пребывании шефа на Ближнем Востоке и прочее. В распоряжении Дьявола был весь мир, так откуда же он мог знать, что именно в Европе?

Из ужасающего хаоса, бушующего в моей душе, постепенно отсеялись эмоции и сформулировались четкие, отличные выводы. Но нет, это невозможно... Я смотрела прямо перед собой, боясь повернуть голову и взглянуть на него. Еще три года назад я тут же выложила бы ему свои подозрения, потребовала бы немедленных объяснений, заставила бы его рассеять мои сомнения, устроила бы роскошный скандал и кончила тем, что расплакалась бы в его объятиях. А вот теперь...

– Кому ты сообщил о моем приезде? – как можно невиннее поинтересовалась я, отчаянно надеясь, что, может, все-таки...

– Никому, – буркнул он. – Ты ведь просила никому не говорить.

– Как? Ни Янке не сказал, ни Ежи, ни даже моей маме? Никому?

– А ты думаешь, у меня было время? Я собирал деньги, чтобы было чем заплатить пошлину на границе. Да и до этого проклятого Колбаскова не

так просто добраться. В пятницу я вылетел на самолете до Щецина, а из Гожува ехал на такси. Ни с кем не успел увидеться, никто не знает о моем возвращении, так что для всех это будет сюрприз.

– Ты уверен, что абсолютно никому ни слова не сказал о моем возвращении?

Наверное, в моем голосе прозвучало что-то такое, что заставило его внимательно посмотреть на меня.

– Абсолютно никому, – уверенно подтвердил он. – А почему тебя это так волнует?

Теперь я уже не сомневалась, что он говорит неправду. Так просто и непосредственно он ни в коем случае не ответил бы, если бы это было правдой, это не в его натуре. Наверняка он кому-то сообщил о моем приезде, но не хочет мне говорить. Кому? Своей новой симпатии? Черт бы побрал эти его бесконечные симпатии! Сейчас не это для меня важно. Итак, он сказал девушке, а она кому-нибудь разболтала...

И опять я поймала себя на мысли, что вела бы себя совсем по-другому, будь это три года назад. Я бы ему прямо сказала, в чем дело, ибо верила, что он поймет всю серьезность положения, всю опасность, которая мне грозит, и его это встревожит. Характер ему не позволит прямо признаться, что он разболтал, но он мне дал бы это понять, а после мы бы вместе подумали над тем, что делать. Так обстояло бы дело три года назад. Но не теперь.

Он выжимал сто сорок километров и срезал повороты с непроницаемым выражением на лице. Еще не совсем понимая, что произошло, я тем не менее чувствовала, как земля уходит у меня из-под ног. Единственное безопасное место на земле вдруг перестало быть безопасным. Весь мир вокруг меня – это бездонная, черная пропасть, и нет мне нигде спасения. Стоит ли жить? Да нет, не может этого быть. Надо стряхнуть с себя этот кошмар. И, сделав над собой огромное усилие, я попросила его:

– Останови машину, дорогой. Я уже отдохнула. Позволь, я сама поведу. Хочу ехать так, как мне нравится – спокойно, не торопясь, по знакомой дороге.

Мне стало лучше, когда я села за руль. Немного успокоившись, я подумала, что не могу этого так оставить, что не смогу жить в атмосфере недоверия и подозрения. Надо попытаться выяснить ситуацию, и чем скорее, тем лучше.

– Почему ты думаешь, что это место в Европе? – спросила я, как только мы проехали Конин.

– Какое место?

По его тону я поняла, что он прекрасно понял мой вопрос. За годы совместной жизни я его достаточно изучила. Если ему хотелось узнать от меня что-то не очень важное, он до тех пор приставал ко мне, пока не получал желанного ответа. Если же речь шла о чем-то, имеющем для него особое значение, а он не хотел, чтобы я об этом догадалась, то притворялся, что дело перестало его интересовать. И выражение лица, и голос свидетельствовали о том, что его совершенно не интересует то, что я могу ему сказать. Он рассчитывал на мою глупую склонность к откровенности и, как правило, не ошибался.

– Место, где спрятаны алмазы, – вежливо пояснила я. – Почему ты думаешь, что оно в Европе?

– Так ты же сама сказала, – равнодушно глядя на дорогу, небрежно бросил он.

Негромкий аварийный звонок, раздавшийся в моей душе при первых признаках опасности, сменился воем пожарной сирены. Не говорила я этого. Пусть у меня склероз, но не до такой степени. Я не говорила ему, что это в Европе.

– Ничего подобного, – спокойно заявила я. – Это вовсе не в Европе, а в Кордильерах.

– Где?!

Он растерялся лишь на какую-то долю секунды и сразу же взял себя в руки. Взгляд его выражал вполне естественное умеренное любопытство. Я бы наверняка ничего и не заметила, если бы не следила за каждой его реакцией с таким напряженным вниманием.

– В Кордильерах. Я сама Кордильер не знаю и понятия не имею, как это может выглядеть в действительности, но мне кажется, что они спрятали сокровища в какой-нибудь пещере. Ну и как-то обозначили ее.

– Но каким образом... – начал он и тут же спохватился, закурил и потом уже продолжал – ...один человек мог запрятать такое богатство, причем так, чтобы об этом никто не знал?

Наверняка он хотел спросить меня о другом, но вовремя остановился. Я высказала свои соображения:

– Может, кто-нибудь и знает. Не мог он обойтись своими силами, ему требовалась помощь хотя бы в том, чтобы доставить на место драгоценности. Но помощники могли и не знать, что именно они переносят. И кто эти помощники – тоже никто не знает. Впрочем, их не обязательно должно быть много. Покойник мог собрать пакеты с драгоценностями и отбыть в неизвестном направлении, там погрузить на

осла, взять одного погонщика – например, глухонемого или деревенского дурачка – и уйти подальше в горы. Осла и погонщика он мог оставить где-нибудь, а сам уйти еще немного дальше, найти укромное место, спрятать там – и дело с концом. Мог он так сделать?

– А откуда у него столько времени? Ты ведь говорила, что все делалось в спешке.

– Для этого и не надо много времени. Двухдневная экскурсия, только и всего.

Мы замолчали. Пожарная сирена в моей душе выла во всю мочь и мигала красным светом. Он знал. Он слишком много знал обо всем этом и скрывал от меня, что знает. Но, может, ему положено знать? Может, Интерпол установил связь с нашей милицией, а она поручила эту миссию именно Дьяволу и велела держать ее в тайне, а я тут впадаю в истерику и подозреваю человека...

Со своей лучшей подругой я увиделась на следующий день после приезда. Я специально отправилась к ней на работу, чтобы меня увидели во всем великолепии, сделав соответствующий макияж и надев платиновый парик. Новый, купленный в Париже, но точно такой же, как и тот. Я полагала, что мой сенсационный рассказ о случившемся приобретет черты наглядности, если я буду выглядеть так, как в тот злополучный день, с которого все началось.

Янка встретила меня претензиями:

– Ну, знаешь, это уже слишком! До тебя совершенно невозможно дозвониться. Звоню и звоню, а ты не отвечаешь! Я уж подумала, не случилось ли чего?

Я остолбенела и вытаращила на нее глаза. Что это она, в самом деле.

– Так ведь меня же не было в Варшаве!

– Но сейчас-то ты в Варшаве!

– Да, только приехала и вот сразу к тебе.

– Ничего себе сразу! Приехала, а чтобы к лучшей подруге...

– Не понимаю. Я вернулась вчера вечером и вот сегодня уже у тебя. Не будь такой придирай, вчера я должна была повидаться с мамой.

Теперь удивилась она:

– Как это – вечера вечером? Я видела тебя уже месяц назад!

Я ничего не понимала. Не могла же я раздвоиться, сама ничего не зная об этом?..

– Ты видела меня? – повторила я. – Месяц назад?

– Ну да! Прекрасный цвет волос, и так тебе идет! Когда я тебя увидела, то еще подумала, как ты удачно покрасила их, и даже хотела узнать где.

Я почувствовала, как где-то в желудке мне сделалось горячо-горячо и это тепло распространилось по всему телу, особенно в его верхней части. Охватившее меня волнение следовало во что бы то ни стало скрыть от Янки, так как она была особа легко возбудимая и излишне впечатлительная.

– Во-первых, это парик, – произнесла я с каменным спокойствием. – А во-вторых, где ты меня видела?

– Не может быть! – вскричала Янка. – Вот никогда бы не подумала. Значит, в этом парике я тебя и видела. Послушай, а это не вредно для волос – все время ходить в парике?

– Тебе не вредно, твоим волосам ничто не повредит, – пробурчала я. И в самом деле, волосы Янки являлись предметом зависти всех ее знакомых. – Так где же ты меня видела?

– В машине.

Было очень трудно, но я себя сдержала.

– А не скажешь ли ты, где была эта машина?

– На шоссе. Знаешь, там, где живут мои родственники, в Плудах. Я как раз вышла на шоссе, к автобусу, и видела, как вы сели в автомашину и проехали мимо меня. Я еще хотела помахать вам, но в руках у меня был пакет с редиской, редиска высыпалась на дорогу, и я не успела остановить вас.

«Вот так иногда какая-то редиска может спасти человеку жизнь», – подумала я неожиданно для себя самой и все так же спокойно спросила:

– И Дьявола ты видела?

– А как же, он сидел за рулем, а ты рядом, и вы оба не соизволили меня заметить. А я сорок пять минут ждала автобус!

– Ты уверена, что это была наша машина?

– Ну еще бы! И вас узнала, и вашу машину по вмятине на заднем крыле.

– И мы тебя не заметили? – продолжала я допытываться.

– Нет, даже не взглянули. Как будто я неодушевленный предмет.

– И благодари Бога за это! Эх ты, слепая курица, ведь это была не я. Только вчера вечером я вернулась из Парижа, а месяц назад была на Сицилии.

– Нет, быть не может! – вскричала Янка, когда ей удалось обрести дар речи. – Никогда бы не подумал! Я была уверена, что это ты! Вернее, увидев тебя сейчас в этом парике, я уже не сомневалась, что это была ты. А до этого сомневалась, так как тебя нигде не было видно.

Потом подумала и осторожно спросила:

– А как ты думаешь, она тоже в парике?

– А черт ее знает, – ответила я и глубоко задумалась. В голове промелькнуло еще неясное подозрение. Какая-то женщина всего месяц назад... Белый «мерседес», поджидающий меня на берлинской автостраде... Он соврал, что никому не сообщил...

Тем временем Янка жутко расстроилась, что своей болтовней может вызвать ссору между Дьяволом и мной, и неуклюже пыталась убедить меня, что упомянутый инцидент не имеет никакого значения. Я раздраженно перебила ее разглагольствования:

– Да успокойся ты! Дай-то Бог, чтобы это было просто его очередное увлечение.

– То есть как?

– Да вот как. Или я все выдумываю, или нет. Надо проверить...

На следующий день утром, выходя из машины на Маршалковской, все в том же парике, я наткнулась на одного из своих знакомых.

– Ты меняешь машины, как перчатки, – приветствовал он меня, с интересом разглядывая «ягуар». – Неделью назад я видел тебя в «опеле». Ты привезла две машины?

– В каком именно «опеле»? – поинтересовалась я.

– В темно-сером «опель-рекорде». А у тебя что, много «опелей»?

– Напротив, у меня нет ни одного. Наверное, это была не я.

– Неужели? – удивился он. – Как же так? Я тогда еще поклонился тебе, а сам подумал, что ты опять носишь тот цвет волос, который тебе шел когда-то. Ты прекрасно выглядишь! Нет, серьезно, это и в самом деле была не ты?

Через три дня еще один знакомый поинтересовался, почему это я разговариваю с Дьяволом по-немецки. Он сам слышал собственными ушами. Было это в «Каменоломне» три недели назад, мы с Дьяволом там ужинали, я в белом кружевном платье сидела спиной к залу. У меня никогда не было белого кружевного платья, я не умею говорить по-немецки, а три недели назад я расцветала от счастья в Таормине.

Тут уж мне пришлось смириться с обстоятельствами. Совпадения, конечно, бывают, но чтобы столько... Платиновая блондинка с темными глазами, которую все принимают за меня... Информированность Дьявола... Белый «мерседес» на шоссе... Таинственная Мадлен, которую я заменила в копенгагенском игорном доме, теперь, в свою очередь, заменила меня в Варшаве!

Собственно, чего-то в таком роде я уже ожидала и была внутренне готова. Преисполненная решимости все выяснить до конца, я ожидала Дьявола в полном боевом вооружении: при парике и соответственно

накрашенная.

Он пришел, посмотрел на меня, как на пустое место, и ничего не сказал. Никаких чувств не выразилось на его лице. Нет, душа этого человека осталась для меня загадкой.

Утром мне позвонила страшно взволнованная Янка.

– Послушай, что происходит? Я хочу сказать – что происходит между вами? Он меня встретил вчера и отвез домой...

– Кто? – прервала я. – Дьявол?

– Ну да. Ему хотелось знать, что ты мне рассказывала о своих приключениях. И он был такой милый. Я хочу сказать – сначала был милый, потому что потом, когда я объяснила, что ничего не знаю, опять стал невежливым. И все расспрашивал меня, все выпытывал про какое-то место, куда ты собираешься поехать, чтобы там чего-то искать. Ничего не понимаю, ты же ничего об этом не говорила. Ты и в самом деле собираешься? Знаешь, я очень расстроилась, потому что все это как-то очень неприятно. Как-то так, знаешь... Как будто хотел выпытать у меня какую-то твою тайну...

– Послушай, – в тревоге прервала я ее, – надеюсь, ты не сказала ему, что видела его с женщиной?

– Нет, хотя и очень хотелось, так он меня разозлил.

– Сохрани тебя Бог проронить об этом хоть словечко! Запомни: ничего не видела, ничего не знаешь, ты слепа, глуха и глупа! Я не знаю, как свою голову уберечь, хватает мне еще и о твоей заботиться.

– Никак ты совсем спятила!

– Очень может быть. И очень хорошо было бы, если бы это было правдой. Я тебе, пожалуй, все-таки расскажу, в чем дело, чтобы ты не делала глупостей. Ты сама поймешь, что тут не до шуток.

Да какие уж тут шутки. Я вернулась к себе домой, к своей обычной жизни и к близкому мне (когда-то) человеку. Попробую разобраться во всем этом. Максимально сосредоточившись, я попыталась сопоставить все факты. Мадлен и Интерпол были на разных полюсах. Можно, правда допустить, что Дьявол ухаживает за ней в рамках сотрудничества с Интерполом, ему приказано держать язык за зубами, и это в какой-то степени объяснило бы его поведение. И все-таки гораздо проще и логичнее предположить, что ухаживает он за ней по собственной инициативе. Его, увы, равнодушие ко мне позволяет сделать вывод, что она стала объектом его чувств. Он мог сказать ей о моем приезде просто так, не имея никакого представления о ее связях с гангстерами. Но думать-то он способен: ведь я же рассказала ему о «мерседесе» и он не мог не сопоставить этих двух

фактов.

Вопреки собственной натуре, которая требовала честной и открытой постановки вопроса, я приступила к обманным военным действиям. Первым снарядом должен был явиться парик. Платиновое сияние, исходящее от моей головы каждый день и каждый час, видимо, вывело-таки его из равновесия, несмотря на все его самообладание, потому что через неделю он мне сказал:

– Тебе все-таки больше идет твой собственный цвет волос. Как ты можешь без конца носить этот парик? Он мне не нравится.

– Тебе не нравятся платиновые блондинки? – лицемерно удивилась я.

– Представь себе. И вообще, тебе этот парик не идет. Он тебя старит.

И вовсе нет! Парик меня отнюдь не старит, но это неважно. Что бы я ни надела, ему ничто не нравилось, разодевшись я хоть в парчу. Но это тоже неважно. Важно, что я достигла своей цели. С облегчением стянув парик, который мне самой осточертел, я вымыла голову и приобрела нормальный вид.

Я не знала, как развернутся события, и прежде всего позаботилась о безопасности своих детей. К их великой радости и невзирая на протесты остального семейства, я разрешила им поехать вместе с отцом по приглашению в Советский Союз. Неожиданное проявление родительских чувств со стороны моего бывшего супруга наступило как раз в самый подходящий момент. Я прекрасно понимала, что для обоих мальчишек это прекрасный предлог прогулять школу и что они наверняка здорово отстанут, и тем не менее, собирая их в дорогу, испытывала огромное облегчение. По крайней мере шесть недель они будут в безопасности.

Как всегда после долгого отсутствия, у меня накопилось много дел. Дьявол то и дело уезжал в какие-то служебные командировки, у нас не было возможности как следует поговорить, и атмосфера в доме по-прежнему была напряженная. Мне легче дышалось на улице, чем в собственном доме. Временами я думала, не лучше ли пойти в милицию или в Комитет безопасности и все рассказать, и удивлялась, почему никто от них ко мне не приходит. Я постоянно ожидала каких-то неприятностей, жила в напряжении и чувствовала, что долго так не выдержу. Не о таком возвращении домой я мечтала.

На двенадцатый день после моего возвращения Дьявол ни с того ни сего вдруг вернулся домой с бутылкой виски и тут же побежал в магазин за содовой водой.

– Я бы выпил немного, – сказал он. – А ты?

Он прекрасно знал, что из всех алкогольных напитков больше всего я

люблю виски, и, задавая этот вопрос, посмотрел на меня с прежним блеском в глазах.

Был он какой-то непривычно милый, что показалось мне подозрительным, так как я продолжала вести себя холодно-сдержанно и никаких поводов ему не давала.

– Я тоже выпью, – согласилась я.

После злоупотребления алкоголем я становлюсь излишне откровенна. Зная за собой такую слабость, я решила быть начеку. Если уж он разорился на виски, то, как видно, решил напоить меня вдрызг, а значит, у него были на то причины. И я решила их узнать.

Темой нашей беседы с самого начала стали мои недавние приключения. Дьявол заботливо следил за тем, чтобы мой стакан не был пустой. Меня очень интересовал вопрос, сколько понадобится виски, чтобы опьянел стоящий рядом со мной кактус. Жалко мне его было, но пришлось принести в жертву. Ничего, такие кактусы очень быстро растут.

Я оживленно болтала, пространно описывая свои переживания, вспоминала подробности, о которых до сих пор не рассказывала. У меня настолько вошло в привычку скрывать одну-единственную информацию, что это стало уже моей второй натурой и не требовало от меня никаких дополнительных усилий, а обо всем остальном я говорила свободно. Красочно описывала я свое пребывание в темнице, особо подчеркивая надежды на восстановление наших добрых отношений, которые поддерживали мой дух в те трудные дни. Ну кого бы не тронуло такое признание? Его не тронуло. Он никак не прореагировал на мое признание, только подлил мне снова виски. Естественно, меня это очень расстроило. Я решила притвориться слегка опьяневшей.

– Послушай, – сказал он мне, сочтя, как видно, что я достаточно созрела. – А тебе никогда не приходило в голову самой добраться туда?

Я уже открыла рот, чтобы сказать, что без карты шефа это невозможно, но вовремя спохватилась – это было бы слишком трезвое замечание.

– Разумеется, приходило, – хвастливо заявила я. – Именно потому я и не разговаривала с представителями Интерпола. Если захочу, так доберусь!

– Охотно верю тебе. Ты знаешь, где спрятаны алмазы. Неужели ты не думала о том, чтобы забрать их себе? Хватило бы на всю жизнь. Можно поездить по свету. Послушай, давай отправимся вместе!

Кактусу уже было море по колено.

– Я думала об этом. Одна я знаю, где они спрятаны. Подожду немного. Дождусь, когда ты меня бросишь, уйдешь от меня, а потом я пойду, извлеку эти алмазы и назло тебе стану жутко богатой. А ты будешь кусать локти,

что бросил меня. Ну, чего ждешь? Отправляйся к своим девкам. Знаешь ведь, что я тебя ненавижу!

Мне пришлось молоть всю эту чушь, потому что пьяная я всегда несу подобную чепуху, а мне надо было, чтобы он поверил, что я упилась. Он ответил:

– Какие еще девки? Никаких девок нет, я вовсе не собираюсь тебя бросать. Ты пьяна.

– Во все нет. Ты давно хочешь меня бросить. Пожалуй, я убью тебя, и дело с концом.

– Я сам убьюсь, если свалюсь в эту яму с алмазами.

Я обиженно заметила:

– Да никакая там не яма.

– А что?

– Откуда я знаю? Может, он их на дереве повесил.

– А если я попробую угадать, где именно, и угадаю, ты скажешь тогда?

– Бандиты уже пробовали. Нет уж, я сама их достану и перепрячу в гроте на Малиновской скале. Провезу наконец контрабанду через границу. А то таможенники мне не поверили. Вот им! Ха-ха!

С трудом выжала я из себя радостное хихиканье. Не до смеху мне было. Сколько раз раньше вели мы подобные разговоры, выясняя отношения. Остатки надежды улетучились из моего отчаявшегося сердца. Дьявол с холодным блеском в глазах открывал мой атлас.

Упорно и назойливо, без остановок, не давая мне опомниться, задавал он вопрос за вопросом. А с каким вниманием следил за мной, указывая на очередной пункт на карте! Никогда в жизни этот человек не проявлял ко мне такого внимания. Не было у него детектора лжи, но он сам действовал лучше всякого детектора, так что мне опять пришлось спастись в гроте на Малиновской скале.

Он долил мне виски. Кактус уже отключился, надо полагать.

К вопросам, касающимся места укрытия сокровищ, добавились и другие.

– А какие цифры назвал покойник? Он говорил по-французски, ты же поняла? Ведь ты лучше считаешь по-английски и по-датски. Ты могла ошибиться. Ты хорошо поняла все цифры, можешь повторить? Ну скажи, что он говорил!

С меня было достаточно. Я перешла в наступление.

– А что? – поинтересовалась я. – Кордильеры уже все обыскали?

– Нет, но... – начал он. И понял, что заврался. Слишком легко поверил, что я пьяна, и потерял контроль над собой.

– Ты ведь сама говорила, что это было в Европе.

Перестав притворяться, я молча смотрела на него, с удивлением чувствуя, как постепенно стихает отчаяние и его место занимает знакомая мне ярость, которая уже не раз толкала меня на необдуманные поступки.

Он тоже молчал. Поняв, что совершил ошибку, он теперь думал, как ее исправить. Отвернувшись, он взял бутылку и долил стаканы. Молчание становилось просто ощутимым.

– Я скажу тебе правду, – вдруг сказал он. – Вижу, что другого выхода у меня нет.

– Давай, – согласилась я. – Неужели мне доведется стать свидетелем уникального явления – ты скажешь правду?

– Ты что, совсем трезвая?

– Ни в одном глазу! – Я не скрывала своего удовлетворения. – Ну, я слушаю!

Ему достаточно было одного взгляда на обильно политый кактус. Свои комментарии он оставил при себе, а вслух сказал:

– Я в курсе твоих дел. Ты ведь знаешь, тебя искал весь Интерпол. Несколько месяцев назад сюда приезжал их человек и говорил со мной. Сначала они думали, что тебя уже нет в живых, потом о тебе стали появляться сведения, и они опять принялись за поиски. Они все время теряли тебя из виду и уже думали, что ты вернулась в Польшу и скрываешься здесь. Мне поручили передать им все, что я от тебя узнаю. Не понимаю, почему ты упорствуешь.

– Так, – сказала я. – И это все?

– И это все.

– Так просто?

– Ты сама видишь.

– Значит, мне надо постараться избавиться от своей мании преследования?

– Значит, надо.

Я сжалась над несчастным кактусом и наконец решила сама выпить то, что осталось в моем стакане. Все остатки иррациональной надежды, если бы они еще оставались в моей душе, сейчас должны были испариться окончательно. Я уже не думала о Мадлен, правду о ней мне он все равно не скажет. Дело в Интерполе. Для них гораздо важнее тайник в Пиренеях, дорожке всех алмазов мира были бы мои записи в календарике Дома книги! А ведь Дьявол знал об этом! Я ему рассказала о конференции гангстеров и о том, как я все подслушала. А он не задал мне ни одного вопроса об этом и вообще не обратил на это обстоятельство никакого внимания.

Отсюда напрашивался только один вывод: он совсем ошалел от любви к Мадлен и для нее пытался выжать из меня тайну. От Мадлен прямо путь ведет к шефу. Их ничто не остановит, они сделают все, чтобы добиться своей цели, и главного помощника нашли в моем собственном доме. И подумать только, ведь он так легко мог добиться желаемого. Если бы он с самого начала убедил меня, что сотрудничает с Интерполом, если бы расспрашивал о секретах гангстерского синдиката, если бы заставил себя проявить по отношению ко мне хоть видимость чувства – я, несчастная, измученная выпавшими на мою долю переживаниями идиотка, позволила бы себя обмануть!

– И ты расспрашиваешь меня только для того, чтобы передать информацию Интерполу? – с иронией спросила я.

– Нужно же мне иметь представление о случившемся, – возразил он. – Представитель Интерпола скоро приедет.

– Вот я ему все и расскажу.

– Твое дело, – произнес он обиженным тоном. – Интересно, его ты тоже будешь водить за нос?

Теперь я твердо знала, что мне грозит опасность. Неважно, что она не угрожала непосредственно моей жизни, зато меня могли похитить, оглушить, усыпить и кто знает что еще сделать. Я стала повсюду носить с собой пружинный нож, похищенный еще в Бразилии. Очень неудобно было носить его в кармане пальто – большой он был и тяжелый, и это обстоятельство усугубляло мое раздраженное состояние. Я попыталась предусмотреть все пакости, которые мне могли бы сделать, и по возможности предотвратить их, но этих пакостей было такое множество, что я ограничилась установкой в моей автомашине купленного вместе с ней противоугонного устройства. Будучи включенным, оно жутко взывало при малейшем прикосновении металлического предмета к автомашине. Я включала его каждый раз, когда покидала машину на срок, больший чем пять минут, и мне уже дважды удавалось вызвать милицейский патруль. Один раз какой-то пьянчужка приложился к багажнику пряжкой от своего ремня, а другой раз я сама забыла отключить устройство и всунула ключ в замок дверцы. Хотя мне было очень неприятно, я стала задавать глупый вопрос «кто там?», прежде чем открыть дверь квартиры, ела и пила только собственноручно приготовленное и вообще делала все от меня зависящее для собственной безопасности.

Дьявол демонстрировал смертельную обиду и не скрывал своей неприязни. Между нами выросла стена, которую уже невозможно было пробить. И тем не менее непонятно, почему он не хотел уйти от меня, хотя

я ему это и предлагала каждый день. От прежних терзаний не осталось и следа. Боже, какое облегчение испытала бы я, если бы наконец могла его не видеть! Никаких иллюзий у меня больше не было, осталась в душе лишь горечь. Да и она постепенно перерастала в ненависть – ненависть к этому человеку, который с такой беспощадной жестокостью жертвовал моей жизнью ради другой женщины.

Я не верила в представителя Интерпола и когда тот позвонил по телефону, была ошарашена.

– Мадам, – галантно начал он, – я преисполнен восторга оттого, что имею честь познакомиться с вами. Я прибыл специально для этого. Где бы вы желали встретиться со мной?

– Лучше всего в Главном управлении милиции, – не задумываясь, ответила я. – Думаю, у них найдется подходящее помещение.

Мой собеседник весело рассмеялся, дав понять, что оценил мой юмор.

– Я не убежден, что это наилучшее место, – с легкой запинкой произнес он. – Ведь я же прибыл неофициально. Предпочтительнее было бы встретиться на нейтральной почве. Так где же?

Мы договорились, что в таком случае он вечером просто придет ко мне. В конце концов, самым безопасным местом была моя собственная квартира, единственным опасным элементом которой был Дьявол. И все-таки подозрительность не покидала меня. Положив трубку, я подумала немного и вдруг приняла решение. У меня еще было время...

Майора Павловского я хорошо знала. То есть я не знала, есть ли у него дети и сколько им лет, что он любит на ужин и была ли в его жизни несчастная любовь, но я знала точно, что он уже много лет работает в Главном управлении милиции и занимает там ответственный пост. Он был на месте и принял меня, невзирая на отсутствие предварительной договоренности.

– Дорогой майор, – решительно начала я. – Прежде всего прошу вас поверить, что я не сошла с ума. Потом вы сможете проверить это с помощью психиатра, пока же примите на веру. Я влипла в такую дурацкую историю, что собственными силами не могу из нее выпутаться и не знаю, к кому обратиться за помощью. Спасите меня!

– Расскажите вкратце, в чем дело, – предложил майор.

Я не представляла, как можно вкратце изложить все это невероятное нагромождение событий, но честно попыталась:

– Будучи в Копенгагене, я случайно узнала одну вещь от одного человека, который, сообщив мне эту вещь, умер, так что теперь я одна знаю ее. Это касается международного гангстерского синдиката, занимающегося

азартными играми. С этим связан Интерпол. Может, вы и слышали, дело это тянется с прошлого года.

– Может, и слышал, – согласился майор, – если вы мне объясните, что именно.

– Интерпол устроил облаву, чтобы захватить все их имущество. Синдикат поспешно собрал все ценности и спрятал их, а покойник мне сказал, где именно. По ошибке. И я знаю это место. Бандиты увезли меня, чтобы выжать из меня тайну, но я подслушала их разговор, из которого узнала, что, выведав тайну, они меня убьют, поэтому ничего не сказала им. Ну, потом много чего было, мне удалось бежать. Я вернулась в Польшу, будучи уверена, что здесь окажусь в безопасности, но боюсь, что они и здесь настигнут меня.

– Почему вы не обратились в Интерпол, еще будучи за границей?

– Потому что боялась. И сразу хочу вам признаться, что страдаю манией преследования. Два раза в критических ситуациях я обращалась к представителям полиции, и оба раза они оказывались переодетыми гангстерами. Я боялась попасться в третий раз и не хотела рисковать. Боялась, что может получиться так: расскажу все представителю Интерпола, а потом окажется, что это опять переодетый бандит, который после беседы со мной тут же укокошит меня. Слишком много я о них знаю, знаю, где находится их резиденция, знаю местопребывание шефа, знаю их людей и адреса и еще многое другое. Они тоже не могут рисковать, и ничего удивительного, что так за меня взялись. Единственное утешение, что они не могут меня убить, пока не узнают тайну сокровища. Иначе плакали их денежки. Вас я знаю, вам я могу довериться. До некоторой степени, разумеется.

Казалось, последнее замечание развеселило майора.

– А почему только до некоторой степени? Где проходит граница вашего доверия ко мне?

– Видите ли... – Я не знала, как лучше ему объяснить. – Я понимаю, трудно поверить тому, о чем я рассказала. Вы вправе считать меня мифоманкой. Чтобы поверить мне, вам придется как следует все проверить, а до тех пор вы вряд ли примете всерьез мои опасения. И тем не менее ни вам, ни кому-нибудь другому я ни словечка не скажу об этих сокровищах, пока банда не будет ликвидирована. Сама же я об этом узнать не могу. И еще я знаю: пока я держу язык за зубами, я жива, так как без меня им этих богатств не найти.

– Так чего же конкретно вы ожидаете от меня?

– Сегодня вечером я буду разговаривать с человеком, который уверяет,

что является сотрудником Интерпола. Он придет ко мне домой. Я не уверена, что могу ему доверять, и боюсь. Он позвонил из «Гранд-отеля», сказал, что прибыл сегодня утром и что зовут его Гастон Мед.

– Как, простите?

– Пардон. Гастон Лемель. Это я для себя перевела его фамилию, чтобы легче запомнить. Я бы хотела, чтобы вы помогли мне связаться с людьми, которые занимаются этим делом. Наверняка у вас есть связи с Интерполом. Пусть они как-то проверят его и вообще помогут мне. Например, хорошо бы, если бы ко мне в гости где-нибудь в начале восьмого пришли два милиционера в форме. В случае чего они помешают ему прикончить меня.

Майор задумчиво посмотрел на меня, подумал и нажал кнопку.

– Полковник у себя? – обратился он к письменному столу.

– Да, но собирается уходить, – ответил стол женским голосом.

– Попросите его задержаться на несколько минут. Я сейчас к нему приду.

Полковник оказался очень милым пожилым мужчиной. У него было загорелое лицо и веселые глаза. При виде его у меня сразу потеплело на душе, но я уже не доверяла и самой себе. Ведь попала же я в переплет в Таормине со своей симпатией к мужчине моей мечты. Вот почему я решительно остановила майора, который начал было излагать суть дела.

– Минуточку. Пан майор, как давно знаете вы этого человека?

Лицо полковника выразило недоумение, но майор меня понял.

– Сейчас скажу точно, только подсчитаю... Так... Ага, двадцать два года.

– И этот человек все эти годы работал в милиции?

– В милиции работает еще дольше. Пришел сразу после окончания войны.

– И вы можете за него поручиться?

– Как за самого себя. И даже больше.

– Ну тогда хорошо. В случае чего моя смерть будет на вашей совести.

– Вы что, – спросил полковник, – выпили оба, что ли?

– Никак нет, – улыбаясь, ответил майор. – Сейчас вы поймете. Только что эта женщина сообщила мне удивительные вещи, которые могут представить для вас интерес. Ее похитили в Копенгагене, гангстерский синдикат, азартные игры, сокровища, спрятанные где-то...

– А! – прервал полковник, и его лицо прояснилось. – Так это вы?

– Вижу, что вы обо мне слышали! – обрадовалась я.

– И даже очень много. А почему вы пришли к нам? Произошло еще что-то? Что-то новенькое?

– Я не знаю, что для вас старенькое, – возразила я. – А пришла я, чтобы просить у вас двух сильных милиционеров в полном обмундировании. И не помешало бы, чтобы оружие было при них.

– В таком случае давайте побеседуем поподробнее. Благодарю вас, майор, вы и в самом деле доставили мне очень интересный материал.

Как показали дальнейшие события, слова эти он произнес не в добрый час. Если бы он мог предвидеть, насколько интересна и разнообразна станет из-за меня его жизнь, думаю, он немедленно выдворил бы меня из кабинета.

Майор попрощался и вышел. Я в подробностях рассказала полковнику обо всем, происшедшем со мной. Он молча слушал.

– А зачем вам два милиционера? – спросил он, когда я закончила. – Ведь в доме у вас есть защитник.

Он улыбнулся, и его глаза весело блеснули.

– Кого вы имеете в виду? – спросила я.

– Ваш супруг находится с нами в постоянном контакте.

Сначала я не поняла, о ком он говорит, потому что подумала о своем первом муже и никак не могла взять в толк, какая может быть защита, если он находится сейчас в Советском Союзе. Потом поняла, что полковник говорить о Дьяволе, и теперь уже у меня в голове все окончательно перепуталось. Хаос, царивший до сотворения мира, ни в какое сравнение не шел с хаосом, царившим сейчас в моем мозгу. Я молча смотрела на полковника. Наконец из хаоса вынырнула одна относительно четкая мысль. И я спросила – резко и агрессивно:

– А вы знаете о Мадлен?

– О какой Мадлен? – так же резко спросил полковник, а его веселые глаза сразу стали внимательными и зоркими.

Я глубоко вздохнула. Вот сейчас я могу покончить со всеми сомнениями. Хаос малость улегся.

– Полковник, – спокойно начала я, – вы знаете всю аферу, и вы убедились, что я умею молчать. Об этом свидетельствует факт, что я жива. У меня есть своя точка зрения на случившееся со мной, в моем распоряжении факты, и я делаю из них свои выводы. Полгода пребываю я в шкуре затравленного зверя, и мне просто необходимо немного покоя. Умоляю вас, во имя всего святого, скажите мне, что вы знаете о Мадлен? Я клянусь вам, что никому об этом не скажу. Вы знаете о Мадлен?

– А кто такая Мадлен?

Сдвинув брови, полковник внимательно и серьезно смотрел на меня, и я поняла, что он меня не обманывает. Он действительно не знал о ней.

– Прежде чем я расскажу о Мадлен, я хочу сказать вот что. Если вы действительно о ней ничего не знаете, значит, вас тоже водят за нос, и дело обстоит очень нехорошо. Подумайте, прошу вас, постарайтесь вспомнить. Я понимаю, существуют служебные тайны, но ведь я вас не спрашиваю, что вы о ней знаете, я спрашиваю, знаете ли вы вообще о ее существовании?

Говоря это, я подумала, что, может быть, напрасно морочу голову человеку, что та женщина вовсе не Мадлен, а какое-нибудь очередное увлечение, и она просто могла покраситься и стать платиновой блондинкой. Но ведь полковник, зная аферу, должен знать и о Мадлен, о том, что меня перепутали с ней и что с этого все и началось... И Дьявол не сказал мне, что сотрудничает с нашей милицией... И Интерпол должен интересоваться гангстерами, а не деньгами...

– Нет, – сказал полковник, подумав. – Ни о какой Мадлен я ничего не знаю. Говорю вам чистую правду, и никакой служебной тайны в этом нет. Кто она?

– Ну, тогда все пропало, – с горечью промолвила я. – Опять я одна против всего света. Конечно, вы поверите ему, а не мне. Правду знают сотрудники Интерпола, но их здесь нет. А впрочем, может, они тоже не знают, может, ее никто не знает. И во всем мире не найдется для меня безопасного места!

– Ну что вы так сгущаете краски, – сказал полковник, тронутый моим отчаянием. – Скажите, кто такая Мадлен и почему вас это так огорчает?

– Хорошо. Я сообщу вам только факты. Конечно, мои выводы из них могут быть ошибочны, но вам придется затратить много усилий, чтобы убедить меня в этом. Факт первый: покойник явился в игорный дом, чтобы передать сведения женщине по имени Мадлен, платиновой блондинке с темными глазами. В зале было довольно темно, а он умирал. У меня на голове был платиновый парик, цвет глаз – сами видите какой, а потом я узнала, что он ее лично не знал. Такова одна сторона медали.

Я остановилась, ожидая вопросов. Поскольку они не последовали, я продолжала:

– Факт второй: вернувшись в Польшу, я узнала, что в обществе моего, как вы любезно изволили выразиться, супруга видели платиновую блондинку с темными глазами, настолько похожую на меня, что моя лучшая подруга была уверена, будто это я. Было это за месяц до моего возвращения. Один мой знакомый видел эту самую блондинку в сером «опеле» и даже поклонился ей, будучи уверен, что это я. Это было уже после моего возвращения. Второй мой знакомый сообщил мне, что не

только видел меня, но и что я разговаривала по-немецки. Думаю, излишне здесь вспоминать о том, что «опеля» у меня нет, что я не говорю по-немецки и что тогда меня не было в Польше.

– Это все?

– Нет. Факт третий: вышеупомянутый супруг чуть ли не с первой минуты расспрашивает меня о месте, где спрятан клад. Даже попытался меня подпоить. В процессе спаивания я попала под перекрестный огонь его вопросов. В качестве вспомогательного орудия пустил в ход атлас. Факт четвертый: он один знал о том, как и когда я вернусь в Польшу. Все остальные были убеждены, что я возвращаюсь через Копенгаген. Возле самой границы на автострате меня ожидал автомобиль, который попытался меня задержать. Обратите внимание, ехала я очень быстро и без остановок.

– И каковы ваши выводы? – спросил полковник, потому что я опять остановилась.

– Пока я вам сообщаю факты. Выводы сделайте сами. Я сообщила ему, что тайник находится в Кордильерах. Узнайте, прошу вас, предпринял ли Интерпол какие-либо поиски в Кордильерах? Если да, то я, быть может, и подвергну сомнению свои выводы, если нет, перестану сомневаться в своих подозрениях.

– Ну, хорошо, – сказал полковник. – Мадлен и Кордильеры для меня новость, но очень может быть, что они знают о них. Теперь изложите мне, пожалуйста, более обстоятельно ваши подозрения.

– Я подозреваю, что эта женщина – Мадлен, что он влюбился в нее и пообещал выведать у меня местонахождение тайника. Я подозреваю, что это по ее настоянию он выжимает из меня информацию. Допускаю смягчающие вину обстоятельства: она могла наговорить ему, что мне ничего не грозит, что, получив свои сокровища, они оставят меня в покое. Кордильеры помогут нам определить, кому он передал информацию – ей или Интерполу. Поэтому я и прошу вас узнать...

– Понятно, – прервал меня полковник. – Я понимаю, что для вас все это тяжело и в личном плане. Разубеждать вас не стану, будущее покажет. А теперь объясните, откуда такая уверенность, что они обязательно должны убить вас?

– Я собственными ушами слышала, как они это обсуждали, – неохотно объяснила я. – Правда, был еще вариант сохранить мне жизнь – при условии полной изоляции. Но думаю, что последние события заставили их отказаться от этого варианта. Сейчас они живут как на вулкане. Они знают, что мне многое известно, но я знаю больше, чем они думают. Пока я ничего никому не говорю по очень простой причине: если я расскажу об этом

какому-нибудь неподходящему лицу и они узнают, то сумеют предпринять соответствующие меры, и их опять не поймают. И так будет тянуться до бесконечности. Сделайте что-нибудь.

– Видите ли, – в некотором замешательстве пояснил полковник, – по правде говоря, это дело не в нашей компетенции. Мы с ними никак не связаны, на нашей территории не совершено никакого преступления.

– А, понимаю, – прервала я. – Вы должны подождать, пока меня пристукнут?

– Ну, не надо преувеличивать. Надеюсь, что до этого не дойдет. Мы не можем сами ничего предпринимать, я свяжусь с Интерполом. Очень может быть, что ваши сведения чрезвычайно важны. А пока спокойно идите домой и поговорите с тем человеком. Мы проверим, кто он, и примем меры.

– Но позвонить-то вы хотя бы можете? Иначе я и разговаривать с ним не буду.

– Хорошо, вам позвонят около восьми...

– Минутку, – прервала я. – Пусть скажут пароль, чтобы я поверила.

– Какой пароль? – Глаза полковника опять весело блеснули.

– Все равно какой. Лучше всего цифры, я уже привыкла к цифрам. Например: двадцать четыре восемнадцать.

– Хорошо, пусть будет двадцать четыре восемнадцать. Думаю, что это излишне, хотя, возможно, на вашем месте я тоже стал бы подозрительным. И не волнуйтесь, все будет в порядке.

Я еле успела вернуться домой к приходу своего гостя. Интересно все-таки, кто он и чем все это закончится. Нервничала я ужасно. Беседа с полковником, с одной стороны, немного успокоила меня, а с другой – вселила новые опасения. Если Дьявол был связан с милицией, значит, он обманывал обе стороны – меня и милицию, – рассчитывая на отсутствие контакта между нами, и тогда неудивительно, что они меня не вызывали, будучи уверены, что получают полную информацию.

Не исключено, что меня они считают просто истеричкой.

Ну и пусть считают. Плевать мне на общественное мнение! Я уперлась всеми четырьмя лапами и твердо буду стоять на своем, а они пусть думают что хотят.

Гость оказался элегантным и почтенным на вид. Единственное, что мне в нем не понравилось, – это золотой зуб, который поблескивал, когда гость улыбался. Правда, зуб не передний, но все равно достаточно заметный.

Дьявол по собственной инициативе занялся приготовлением кофе, а

мы приступили к беседе. Гость владел французским и немецким.

– Я в восторге, – повторил он в восемьдесят пятый раз, сверкнув драгоценным металлом, и приступил к делу. – Мы располагаем довольно обширной информацией, – начал он, – но по-прежнему самое главное известно лишь вам. Когда мы получим от вас и эти сведения, мы сможем наконец полностью покончить с делом. Видите ли, вся загвоздка в том, что задержанные ни в чем не признаются и не называют тех, кто еще находится на свободе. И все потому, что рассчитывают на сокровища. Это их козырь. Лишив их этого козыря, мы выйдем у них почву из-под ног. Одно дело – годы тюрьмы, если в перспективе миллионы, и совсем другое, когда на получение этих миллионов не останется надежды. Тут они наверняка заговорят, рассчитывая на более мягкое наказание.

Ну что ж, все это звучало логично, да и сам гость не выглядел нахалом, и я склонна была продолжать беседу, но ее прервал Дьявол.

– Извини, пожалуйста, но я не могу найти сахар, – сказал он, ставя на столик кофе.

Меня это удивило, так как с утра сахарница была полна сахару. Пришлось отправиться на кухню. Действительно, сахарница оказалась пустой. Странно, куда мог подеваться сахар, ведь детей нет дома. Я не сразу нашла пакет с сахаром, засунутый в глубь шкафчика. Насыпав сахар, я вернулась с ним в комнату в тот момент, когда гость говорил по-немецки:

– Вы представляете, что значит для них инвентарь? Если мы одним махом конфискуем все их игорные столики, все рулетки – от такого удара им не оправиться.

Очень правильно он рассуждал. Сейчас наверняка последуют вопросы об адресах притонов и игорных домов на Ближнем Востоке. Я взяла свою сумку и вынула из нее календарик Дома книги, в котором у меня все эти адреса были записаны.

Меж тем представитель Интерпола продолжал:

– Это означало бы полное банкротство... – Он не договорил, увидев мой календарик. Я заметила, как они с Дьяволом переглянулись.

– У тебя это записано? – В голосе Дьявола было столько удивления, что я сразу поняла: он имел в виду шифр покойника. Не считая нужным отвечать на глупые вопросы, я лишь постучала себя по лбу. Алчность, с которой они оба смотрели на книжечку, всколыхнула все мои подозрения. Не выпуская из рук календарик, я насыпала сахар в кофе и принялась неторопливо его помешивать. В этот момент зазвонил звонок.

– Двадцать четыре восемнадцать? – спросили меня.

– Да, это я. Слушаю.

– Липа, уважаемая пани! То есть я хочу сказать, что он такой же представитель Интерпола, как я кардинал.

– Хорошо, что вы поставили меня об этом в известность, – со вздохом сказала я, почти не удивившись.

– Он еще там?

– Ага.

– Ничего ему не говорите. И еще полковник сказал, чтобы вы были осторожны, вам может грозить опасность. Еще просил передать, что насчет Кордильер вы оказались правы, – он сказал, что вы поймете. У вашего дома дежурят два наших сотрудника, достаточно только позвать.

– Лучше бы на лестнице, – заметила я. – У самой двери.

– Хорошо, один будет на лестнице. Ну, желаю успеха.

– Спасибо, – ответила я и повесила трубку.

– Кто звонил? – спросил Дьявол.

– Это насчет обивки мебели, – пояснила я. – Мастер сказал, что нашел подходящий материал.

Итак, военные действия против меня продолжаются. Я вернулась к столу и взялась за кофе, лихорадочно обдумывая линию своего поведения. Перед лицом явной опасности волнение мое, как всегда в таких случаях, постепенно перерастало в злость и ярость.

– А как поживает шеф? – ядовито поинтересовалась я.

– Шеф? – Гость был явно ошарашен таким поворотом.

– Шеф. Главная фигура. Шефа вы тоже поймали?

– Увы, к сожалению, шеф скрылся от нас, – сказал он, притворяясь огорченным. – И как раз лишение его всего богатства...

– А сейф? – прервала я.

– Какой сейф?

– Его сейф в замке Шомон. Раз вы проводите акцию по ликвидации гангстерского синдиката, вы наверняка провели обыск в замке Шомон.

В глазах гостя промелькнул столь явный интерес, что я испытала мстительное наслаждение при одной мысли, какую грандиозную свинью подложила шефу.

– Произвели... разумеется... – рассеянно произнес он, думая о чем-то своем. Похоже, я доставила ему чрезвычайно важную информацию для размышлений.

– Ах, я не спрашиваю вас о подробностях, – продолжала щебетать я. – Понимаю, что это секрет. Мне просто интересно, как вы открыли сейф. Ведь существуют две возможности...

В этот момент опять зазвонил телефон. Намереваясь с помощью

жестов пояснить, как открывается сейф и какие две возможности имеются в виду, я, неловко взмахнув рукой, опрокинула свою чашку кофе, которого даже не успела попробовать, и схватила телефонную трубку, но в ней сразу послышались короткие гудки.

Извинившись за свою неловкость, я принялась салфеткой вытирать разлитый кофе. Гость вернулся к прерванной теме:

– Мы говорили о сейфе. Вы можете рассказать, как он открывается?

Я уже собиралась сделать это, радуясь тому, как растет подложенная шефу свинья, но тут опять зазвонил телефон. Я подошла, подняла трубку, он опять выключился. Я встревожилась – а что, если мне звонят из автомата, чтобы предупредить о новой опасности? Сейф отодвинулся на второй план, беседа прервалась. Гость сидел и ждал, а Дьявол молча вытирал стол.

Я не успела вернуться к столу, как телефон зазвонил в третий раз. Я переждала несколько сигналов, прежде чем поднять трубку, но с тем же результатом: звякнуло – и отбой. Тогда я села у телефона, так как мне надоело бегать к нему, и стала ждать нового звонка.

Гастон Мёд поднялся с кресла. «В случае чего, – в панике подумала я, – стукну его телефонной трубкой по голове!» Но, оказалось, в этом не было нужды.

– Я полагаю, что нам еще о многом стоит поговорить, – сказал он, не подходя ко мне. – Если не возражаете, давайте встретимся завтра. А сейчас, к сожалению, мне пора. Если не возражаете, я позвоню вам завтра, чтобы договориться о времени и месте встречи.

– К вашим услугам, мсье, – ответила я в полном недоумении, в то время как он любезно раскланивался со мной. Что такое с ним приключилось? Ведь мы же прервали нашу беседу на самом интересном месте.

Я еще немного посидела у телефона, пытаюсь разобраться в случившемся. Потом бросилась к балконной двери, выходящей на улицу. У дома стоял серый «опель-рекорд». Гастон Мёд открыл дверцу и сел с той стороны, где сидит пассажир...

Еще один удар... Придя в себя и выпив в ванной холодной воды, я вошла в кухню и увидела, что Дьявол моет кофейные чашки. Я сразу же поняла и только потому не упала мертвой на месте, что была уже неплохо закалена несчастьями и переживаниями последних месяцев.

Вот уже много лет всю посуду в нашем доме, до последней ложки, мыла приходящая домработница. Всю жизнь мытье посуды было для меня самой ненавистной домашней работой, и я целиком предоставила ее

домработнице. Все остальные – мои сыновья и Дьявол – с готовностью следовали моему примеру, и не было случая, чтобы они что-нибудь вымыли добровольно, всю грязную посуду складывали в раковину. И вдруг он ни с того ни с сего сам моет чашки!

Я разлила своей кофе, даже не отпив... Три раза был странный звонок... Гастон Мёд прервал разговор на самом интересном месте и поспешно ушел, ничего не узнав от меня...

Ясное дело, телефонный звонок был условным сигналом, наверняка это они согласовали заранее. В моей чашке с кофе что-то было. Думаю, не яд, а какое-нибудь снотворное. Поскольку я никогда ничего подобного не принимаю, на меня могла подействовать самая малость.

«На нашей территории не совершено никакого преступления...» Того и гляди, совершат, и я выступаю в качестве приманки. Ну как мне выдержать весь этот кошмар? Теперь в собственном доме я буду бояться есть, в собственной кровати бояться заснуть. Нет, надо что-то придумать. К примеру, назвать место, какое-то время займет проверка, не наврала ли я опять, как в случае с Кордильерами. По крайней мере у меня будет хоть несколько спокойных дней. Поговорю с полковником. Придется ему удовольствоваться пока только попыткой покушения на меня.

– Надоела мне вся эта история, – сказала я Дьяволу нормально-раздраженным тоном. – С чего это он вдруг сорвался?

– Не знаю. Ты разговаривала с ним по-французски, откуда я могу знать? А где спрятаны ценности, ты ему сказала?

– В том-то и дело, что нет. Только собралась рассказать, как он подхватился – и был таков. Ничего не понимаю.

Дьявол не поддержал разговора. Он вытирал чашки, не глядя на меня, и я видела, как он напряженно чего-то ждет. Я знала чего.

– Ты ведешь себя как кретин, – продолжала я. Ну что ж это такое? Как видно, во всей этой истории мне суждено играть роль сладкой, не сладкой, но, во всяком случае, идиотки. – Напускаешь туману, делаешь глупости, а зачем? Не лучше ли было сразу сказать, что ты действуешь в контакте с милицией? Чего ты мне морочишь голову, что связан с Интерполом?

– С какой милицией?

– С нашей, польской. С нашими отечественными блюстителями порядка. Зачем ты заставляешь меня еще больше нервничать? Видишь ведь, что я и так нахожусь в состоянии истерии, так ты еще добавляешь нервотрепки.

– А ты откуда знаешь, что я действую в контакте с милицией?

– От полковника. Из-за твоей таинственности я попадаю в глупое

положение.

– Мне не велели говорить тебе, – спокойно сказал он, идя в комнату. – Видимо, полковник изменил первоначальное намерение. Ну ладно, теперь ты знаешь, поэтому хватит валять дурака. Где это место? Я завтра передам ему, и ты покончишь с этим делом. С меня тоже достаточно.

– Хорошо, – вздохнув, согласилась я. – Так и быть, скажу тебе, и отцепитесь вы все от меня. Раз и навсегда.

Я еще думала, не слишком ли это рискованно, но Дьявол уже вытаскивал атлас.

– Ну, так где?

– В Родопах, – неохотно сказала я. – На греческой территории недалеко от болгарской границы.

Очень редко можно было что-то понять по его лицу, но то выражение, которое появилось сейчас, я знала. Оно появлялось в тех редких случаях, когда при игре в бридж ему приходила выдающаяся карта, карта-чудо, о которой потом долго рассказывают друзьям в зимние вечера. Невероятная, сказочная удача! Надо было очень хорошо его знать, чтобы заметить это выражение, промелькнувшее на его лице. Он поверил!

Склонившись над картой Греции, я лихорадочно попыталась найти на ней что-нибудь правдоподобное.

– Здесь, – сказала я, показывая пальцем точку в горах. – Покойник назвал цифры и условные обозначения, которые я потом нашла на карте шефа.

– И ты не обозначила это место на карте для себя?

– Нет, это невозможно. Нужно знать расстояние в метрах. Те самые цифры.

– Какие? Что он говорил?

Я закрыла глаза, спешно пытаюсь восстановить в памяти те цифры, какими были обозначены линии на карте в Родопах. Если я ошибусь, они сразу поймут, что я говорю неправду. Какое все-таки счастье, что у меня такая хорошая зрительная память!

– Все сложено... – медленно начала я. И в этот момент мне представилось, что я опять оказалась в темном промозглом подземелье, так что следующие слова я чуть не заорала изо всех сил, подняв голову к потолку, – ...сто одиннадцать от двадцати девяти и тысяча тридцать два от «А», как Альберт. Опущено на глубину пятнадцать метров...

Я открыла глаза и добавила:

– Вот почему я считаю, что это спрятано в расщелине или пещере. Расстояние надо отсчитывать от определенного меридиана и определенной

параллели. Здесь их нет, карта шефа более подробная.

– Сто одиннадцать чего?

– Откуда я знаю? Может, метров, а может, футов, а может, каких-то других единиц, понятия не имею. Наверное, они между собой договорились об этом. Думаю, что без карты шефа никто не сможет найти это место. Параллели и меридианы, как правило, на местности не прочерчены. На его карте они были привязаны к точкам на местности.

Он записал цифры, которые я сообщила, изо всех сил стараясь скрыть охватившее его волнение. Я наблюдала за ним со сжавшимся сердцем. Неужели это все из-за Мадлен? Да нет, он вообще не способен на такие сильные чувства. Так в чем же дело? Он был похож на человека, который долго пробыл в неволе и перед которым неожиданно раскрылись двери на свободу. И вдруг пришло прозрение.

– Я думаю, – устало сказала я, – что теперь ты можешь уже уйти от меня. Ты достиг своей цели, больше тебя ничто не удерживает.

– Ты хочешь этого? – спокойно спросил он.

– Хочу. Больше всего на свете не люблю недоговоренности. Ты это прекрасно знаешь. Я была бы рада, если бы ты завтра начал собираться.

– Если тебе так этого хочется, я потороплюсь, – обиженно заявил он. – Я могу забрать все свои вещи?

– А на кой черт мне твои вещи?

– Как знаешь. Я думал, что нас еще что-то связывает...

– Связывало. Шифр покойника. Ты его получил. Беги, используй.

– Хорошо, я сделаю, как ты хочешь. Завтра уйду.

Он очень хотел изобразить смертельную обиду, но у него не получилось. Сохранять на лице непроницаемое, каменное выражение – это он умел, но ему не удалось погасить блеск глаз...

Первый раз за много дней я отправилась спать спокойно, зная, что по крайней мере в эту ночь мне ничто не угрожает.

Когда телефонный звонок разбудил меня, было уже позднее утро.

– С вами будет говорить полковник Едлина, – сказал приятный женский голос. В телефоне что-то трещало, слышались какие-то помехи. Потом раздался голос полковника:

– Алло, вы меня слышите? Не могли бы вы через час приехать на кладбище в Пальмирах? Вы знаете, где это?

– Знаю, конечно, – сказала я немного озадаченная. – А что случилось?

– Мы завершаем нашу операцию, вы увидите, чем она закончится. А кроме того, вы нужны, чтобы опознать одного человека. Итак, через час в Пальмирах. До встречи!

Положив телефонную трубку, я какое-то время обдумывала услышанное. Почему полковник не назвал пароль? Такое явное пренебрежение к моим тревогам и опасениям обидело меня. Ведь сам же согласился, что для меня последние месяцы не были усыпаны розами. Я хотела туда же позвонить ему и высказать свои претензии, но у меня не было под рукой его телефона, а разыскивать через Главное управление милиции не хотелось. Да и времени не было, если я собиралась через час быть в Пальмирах. Но почему именно в Пальмирах?

Через полчаса я уже ехала. Предстояло пробиться на север через весь город. Хотя я и успела выпить чаю, но еще не совсем проснулась, что, по всей вероятности, и спасло мне жизнь.

Сразу же за Ломянками на почти пустом шоссе передо мной появился какой-то человек и взмахнул милицейским жезлом. Если бы это был просто пассажир, который просил подвезти, я наверняка бы не остановилась, так как спешила. Милицейский жезл – другое дело. Я остановила машину и подкатила к нему задним ходом.

– Я ожидаю вас по распоряжению полковника Едлины, – сказал он. – Мне поручено показать вам дорогу. Разрешите?

– Пожалуйста. А пароль он вам сообщил?

– Пароль? Нет, никакого пароля не назвал.

– Как бы мне не пришлось на него рассердиться, – пробурчала я и резко взяла с места.

До дороги, сворачивающей к Пальмирам, было недалеко. И даже настолько недалеко, сколько совсем близко, так что я, находясь еще в полусонном состоянии, с ходу проскочила ее. Когда же у меня перед глазами мелькнул указатель, я так резко затормозила, что мой спутник, который полез в карман за сигаретами, вынужден был обеими руками упереться в приборную доску. При этом у него что-то упало.

– Ох, простите, – сконфуженно извинилась я. – Мы проскочили поворот, и я не успела предупредить вас, что торможу.

Пришлось развернуться, и тут мой мотор вдруг чихнул. Раз чихнул, два чихнул, а потом тихонько забулькал и замолк. По инерции я съехала на обочину и остановилась как раз перед указателем поворота на Пальмиры.

– Что случилось? – встревожился мой спутник.

– Не знаю, – раздраженно ответила я. – То есть знаю, я просто забыла заправиться.

– С ума сошла! – рывкнул он с такой совершенно неожиданной злостью, что я была поражена. В конце концов, в спешке люди забывают и о более важных вещах, не только о каком-то там бензине. Я уже собиралась

сказать, что у меня есть с собой канистра бензина, которую я, хорошо зная себя, всегда вожу с собой, как вдруг почувствовала какой-то подозрительный запах. Едва уловимый знакомый запах, который всегда ассоциировался у меня с больницей.

Я замерла. Мягкая рукавица датского полицейского... У этого типа что-то только что упало... Полковник назвал пароль...

Не раздумывая, я открыла дверцу и вышла из машины. Он тоже вышел и тупо уставился на меня, не зная, что предпринять.

– Мне кажется, раз мы так торопимся, имеет смысл вам отправиться к полковнику пешком, – посоветовала я. – А я подожду здесь на дороге. Может, кто-нибудь даст мне немного бензина, и я догоню вас. Поспешите же!

– Пожалуй, вы правы, – согласился он со мной, как мне показалось, с облегчением и чуть ли не рысью бросился в сторону Пальмир.

Я закурила и, глядя ему вслед, медленно приходила в себя. Их темпы меня ошеломили: так быстро, так сразу? Поставив себя на их место, представила, как бы они действовали. Все очень просто. В это время года и дня в Пальмирском лесу всегда пустынно. Они одурманили бы меня той пакостью, вонь которой еще чувствуется в машине, стукнули бы чем-нибудь в левый висок, инсценировали несчастный случай – ну, вроде автомашина врезалась в придорожное дерево, – потом продырявили бы переднюю левую покрышку, а поблизости оставили бы следы колес какой-нибудь машины – и катастрофа готова. Или можно врезаться в дерево той стороной, где бак, и поджечь машину. Тоже неплохо.

Очень живо представив себе все это, я пришла в соответствующее настроение. Погасив сигарету, я открыла багажник и только сейчас сообразила, что канистра полная, что в ней двадцать литров бензина и что мне ни в жизнь ее не поднять, не говоря уже о переливании бензина в бак. Я подумала о шланге, но тут, к счастью, увидела приближающуюся машину и замахала рукой.

Прекрасный черный «БМВ-2000», направляющийся в сторону Варшавы, затормозил, поравнявшись со мной. За рулем сидел симпатичный на вид человек, хотя лицо его и не выражало восторга от того, что пришлось остановиться.

– Что случилось? – спросил он, открыв дверцу.

– Очень прошу извинить меня. – Я сокрушенно вздохнула. – Но не могли бы вы помочь мне поднять эту штуковину?

– Штуковину? – переспросил он, наморщив брови, как бы пытаясь отыскать в памяти это слово.

Я посмотрела на номер его машины. Французский. Может, он иностранец?

– Канистру, – пояснила я. – В ней двадцать литров. Мне ни за что не поднять, а бензин налить надо.

– А, пожалуйста. Где она у вас?

Он вышел из машины, а я с сомнением смотрела на него. Он был высокий, худощавый, опять же очень похож на интеллектуала. Хватит ли у него сил? Но канистру я показала и бак открыла.

– А не помочь ли вам? – вежливо предложила я. – Может, мы вдвоем поднимем ее?

Он как-то странно посмотрел на меня и одной рукой так легко вынул канистру, будто в ней было не больше ста граммов. Открутив крышку, поднял канистру и вылил ее содержимое в бак. Мало кто сумеет одним духом перелить двадцать литров бензина из высоко поднятой канистры, чтобы руки не дрожали. Казалось, для него это вообще не тяжесть. Поразительно!

Думаю, что к восхищению женщины ни один мужчина не останется равнодушным. Вот и этот улыбнулся, по собственной инициативе завернул крышку, положил канистру на место и запер багажник. Мне показалось, что и он почувствовал ко мне симпатию.

– Может, еще что-нибудь нужно?

Я очнулась и отвела от него восхищенный взгляд.

– Ах, нет, большое спасибо. Как изумительно вы это сделали! Огромное спасибо, и прошу извинить, что остановила вас. Ведь вы наверняка спешили.

– Пустяки. Для меня это было только приятно. Всего хорошего!

Усаживаясь в машину, он бросил взгляд на номер моего «ягуара» и, как мне показалось, хотел что-то сказать, но передумал и жестом показал, чтобы я первая тронулась. Теперь я заколебалась, так как уже настолько пришла в себя после испытанного страха, что подумывала, не устроить ли мне нападение на засаду, поджидающую меня в Пальмирах. Я могла бы, например, таранить их «ягуаром»... Нет, пожалуй, воздержусь. И я двинулась обратно в Варшаву, а за мной ехал «БМВ».

Приблизительно за две недели до этого перед маленьким домиком в Биркерде поздно вечером остановилась машина. Алиция выглянула в окно кухни и позвала Торкиля:

– Посмотри. «Вольво-114». Уж не Иоанна ли приехала?

Мы с Торкилем очень любили друг друга, причем мое доброе отношение к нему было вполне обоснованно, а вот за что он меня любил –

совершенно непонятно. Оба они с Алицией восприняли мое исчезновение как большое несчастье, очень радовались, что я отыскалась, и теперь оба помчались к выходу. В дверях они столкнулись с инспектором Йенсеном.

– Прошу извинить за столь поздний визит, – сказал господин Йенсен, – но дело срочное. Ваша подруга опять исчезла.

– Это уже стало у нее дурной привычкой! – воскликнула взволнованная Алиция и пригласила инспектора войти.

Спокойно и по-датски основательно инспектор изложил суть дела. Основываясь на телеграмме, посланной мной Алиции – разумеется, Алиция известила о ней инспектора, – а также на сведениях, полученных из датского посольства в Париже, меня уже два дня ожидали в Дании. А меня все нет. Не звонила ли я ей?

– Не знаю, – ответила Алиция неуверенно. – Муж перекапывал сад и повредил кабель, так что наш телефон не работал какое-то время. На работу мне кто-то звонил, но меня как раз не было. Так что не знаю.

Инспектор Йенсен очень огорчился. Подумав, он спросил Алицию, где, по ее мнению, я могла бы находиться. Алиция попросила объяснить, в чем, собственно, дело. Господин Йенсен объяснил.

Начатая Интерполом еще в конце прошлого года кампания близилась к концу. Было арестовано много людей, занимающихся преступной деятельностью, прикрыто много притонов, конфискованы значительные суммы. И это все. Верхушке гангстерского синдиката во главе с шефом не только удалось скрыться от правосудия, но и скрыть почти весь капитал шайки, а Интерпол очень рассчитывал его захватить, что было бы равносильно отсечению главной головы гангстерской гидры. А теперь вышеупомянутая гидра отращивает новые головы, в целом ряде мест появляются новые притоны, и все свидетельствует о том, что акция Интерпола может тянуться до бесконечности. Из каких-то неведомых источников Интерпол узнал, что все богатство шайки где-то спрятано, но никто не знает где. С другой стороны, стало известно также, что в полиции бандиты имеют своего человека, но опять же никто не знает, кто он. В довершение ко всему, в Северной Африке наблюдается подозрительное оживление в области развлекательного бизнеса, причем это оживление идет вразрез с гангстерской деятельностью в Европе. Полиции, разумеется, это очень на руку, но тем не менее она очень хотела бы знать, в чем все-таки дело.

Вот почему моего прибытия ожидали с таким нетерпением, рассчитывая, что кое-что я смогу прояснить, что смогу назвать им хоть некоторых представителей гангстерской элиты. Польское и датское

посольства в Париже уже заручились моим согласием побеседовать с кем надо, и вдруг я исчезаю. Разумеется, поиски продолжаются. Если я покинула Францию, то должна была где-то пересечь границу. Как раз этот момент находится сейчас в центре внимания полиции. Известно, что я приобрела бежевый «ягуар», хотя не исключено, что могла бросить машину и уехать на чем-нибудь другом. Причем никто не поручится, что под собственной фамилией. В связи с вышеизложенным не приходят ли в голову моей приятельницы какие-нибудь предположения?

Алиция глубоко задумалась и выдвинула предположение.

– Она поехала в Польшу, – решительно заявила моя подруга. – Ее телеграмма и то, что вы, господин инспектор, рассказали, позволяют предположить, что ее преследуют и что ее жизни угрожает опасность. А я знаю – вы уж извините, но человеку позволительно иметь хобби, – так вот, моя подруга полагается только на польскую милицию. Я уверена, что она поехала в Польшу.

Стремление добраться до родины как последнего прибежища не показалось инспектору Йенсену столь уж странным. Он опять немного подумал, заявил, что проверит, и очень просил немедленно сообщить ему, если от меня придет какая-нибудь весточка.

Весточка действительно пришла. Это было мое письмо. Алиция получила его спустя две недели после визита инспектора. Алиция прочла три раза мое послание и очень расстроилась. Семь раз звонила она инспектору Йенсену, никак не могла его застать и расстроилась еще больше. Наконец дозвонилась, и поздно вечером он опять нанес ей визит.

Господин Йенсен выглядел растерянным.

– Мы нашли вашу подругу, – сказал он Алиции почему-то грустным голосом. – У нее был представитель Интерпола из Парижа. К сожалению, ваша подруга не пожелала с ним разговаривать, даже не впустила его в квартиру и обошлась с ним... гм... невежливо... невзирая на присутствие польской милиции. Мы не знаем, как это объяснить.

К тому времени Алиция выучила мое письмо наизусть и знала, как это объяснить.

– Я давно знала, что этому человеку нельзя доверять. Сколько раз я ей это говорила! – в гневе выкрикнула Алиция и добавила – Вы должны поторопиться! Я совсем не хочу, чтобы мою подругу убили.

Господин Йенсен ничего не имел против того, чтобы поторопиться, но не понял, о каком человеке говорит Алиция. Тогда Алиция перевела ему отдельные фрагменты моего послания, те, в которых я описывала, как нарвалась на гангстеров, переодетых полицейскими, о присутствии в

Польше Мадлен, о фактах, свидетельствующих против Дьявола, и о моих подозрениях. Многие из того, что прочитала Алиция, подтверждалось информацией, имеющейся в распоряжении инспектора. Он внимательно слушал, кивая головой.

Затем он так же внимательно выслушал то, что ему сочла своим долгом сказать Алиция, и глубоко задумался. Подумав, он заявил, что все понял. Как и следовало предполагать, испытания, выпавшие на мою долю, сделали меня несколько подозрительной, недоверчивой. Меня можно понять. Он сам, например, был бы удивлен, если бы после всего пережитого я стала бы откровенничать со всеми подряд. Напротив, моя сдержанность достойна всяческих похвал. И тем не менее со мной надо же как-то общаться. Он думал, что это будет нетрудно, но теперь его мнение по данному вопросу изменилось. Собственно, оно стало меняться уже тогда, когда ему сообщили, что парижского сотрудника Интерпола я пыталась спустить с лестницы, публично обзывая его «лысым боровом». Может быть, в связи с вышеизложенным моя подруга придумает какой-нибудь способ убедить меня, что тот человек, которого ко мне направят, достоин доверия.

Алиция попросила господина Йенсена подождать и позвонила мне в Варшаву.

После того как мы с ней убедились, что говорим именно мы, а не подставные лица, Алиция первым делом спросила:

– Что это за лысый боров был у тебя?

В ответ послышалось разъяренное рычание:

– Очередной бандит! Маленький, с большой головой, лысый! С розовой мордой. И она лоснилась, а из ушей торчали клочья шерсти. И блондин! С меня достаточно блондинов!

– А почему ты его спустила с лестницы? – поинтересовалась она, оставив в стороне вопрос, почему я решила, что он блондин, если он лысый.

– А что, я должна была встречать его с распростертыми объятиями? К сожалению, не спустила, его поддержал какой-то кретин, который поднимался следом за ним.

– Но ведь это был сотрудник Интерпола!

В ответ раздался иронический смех:

– Ты веришь этим сказкам? Да он просто-напросто выдал себя за сотрудника Интерпола, как и все они тут. Представляешь, явился ко мне после того, как им не удалось разделаться со мной в Пальмирах. Дудки, не на такую напали!

О покушении в Пальмирах Алиция ничего не знала, так как письмо мое было отправлено раньше. Она потребовала подробностей и узнала, как покушались на мою жизнь, как я чудом избежала смерти – только благодаря своей рассеянности, как за мной гнался усатый балбес, лысый и мордастый, как меня коварно заманили в Главное управление милиции и там – представь! – хотели заставить общаться с вышеупомянутым балбесом, вкравшимся в доверие к некоторым близоруким сотрудникам польской милиции, но я его сразу раскусила и тут же дала ему полную и исчерпывающую характеристику, которую, к сожалению, ему перевели не полностью, после чего сбежала домой и теперь сижу, забаррикадировавшись в своей квартире. Никому я не верю, и обмануть меня больше не удастся.

– Ну хорошо, – сказала Алиция, не вдаваясь пока в подробности моего поведения. – Ты инспектора Йенсена знаешь?

– Знаю, а что?

– Веришь ему?

– Нет.

– Но почему же?

– Откуда я знаю, он мог за это время сто раз измениться.

– Ну а мне ты веришь?

– Тебе верю, – без колебаний подтвердила я.

– Ну так вот, я тебе говорю...

– Глупости, – прервала я. – Что с того, что я тебе верю, если я не уверена, что это ты?

Алиция опешила. Придя в себя, она возразила:

– Но ведь ты же со мной говоришь?

– Ну и что? Я ведь тебя не вижу. Может, держат тебя под прицелом. Ты их не знаешь, но я-то знаю, что они способны на все!

Алиция поняла, что дело серьезнее, чем она думала. Надо что-то предпринимать.

– Послушай, – решительно заявила она. – Обещаю тебе все самым тщательным образом проверить, так что с человеком, который сошлется на меня, ты сможешь смело говорить. Согласна?

– Пусть он еще мне докажет, что он от тебя, – упрямо стояла я на своем.

– Хорошо, докажет...

Она положила трубку и задумалась. Инспектор Йенсен терпеливо ждал.

Алиция прекрасно знала и инспектора Йенсена, и характер его работы.

Тем не менее была полна решимости еще раз все проверить, так как свои обещания привыкла выполнять честно. Со свойственной ей проницательностью Алиция сразу поняла причины и последствия мании преследования, овладевшей мной. С инспектором Йенсеном они договорились о следующем: человека, которого они командируют ко мне, представят Алиции, дадут ей сутки на ознакомление с ним, после чего она лично его проинструктирует, как он должен себя держать, чтобы я ему поверила.

Господин Йенсен развил чрезвычайно оживленную деятельность, в ходе которой пользовался телефоном и коротковолновым передатчиком, отправил несколько телеграмм, лично посетил множество учреждений, съездил в аэропорт и на исходе следующего дня привез к Алиции посланца. Алиция в свою очередь посетила несколько учреждений, причем забралась так высоко, что выше остался разве лишь один король, и говорила несколько раз по телефону и, вполне удовлетворенная результатами, осмотрела представленного ей посланца. Он выглядел вполне пристойно и даже вызывал симпатию, не был блондином, не был лысым, с вполне интеллигентным лицом, не красным и не лоснящимся. Удовлетворенная и на этот раз, она проверила его удостоверение и велела ждать до завтра.

В оставшееся до следующего дня время она развила не менее интенсивную деятельность, в результате которой значительно возросли ее счета за международные телефонные переговоры. Когда наконец совесть ее была успокоена, Алиция потребовала свидания с симпатичным посланцем с глазу на глаз.

— Прежде чем вы начнете с ней говорить, скажите ей вот это: зразы говажьи по-варшавски. Только не уверена, что вы сумеете...

Разговаривали они по-французски, но пароль Алиция назвала по-польски, и, естественно, у нее возникли сомнения, сможет ли иностранец произнести его как следует, не переврет ли.

— Это, пожалуй, самый оригинальный пароль из всех, какие мне приходилось слышать, — улыбнувшись, заметил по-польски посланец. — Зато и запомнить его будет нетрудно.

— Почему же вы мне сразу не сказали, что знаете польский? — вскричала Алиция с упреком. — Вы когда едете в Варшаву?

— Да я уже целую неделю пробыл там. А сюда приехал лишь затем, чтобы увидеться с вами.

— Вы уже говорили с Иоанной?

— Нет, я был занят другим делом.

Он неуверенно глянул на Алицию, не зная, стоит ли продолжать, и

добавил озабоченно и сочувственно:

– Боюсь, вся эта история очень дорого обошлась вашей подруге.

Затем он сел в самолет и отправился в Париж, где у него состоялся важный разговор – на этот раз по его собственной инициативе, – после чего он опять сел в самолет и отбыл в Варшаву.

Мое ужасное душевное состояние объяснялось целым рядом причин. События развивались в бешеном темпе. Сразу же после пальмирской авантюры произошел инцидент с лысым боровом. Дело было так. На обратном пути из Пальмир я все никак не могла прийти в себя. До Белян я тряслась от пережитого страха, проехав же Беляны, стала пылать яростью. В конце концов, сколько можно отравлять мне жизнь? Где же конец обману и лжи? Да попадись мне эти мерзавцы, поубивала бы их всех!

Лысый боров – в точности такой, как я описала его Алиции, – выскочил из автомашины, стоявшей перед моим домом, и бросился вслед за мной по лестнице, громко крича, что ему срочно необходимо поговорить со мной. Единственные же звуки, которые я тогда была в состоянии производить, – это скрежетать зубами и разъяренно шипеть. За лысым боровом следовал еще какой-то человек, и он действительно принял борова в объятия, когда со сдавленным криком: «Прочь, уходи!» – я толкнула его с лестницы третьего этажа. Грамматика в моем выкрике хромала, но слова должны были быть понятны лысому борову, так как он излагал свои просьбы по-французски. Я еще задержалась на площадке четвертого этажа, чтобы подкрепить упомянутое высказывание несколькими подобными, а затем вбежала в свою квартиру и захлопнула дверь.

Через час я вынуждена была ее открыть, так как ко мне прибыли два сотрудника милиции в мундирах. Они принесли повестку. Вызывал полковник. При мысли о полковнике я испытала такую горечь и одновременно злость, что тут же помчалась к нему, чтобы высказать все, что я о нем думаю. Сотрудники милиции еле поспевали за мной. Прибыв в управление милиции, я сразу же, еще в вестибюле, наткнулась на лысого борова. Представляете?! Забыв о своем намерении рассчитаться с полковником, я здесь же, внизу, устроила чудовищный скандал.

Я выразила свой решительный отказ – на нескольких языках, чтобы дошло до борова, – вести какие-либо переговоры, поставила под большим знаком вопроса способность нашей милиции заниматься вообще какими-либо делами, допустив таким образом прямое оскорбление властей, смешала с грязью присутствующих, пытавшихся что-то мне объяснить, и только после этого несколько поутихла. Прежде чем зрители этого спектакля успели прийти в себя, я важно заявила, что мне надо в туалет, и

под этим предлогом скрылась.

Кружным путем в семь часов вечера вернулась я домой – озлобившаяся на весь мир, никому не доверяющая, решившая отныне рассчитывать только на себя. Я не помнила, заперла ли я входную дверь, торопясь в милицию, так что следовало принять меры предосторожности. Вынув из тайника в машине пружинный нож, я включила в «Ягуаре» противоугонное устройство и на цыпочках поднялась по лестнице. Если я оставила дверь незапертой, они могли проникнуть в квартиру и там устроить засаду.

На лестнице не оказалось ничего подозрительного. Вставив ключ в замочную скважину, я повернула его так бесшумно, будто всю жизнь занималась кражами со взломом. Так же осторожно нажала на ручку и, открыв дверь, на всякий случай отскочила в сторону.

Ничего не произошло. Тогда я присела на корточки и осторожно сунула голову в квартиру. Не заметив ничего подозрительного, я могла себе позволить войти нормально. На всякий случай я закрыла дверь тоже бесшумно: шуметь можно будет лишь после того, как осмотрю всю квартиру и никого в ней не обнаружу. Открыв дверь в комнату, я остановилась на пороге.

Дьявол собирал свои вещи в небольшой чемодан.

Долго я стояла, наблюдая за ним, пока он случайно не повернулся и его взгляд не упал на меня. И тут этот неестественно хладнокровный человек вздрогнул и, будучи не в состоянии справиться с собой, уставился на меня так, будто увидел привидение. Меня это не удивило – ведь в Пальмирах меня ожидала засада, меня должны были убить, он об этом знал. И вообще, я дошла до такого состояния, когда меня уже ничто не удивляло.

– Вижу, что ты наконец и в самом деле собрался уходить? – вежливо поинтересовалась я.

– Ведь ты этого хотела, – возразил он, успев прийти в себя.

– Ах как трогательна твоя готовность исполнять мои желания!

Действуя по намеченному плану, я все-таки осмотрела квартиру, глянула в шкафы, убедилась, что, кроме нас двоих, в квартире никого нет, и заперла дверь на ключ.

– Разреши мне часть вещей оставить, – холодно попросил Дьявол. – Я не в состоянии унести все за один раз. На днях заберу остальные.

– Поступай как считаешь нужным, только уходи поскорей.

Пусть оставит вещи, вещи не кусаются, лишь бы сам скорей ушел. Его присутствие держало меня в страшном напряжении, более того, я воспринимала его как постоянную угрозу, постоянную опасность,

нависшую над моей головой. Я понимала, что у него не только не осталось ко мне никаких теплых чувств, но, напротив, теперь я ему только мешала. После того как он из-за Мадлен впутался во всю эту аферу, он, как и все прочие члены банды, был заинтересован в моем исчезновении. И я вдруг очень явственно представила, как бы чувствовала себя в обществе шефа, если бы, скажем, по причине временного умственного затмения, выдала ему тайну. Ужас охватил меня при мысли о безграничной и беспощадной жестокости этих людей.

Я приготовила себе чай, выбрала кресло, стоявшее в углу комнаты, и уселась с чашкой в руках, положив рядом пружинный нож. Похоже, я несколько переборщила в своей любви к риску. Роль приманки оказалась мне явно не по силам, надо честно признаться в этом. Не доросла я до нее. Неожиданно я выпалила:

– Оставьте в покое Родопы. Нет там ничего.

Думаю, что если бы изо рта у меня вырвалось пламя, оно не поразило бы его сильнее, чем эти слова. Никогда в жизни не видела я его в подобном состоянии. Страшно побледнев, Дьявол вскочил, отбросив чемодан, и в его взгляде отчетливо читались ужас и ненависть. Я понимала, что мое заявление могло быть и неожиданным, и неприятным, но чтобы до такой степени... В чем же все-таки дело?

– Ты что, делаешь из меня дурака? – не своим голосом заорал он, бросаясь ко мне. Лязгнув, сам собой открылся нож. Дьявол замер на месте.

– Не подходи, – сказала я. Красный туман застилал мне глаза. – Советую держаться на расстоянии. Поверь, это добрый совет.

И в этот момент зазвонил телефон. Ни он, ни я не шевельнулись. Телефон звонил и звонил. Первым опомнился Дьявол.

– Психопатка, – сказал он, пожимая плечами, и снял трубку. – Алло! Слушаю! Это тебя, – обратился он ко мне.

– Ха-ха, – только и произнесла я, полная решимости не покидать своего безопасного уголка в кресле.

– Да опомнись же, кретинка! Звонит полковник Едлина.

Я пожала плечами:

– Можешь сообщить ему, что я не подойду к телефону, даже если будет звонить сам Господь Бог.

Смешно было слышать, как Дьявол, пытаясь убедить меня, что говорит действительно с полковником, пространно объяснял собеседнику, почему именно я отказываюсь подойти к телефону. Его собеседник делал вид, что настаивает на разговоре со мной.

– Полковник говорит – ему бы только услышать твой голос и

убедиться, что ты жива, – раздраженно сказал Дьявол, протягивая мне трубку.

С меня было достаточно. Я заорала во все горло:

– Да отвяжитесь вы все от меня! Какое ему дело до того, жива ли я! Пусть катится ко всем чертям!

– Увы... – начал было Дьявол. – А, вы слышали! Пожалуйста, пожалуйста, до свиданья.

Не взглянув на меня, он снова занялся чемоданом. Какое-то время в комнате царило молчание.

– Так как же обстоит дело в Родопами? – прервал молчание Дьявол, запирая чемодан. – Ты соврала?

– Соврала, – подтвердила я.

– Сейчас соврала? – Он наконец посмотрел мне в глаза. – Опять хочешь все запутать. Вот только не знаю зачем.

– Затем, чтобы ты на своей шкуре почувствовал, что значит жить в атмосфере неуверенности. Уже несколько лет ты держишь меня в таком состоянии.

– Решила отомстить?

Я позволила себе выразить наивное удивление:

– При чем тут месть? Если я наврала о Родопах, какие могут быть к тебе претензии?

Он не ответил, напряженно о чем-то раздумывая. Когда он заговорил, в его голосе чувствовались решимость и отчаяние:

– Так ты утверждаешь, что сейчас говоришь правду? А тогда лгала? Значит, покойник сказал не то, что ты мне сообщила?

– Ну, разумеется, не то. Неужели ты думал, что я уж совсем дура? Из всего, сказанного мной, верно лишь то, что он действительно называл цифры, обозначающие расстояния, и что без карты этого места не найдешь. Остальное я выдумала. Можете обшарить все Родопы, каждый камешек. Ничего не найдете.

– Зачем ты это сделала? – тихо спросил он. Думаю, таким разъяренным мне его не приходилось видеть.

– Ты прекрасно знаешь зачем, – холодно ответила я. – И не считай меня глупей, чем я есть.

– О чем ты, не понимаю.

– Можешь не понимать, дело твое.

Я сидела, съежившись в кресле, с ножом в руке. Больше всего на свете сейчас Дьяволу хотелось узнать от меня правду. Будь у него пистолет, он, не задумываясь, пустил бы его в ход. Нож в моей руке отбивал охоту к более

близкому контакту со мной. Не сказав больше ни слова, он ушел, оставив чемодан на полу. Я слезла с кресла и заперла входную дверь, накинув еще цепочку.

В восемь опять зазвонил телефон. Поскольку еще не изобрели способа убивать по телефону, я после некоторого колебания подняла трубку.

– Двадцать четыре восемнадцать, – сказал полковник раздраженным тоном. – Скажите на милость, что это вы вытворяете?

– Вы меня очень хорошо охраняете, большое спасибо, – язвительно поблагодарила я. – Нормальный человек на моем месте уже давно отдал бы концы. Больше я на такую удочку не попадусь.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. И вообще, возьмите себя в руки, постарайтесь избавиться от этой мании преследования. Приезжайте ко мне, вас ожидает сотрудник Интерпола.

– Кто, этот лысый боров?

Полковник вроде бы заколебался:

– Ну, если вам угодно именно так его называть... Мы вас ждем уже целый час! Вы должны были приехать к семи.

– А в Пальмирах вы тоже меня ждали? – зловещим тоном произнесла я.

– В каких Пальмирах?

– На кладбище. Ничего не скажешь, место самое подходящее. Какого черта вы велели мне ехать в Пальмиры? Так вот, слушайте. Сейчас уже вечер, я подожду до утра. А утром устрою скандал на весь город, уж будьте уверены. Всем расскажу – и вашему начальству, и вашим сотрудникам. Я поставлю в известность контрразведку! И пожарную команду! И в газеты позвоню! Втихую мне теперь шею не свернут, если и погибну, так с музыкой! Пусть все об этом узнают.

Полковник очень рассердился:

– Да что вы такое говорите? Кто свернет вам шею? Что случилось в Пальмирах?

– Уж вы-то должны быть в курсе.

– Ну хорошо, хорошо. Я в курсе, но я хочу еще раз услышать от вас. Допустим, мне доставляет удовольствие слушать рассказы о том, что я сделал. Итак, что же случилось?

– Да ничего особенного. Позвонила ваша секретарша. Сказала, что соединяет с вами. И соединила. Вы велели мне через час быть в Пальмирах, потому что кончаете операцию и мне надо кого-то опознать.

– И я назвал пароль?

– Нет, и теперь я понимаю почему. Сейчас вы намерены утверждать,

что не вы звонили.

– Намерен, честное слово, намерен, – подтвердил полковник. – Подождите минуточку, я вам сейчас перезвоню.

Минуточка растянулась на полчаса. Потом полковник снова позвонил, и мне показалось, что он очень рассержен.

– Хотелось бы знать, что вы успели сделать за то короткое время, которое прошло между вашим визитом ко мне и утром сегодняшнего дня? – спросил он. – Вам действительно звонили, действительно вызывали в Пальмиры. Как вам удалось выйти из этого живой и невредимой?

– Только потому, что бензина не хватило. И еще потому, что я излишне нюхливая. Вот если бы они догадалась применить другую гадость, а не ту, которой усыпили меня в Копенгагене... Помереть же я должна была потому, то вы поверили в Родопы.

– Боже мой, какие еще Родопы?!

В раздраженном тоне полковника слышалось столько искреннего недоумения, что я окончательно отбросила недавние подозрения. В самом деле, с этими своими подозрениями я могу докатиться до того, что буду считать полковника членом банды, всю нашу милицию подкупленной, а Главное управление – штаб-квартирой гангстеров по эту сторону границы. Разумнее признать, что полковника просто-напросто обманывали.

Я рассказала о вчерашнем разговоре и событиях, имевших место сегодня утром. После чего дала понять, что роль приманки мне не нравится. В заключение я сказала:

– Хоть это и трудно, но я в конце концов могу поверить, что вы не заинтересованы в моей смерти. Однако тогда придется признать, что вас обманывают. Лысый боров тоже лицо подставное, это я вам говорю. И я отказываюсь покидать свою квартиру. Делайте что хотите.

Полковник не стал настаивать и согласился, чтобы я осталась в добровольном заключении. Поздно вечером позвонила Алиция. У меня создалось впечатление, что и ее втянули в кампанию против меня, но не очень огорчило. Я была уверена, что она очень скоро разберется во всем. Уж я-то Алицию хорошо знала: она никому не поверит, пока сама сто раз не проверит.

Утром Дьявол попытался проникнуть в квартиру, но ему помешала цепочка на двери. Я проснулась, услышав, как он дергает ее, вышла в прихожую и заявила, что в квартиру его не впущу. Он пригрозил, что вызовет милицию, на что я с энтузиазмом согласилась. Кончилось тем, что, приоткрыв дверь на длину цепочки, я подала ему бритвенные принадлежности, и он опять исчез с глаз моих.

Что же мне делать дальше? У него есть ключи. Если я выйду из квартиры, он воспользуется моим отсутствием и устроит в квартире засаду. А у меня уже кончались сигареты, нужно купить чай и кое-какие лекарства. Полковник не давал о себе знать. Идиотское создалось положение и, говоря по правде, я была гораздо ближе к сумасшествию, чем когда-либо.

Сигареты и продукты мне привезла на другой день донельзя взволнованная Янка, я попросила ее об этом по телефону. Приехав, она заявила, что тут ошивается некий мерзавец, который следил за ней.

– Где ошивается?

– Да тут, у тебя на лестнице, выше этажом. Я звоню в твою дверь, а он выставил рожу и смотрит. Нет, я так не могу, я человек нервный. Кончай, пожалуйста, все эти штучки.

– Я бы рада, да не знаю как.

– Но ведь я теперь боюсь выйти!

– Так не выходи. Я, может, тоже боюсь.

– Но мне же надо домой!

В конце концов за ней приехал муж, которого я в квартиру не впустила. Не впустила также и человека, который пришел снимать показания электросчетчика. Ему пришлось поверить мне на слово и записать ту цифру, которую я назвала. Не впустила я и приходящую домработницу, которую хорошо знала, и незнакомого мне человека, выдававшего себя за работника телефонного узла и очень настаивавшего, чтобы я его впустила. Одиннадцать раз мне звонили разные лица и под разными предложениями пытались выманить меня из квартиры, причем дважды в ответ на требование назвать пароль вешали трубку. На третий день появился Дьявол.

– Я желал бы получить свой чемодан, – холодно заявил он.

– Сразу надо было забирать! – огрызнулась я.

– Но раз уж я не забрал, будь так любезна и отдай мне его теперь.

– Хорошо, я спущу его тебе на веревке с балкона.

– И устроишь представление для всей улицы? Хватит валять дурака. Я могу не входить, выставь его на лестницу.

На меня опять, как видно, нашло умственное затмение, ибо я отправилась за чемоданом, оставив дверь закрытой лишь на цепочку. Когда я вернулась, волоча чемодан, в дверях уже был не Дьявол, а какой-то незнакомый тип. И этот тип попытался перерезать цепочку ножницами для железа. При этом он так поставил ногу, чтобы я не могла захлопнуть дверь.

При виде его я выронила чемодан. Единственным орудием, оказавшимся под рукой, была та тяжелая штука, которую мои сыновья

поднимали, когда делали зарядку. Если не ошибаюсь, эту штуку называют гантели. Они лежали на скамейке в прихожей, у самой двери.

Схватив гантели, я изо всей силы стукнула по доступному для меня фрагменту взломщика. Лопнула надрезанная цепочка, и гантели свалились ему на ногу. Заорав не своим голосом, он от боли отдернул ногу, и я тут же захлопнула дверь. Замок я заперла так, чтобы его нельзя было открыть снаружи. А его тут же попытались открыть. Без сил опустившись на скамейку, я слушала, как они возились с замком. Потом все стихло.

Наглость Дьявола была поистине безгранична. Через несколько минут он позвонил из автомата и, ни словом не упоминая о происшедшем, потребовал чемодан. Мне очень хотелось сбросить чемодан ему на голову, но меня удержало опасение, что повреждение чемодана даст ему повод и впредь не оставлять меня в покое. Он может, например, подать на меня в суд, призвав в качестве свидетелей тех людей, которые будут наблюдать момент сбрасывания чемодана с четвертого этажа. Поэтому я поступила по-другому: нашла моток веревки, привязала веревку к ручке чемодана и без особого труда спустила его с балкона, не вдаваясь ни в какие объяснения.

Когда я занималась спуском чемодана, у меня была возможность обозреть ближайшие окрестности моего дома, и я заметила, что напротив, на газоне, какой-то человек чинил «сирену», лежа под машиной. Другой сидел на траве рядом и с мученическим выражением на лице подавал первому инструменты. Оба с радостью бросили работу и с большим интересом наблюдали за моими манипуляциями с чемоданом, после чего с большой неохотой вернулись к прерванному занятию. Тоже мне, нашли развлечение! Будь под рукой граната, я швырнула бы в них!

Разорванную цепочку я соединила куском толстой проволоки – хорошо, она нашлась в квартире. Я понимала, что это совершенно недостаточные меры безопасности, и принялась за поиски дополнительных средств. В результате поисков в буфете была обнаружена большая и тяжелая колотушка для отбивания мяса на очень длинной ручке. Кроме того, я приготовила большой кусок ваты, завернутый в марлю. Это на тот случай, если они хитростью заставят меня приоткрыть дверь на длину цепочки и через щель попытаются воздействовать на меня каким-нибудь химическим средством, распылив его. Думаю, что вышеупомянутая маска если не полностью обезопасит меня от воздействия усыпляющего или наркотического газа, то, во всяком случае, значительно ослабит его действие.

Вооружившись наступательным и оборонительным оружием, я

почувствовала себя более уверенно. За три дня, проведенные в добровольном домашнем заточении, я дошла до ручки. Скопившееся во мне раздражение требовало выхода, и я с готовностью бросилась к телефону, когда он зазвонил.

– Двадцать четыре восемнадцать, – сказал незнакомый голос. – Полковник просит вас прибыть к нам. Приехал человек из Интерпола. Полковник велел сказать, что настоящий. Сейчас они с полковником в городе, но через час будут ждать вас в «Гранде».

– Дудки, – невежливо ответила я.

– Как, простите?

– Дудки. Пусть ждут, если им так хочется, но я не приеду. Я же говорила, что не выйду отсюда!

Через десять минут он опять позвонил:

– Двадцать четыре восемнадцать, а если они с полковником приедут к вам?

– Если согласны разговаривать на лестнице, пусть приезжают. В квартиру никого не впускаю.

– Тогда приезжайте вы. Мы дадим вам сопровождающих.

– Подавитесь своими сопровождающими...

В состоянии крайнего душевного напряжения ожидала я весточки от Алиции, твердо решив никому не верить, пока не получу доказательств, что этот человек послан ею. Ярость бушевала во мне, как в действующем вулкане.

Через полчаса позвонили в дверь. Закрыв лицо маской и взяв в руки колотушку, я подошла к двери, полная решимости пустить ее в ход при малейшем подозрительном движении. Так как от Алиции по-прежнему не было никакой вести, у меня были все основания полагать, что это опять гангстеры – как видно, у них не осталось времени, и они идут ва-банк.

За дверью оказался незнакомый человек. Так я и думала!

– Чего надо? – невнятно произнесла я, так как вата порядком-таки мешала.

– Я от полковника Едлины, – сказал незнакомец, глядя на меня с удивлением. – Двадцать четыре восемнадцать. Буду вас сопровождать.

– Поищите себе другую компанию. Вот если бы тут, на лестнице стоял полк солдат в полном обмундировании, я, может быть, и вышла. Да и то, если бы с ними был сам Циранкевич, потому что только его я хорошо знаю в лицо. Так что привет! Марш в Родопы!

Прежде чем он успел ответить, я захлопнула дверь. Вскоре по телефону возобновились переговоры и уговоры. Мне предлагались на

выбор две возможности: или полковник приезжает ко мне, или я к полковнику. От визита его ко мне я тут же отказалась категорически: ведь этот несчастный человек, которого обманывают на каждом шагу, — я, разумеется, имею в виду полковника — не сможет явиться ко мне в сопровождении всего своего отдела. С ним будут один или два человека, разумеется, бандиты, которым он полностью доверяет, а они прикончат здесь и его, и меня.

Из двух зол лучше уж мне ехать к нему. Но не в «Гранд» же! Наконец позвонил сам полковник:

— Я все понимаю, но так не может дальше продолжаться. Мне доложили, что вы никого не желаете впускать в квартиру. Не желаете вы также приехать в «Гранд».

— ...и силой вы меня отсюда не вытащите, — дополнила я.

— Так что же вы предлагаете?

— Так и быть, я пойду на большой риск и сама приеду к вам, но только в Главное управление и только после того, как предварительно сама позвоню вам туда. Больше я не попадусь на удочку. Позвоню сама. Надеюсь, телефонная книга не была подделана два года назад в предвидении теперешних событий и номер вашего телефона в ней настоящий. Но прошу учесть, что всякого, кто по дороге попытается приблизиться ко мне, я бью без предупреждения. Чтобы потом не было претензий.

— Ладно, бейте. В управлении я буду через пятнадцать минут. Звоните и приезжайте, но не подводите. Дело неотложное!

Выждав пятнадцать минут, я позвонила в управление. Коммутатор сразу соединил меня с нужным номером. Несколько гудков, и вот в трубке послышался несколько запыхавшийся голос полковника:

— Фу, еле успел. Пришлось бежать по лестнице. Какие еще физкультурные упражнения запланированы у вас для меня?

— Пока не знаю. Ладно, приеду.

— У вашего дома находятся двое наших людей. Не бейте их. Впрочем, они предупреждены и будут держаться на расстоянии. Жду.

Уже стемнело. Лестница была освещена. С ножом в одной руке и колотушкой в другой я впервые покинула квартиру после трех дней сидения взаперти. Оружие мешало мне запереть дверь, но я как-то ухитрилась это сделать и спустилась вниз. Как же теперь мне отключить противоугонное устройство в машине, не выпуская из рук ножа и колотушки? А тут еще сумка в руках.

Переложив оружие в левую руку, я принялась правой шарить под

задним крылом и, разумеется, прикоснулась ключом к кузову. Раздался истошный вой, я сама испугалась и, забыв всякую осторожность, быстро отключила установку. Вой прекратился. Осмотревшись, я увидела на другой стороне улицы двух мужчин, тех самых подозрительных типов. Они стояли возле своей уже отремонтированной «сирены» и внимательно наблюдали за мной. Хотя уличные фонари светили слабо, я на всякий случай грозно поглядела на них и села в машину. Сложив свое оружие на коленях, я тронулась в путь.

Следом за мной двинулась «сирена». Пожав плечами, я сильно нажала на газ. Расстояние между нами должно было резко увеличиться, но, глядя в зеркало заднего вида, я убедилась, что ничего подобного не произошло. «Сирена» не отставала от меня. Странно.

Я проверила ручной тормоз, не затянут ли он случайно. Потом опять посмотрела назад, и тут что-то внезапно упало на мостовую прямо передо мной. И я это что-то переехала.

Мне стало нехорошо. Неужели человек? Никогда в жизни не наезжала я на человека. Раз переехала курицу, так и то несколько дней была не в себе. Дальше я действовала уже автоматически, забыв обо всем на свете.

Пяти метров мне хватило, чтобы остановить машину. В этом месте дорога шла с небольшим подъемом вверх, и меня занесло поперек мостовой. Оставив машину включенной на первой скорости (не знаю, когда я успела включить), я выдернула ключи зажигания и выскочила из машины, на ходу подхватив покотившуюся с колен колотушку.

Не знаю, что бы я сделала, если бы то, что я переехала, оказалось человеком. Но это был не человек. Это была доска, тщательно обмотанная тряпками. Я ее хорошо разглядела при свете уличных фонарей. Я чувствовала, что вот-вот потеряю сознание. У меня не было сил подняться, и я продолжала стоять на коленях посреди мостовой, склонившись над проклятой доской. Какой-то человек подбежал ко мне, взял под руку и попытался поднять.

– Скорей! – прошептал он мне на ухо.

Все еще находясь в шоковом состоянии, я не сопротивлялась, когда он потащил меня к «ягуару». Вдруг до моего сознания дошло, что за рулем моей машины сидит какой-то незнакомый человек. Тот, что тащил меня, попытался разжать мой судорожно сжатый кулак, чтобы извлечь ключ от зажигания. Из «сирены», затормозившей перед кучей тряпья, выскочили двое.

Тошнотворная слабость, овладевшая мной, вдруг мгновенно испарилась. Ей на смену пришло ставшее уже привычным состояние

бешеной ярости. Одним движением вырвалась я из рук удерживавшего меня негодяя и с криком: «Прочь, свинья!» – изо всех сил огрела его колотушкой.

Он попытался уклониться, но я все-таки попала, да так, что загудело. Правда, что именно загудело, не знаю, а выяснять было некогда. Расправившись с одним, я, как разъяренная фурия, двинулась на того, кто сидел за рулем. Оглушенный негодяй, немного оправившись, попытался меня удержать, схватив за воротник жакета. Удержать меня, однако, в тот момент не смог бы никто. Что ткань! Я была способна разнести в клочья стальную броню. Оставив воротник в руках негодяя, я замахнулась на сидящего за рулем, но тот не стал ждать и, сжавшись в комок, вывалился из машины через противоположную дверцу, так что мой удар пришелся, к сожалению, по пустому сиденью. Опять загудело, на сей раз непонятно что.

Тем временем к драке подключились подоспевшие из «сирены». Один из них сцепился с первым из нападавших, а второй попытался помешать мне сесть в «ягуар».

– Прочь! – опять завопила я и замахнулась колотушкой, но он не стал упорствовать и мгновенно исчез. Не проверив, есть ли кто под машиной, взревев мотором, я рванула с места.

В зеркальце я видела, что драка сразу прекратилась и проклятая «сирена» опять кинулась за мной. С ума сойти! Сигналя во всю мочь, с включенными фарами я ворвалась на Пулавскую, как четыре всадника Апокалипсиса, вместе взятые, и, заскрежетавав тормозами, резко остановилась у подъезда Главного управления милиции. Из здания выскочили несколько привлеченных шумом милиционеров. Тут же подъехала и остановилась проклятая «сирена». С пеной у рта, преисполненная желанием немедленно разделаться с преследователями, я выскочила из машины и, подняв над головой колотушку, кинулась к ним со своим боевым кличем «прочь!» (как-то ничего другого не приходило в голову).

Не знаю, что бы я с ними сделала, но «сирену» как ветром сдуло – она мчалась от меня задним ходом. Я была полна решимости преследовать ее на своей машине. Тоже, наверное сгоряча, задним ходом. Но тут меня окружили люди, и я малость опомнилась. Во всяком случае, преследовать негодяев не стала и руку с оружием опустила.

– Вы к полковнику, не так ли? – робко спросил меня один из милиционеров.

Я хмуро кивнула, так как говорить еще не могла.

– Простите, – так же робко поинтересовался второй, – но почему вы

прогнали отсюда нашу машину?

Теперь я уже была в состоянии говорить.

– Какую вашу машину?

– Ну, «сирену». Теперь они стоят вон там и боятся подъезжать.

– Перестаньте морочить мне голову! – отрезала я.

Заперев машину, я, сопровождаемая одним из милиционеров, направилась к полковнику. Встречные обращали на меня внимание, и неудивительно, так как выглядела я расчудесно: всклокоченная, воротник оторван, один рукав жакета разорван и – я не заметила когда – чулок на колене лопнул. В руке – колотушка, в глазах – безумие отчаяния.

В кабинете у полковника находился человек, лицо которого показалось мне знакомым. Ох, видела я его уже, точно, где-то видела. Я, как вошла, так и застыла на пороге, поправ не только хорошие манеры, но и элементарные правила вежливости.

– Этого мерзавца я знаю, – сквозь стиснутые зубы произнесла я, с ненавистью тыча колотушкой в сторону упомянутого мерзавца. – Вы думаете, кто это? – спросила я полковника.

Оба молча смотрели на меня, не в силах вымолвить ни слова. Так же молча полковник вопросительно взглянул на сопровождавшего меня милиционера.

– Разрешите доложить, ничего не понимаю, – поспешно отозвался тот. – Кажется, гражданка избивала наших людей. Поручик сейчас придет.

Я сдвинулась с порога, пропуская вновь прибывшего. У него была рассечена губа, и он вытирал лицо носовым платком. Невзирая на травму, он почему-то улыбался.

– Что происходит? – спросил полковник. – Что все это значит?

– Предмет кухонной утвари в руках женщины – страшное оружие, – объяснил пострадавший и любезно поклонился мне. – Напрасно вы нас посылали, товарищ полковник, мы только зря потеряли день. Этой скалкой пани смогла бы разогнать целый батальон.

И, обратясь ко мне, добавил:

– Честное слово, когда здесь, на стоянке, вы ринулись на нас, у меня душа ушла в пятки. Никогда в жизни мне не было так страшно.

– Ведь я же вас просил не бить наших! – Полковник с упреком посмотрел на меня, и глаза его весело заблестели. – А теперь, – обратился он к своему подчиненному, – доложите, что случилось и почему гражданка в таком виде?

– Ее пытались задержать. Двое мужчин остановили машину, в которой она ехала, и попытались увезти ее, причем один уже сел за руль ее машины.

Я не совсем понял, что произошло. – Тут он обратился ко мне – У них что, не было ключей от зажигания?

– Вот именно, – с мрачным удовлетворением подтвердила я. – Пытались вырвать их у меня. Как же!

– Так я и думал, но было темно, и я не все смог разглядеть. Мы ехали сразу за «ягуаром» и бросились пани на помощь, но она разогнала нападавших прежде, чем мы подоспели. Не убила же она их только потому, что при виде нас они сбежали. Я хотел помочь ей сесть в машину и узнать, не ранена ли она, но, так как она и меня хотела огреть своей деревяшкой, я счел за лучшее оставить ее в покое. Мы не смогли преследовать нападавших, так как нашей задачей было сопровождение гражданки. А знаете ли вы, – тут он опять обратился ко мне, – что мы из-за вас чуть под трамвай не угодили?

– Ну что вы на это скажете? – спросил меня полковник со вздохом.

Я недоверчиво выслушала отчет поручика и решительно заявила:

– Все это враки. Он гнался за мной на «сирене». И мешал мне сесть в машину. И пусть объяснит, как это он умудрился не отстать от меня на своем драндулете. Или эти «сирены» у вас были понатыканы по всей трассе?

– Сказать? – спросил поручик полковника, который кивнул:

– Скажите. Иначе эта женщина не успокоится.

– На «сирене» установлен двигатель от «ягуара», – объяснил поручик. – Но, учтите, это служебная тайна, никто не должен знать. Ну и кое-какие еще детали – сцепление, коробка скоростей, еще кое-что. От «сирены» остался, по сути дела, только кузов.

– А подвеска? – поинтересовалась я неожиданно для самой себя.

– От «фольксвагена».

– И держится?

– Вроде держится. Приварили на совесть...

– Послушайте, давайте кончим с технической частью, – перебил его полковник. – Что будете пить – чай, кофе?

– Я напьюсь воды прямо из-под крана. Ну что, убедились? Я была права, когда не хотела выходить из дому. И меня не так легко переубедить. Но вернемся к присутствующим. Кто же этот человек, по-вашему?

– По-моему, это наш сотрудник. Сколько лет вы у нас работаете, майор?

– Четырнадцать, – улыбнулся майор, и тут я вспомнила, откуда его знаю. Мы вместе были на одной из городских конференций. Он тогда рассказал мне много интересного о деятельности контрабандистов.

– Ох, извините. – Я испытала нечто вроде укоров совести и решилась наконец сесть. – Ну хорошо, так и быть, дайте мне немного холодной воды и горячего кофе. Но чтоб все пили то же самое!

– Разрешите нам хоть воду не пить, – попросил полковник, и я вдруг почувствовала, что атмосфера разрядилась. Мир вроде бы приходил в норму, но пока в это трудно было поверить.

С гневом и возмущением рассказала я о событиях последних трех дней, хотя это и нелегко мне далось – столь сильно укоренилось недоверие ко всем на свете. Рассказала я и о роли Дьявола.

Присутствующим я лишь изложила факты и воздержалась от комментариев. Полковник слушал внимательно, веселый блеск в его глазах погас. Потом он взглянул на поручика.

– «Фольксваген» въехал во двор в шестнадцать ноль восемь, – доложил тот. – В машине два человека. До отъезда гражданки находились во дворе.

Полковник повел подбородком, и поручика как ветром сдуло.

Не знаю, откуда взялась секретарша в столь позднее время, но она принесла кофе для всех и воду для меня. Воду я выпила, а свою чашку кофе демонстративно заменила на чашку майора, дождавшись, когда он положил себе сахар и размешал его. Можно сказать, не успел человек и рта раскрыть... Глубокие корни пустила во мне подозрительность.

Под рукой у полковника звякнул звонок. Он нажал кнопку.

– Приехали, – приглушенным голосом информировал стол.

– Пусть войдут, – распорядился полковник и обратился ко мне – Прибыли представители Интерпола. Я лично ручаюсь за них. В состоянии вы с ними говорить или опять станете обижать их?

– Не знаю, – мрачно ответила я. – Посмотрю.

В комнату вошли два человека. Я знала обоих. Первым был весь отливающий розовым лысый боров, вторым – мужчина, который на Пальмирском шоссе налил бензин в мою машину.

Я проявила потрясающую выдержку. Никаких резких жестов, никаких обидных слов. Просто я медленно поднялась и отошла к креслу, стоявшему в углу у стены. Обеспечив безопасность тыла, я присела на подлокотник кресла. В правой руке я держала колотушку, в левой, лязгнув, открылся пружинный нож.

– Несколькими фразами я с ними обменяюсь, – холодно заявила я полковнику, – но отсюда я выйду лишь под эскортом вооруженных милиционеров. Этот лысый у меня уже в печенках сидит, а второй подвернулся мне под Пальмирами, там, где меня собирались пристукнуть.

Бензинчик мне наливал! И вы хотите, чтобы я их приняла за сотрудников Интерпола и все им рассказала? Да я лишь потому-то и жива до сих пор, что не болтала! Пожалуй, и дальше помолчу.

– Да что же это такое! – в отчаянии воскликнул полковник и отер пот со лба. – Господа, я бессилен что-либо сделать, – обратился он по-французски к вошедшим. – Мадам пришлось много пережить, этим объясняется ее... гм... странное состояние. Не знаю, что и делать. Боюсь, придется пригласить врача.

– Простите, может быть, разрешите попробовать мне? – тихо произнес по-польски пальмирский проезжий.

Он с улыбкой взглянул на меня, и я вдруг вспомнила, как жутко выгляжу. Опасность опасностью, переживания переживаниями, драма в личной жизни своим путем, но ведь жизнь продолжается! Говорят, есть такие женщины, в присутствии которых мужчины вдруг сразу начинают чувствовать себя мужчинами, и наверняка должны быть мужчины, в присутствии которых каждая женщина осознает, что она прежде всего женщина. И ничего с этим не поделаешь! Настоятельная необходимость немедленно посмотреться в зеркало и полная невозможность сделать это окончательно испортили мое и без того не наилучшее настроение.

Отчаявшаяся, озлобленная, ожесточившаяся против всего света, я мрачно глядела на него и ждала, что он мне скажет.

– Ведь есть же на свете кто-нибудь, кому вы полностью доверяете? – мягко и сердечно спросил он.

– Раз-два и обчелся, – с горечью ответила я. – А если быть точнее, то именно два человека. Интересно, кто из них дал вам рекомендации.

– Зразы говяжьи по-варшавски, – медленно произнес он. – И нельзя два раза войти в одну и ту же реку.

Воцарившееся молчание длилось долго, невероятно долго. Я не верила собственным ушам. Медленно, с трудом, через толстую оболочку кошмара пробивался к моему сознанию смысл услышанного. Я чувствовала, как постепенно тает переполнявший сердце леденящий ужас и спадает то страшное напряжение, в котором я пребывала все это время. Меня душили с трудом сдерживаемые слезы, слезы невыразимого облегчения. Колотушка и нож вывалились у меня из рук, я всхлипнула, кинулась на грудь этому замечательному человеку и разревелась.

Пальмирский знакомый терпеливо держал меня в объятиях, а я рыдала ему в жилетку, судорожно вцепившись в отвороты его пиджака и с отчаянием думая о том, что мое лицо годится теперь лишь для того, чтобы сидеть на нем.

– Каким образом, – всхлипывая и сморкаясь в его носовой платок, с трудом выговорила я, – каким образом вы узнали о них?

– Вашего друга я знаю очень давно, так получилось, что он и мой друг. А с вашей подругой я познакомился несколько дней назад в Копенгагене. Насколько мне известно, она проявила поразительную дотошность в установлении моей личности.

Он смотрел на меня с улыбкой, тактично скрывая отвращение, которое в этот момент я не могла не вызывать. Лысый боров тоже дружелюбно и с интересом поглядывал на меня, хотя было видно, что он ничего не понимает. Полковник и майор проявляли доброжелательное любопытство. Мир вокруг меня с каждой секундой терял свой угрюмый облик и начинал сверкать и переливаться всеми цветами радуги.

С трудом заставила я себя оторваться от лучшего в мире человека.

– Зеркало! – простонала я. – Неужели в вашем управлении не найдется ни одного зеркала?

– Не знаю, собственно, с чего начать, – говорил пятнадцать минут спустя лысый боров, смущенно приглаживая светлые волосики, окаймляющие розовую лысину. – Пожалуй, лучше всего будет, если вы расскажете обо всем, что с вами произошло после того, как мы вас потеряли из поля зрения в Копенгагене.

Бесшумно наматывалась пленка небольшого магнитофона. Прекрасное настроение, в котором я пребывала, трансформировало все пережитое мной в увлекательные приключения. Время от времени меня прерывали, прося уточнить ту или иную деталь. Диспетчерскую в бразильской резиденции гангстеров мне пришлось изобразить на бумаге, электрифицированную карту тоже. Так еще раз пригодились навыки, приобретенные за годы учения.

– Вы и в самом деле не умеете плавать? – спросил полковник.

– Плохо. Но воду люблю, и, представьте себе, под конец я почти научилась управлять яхтой.

– Мы имели возможность убедиться в этом, – подтвердил лысый боров и вдруг весело подмигнул.

Лучший в мире мужчина рассмеялся и пояснил:

– Ведь это наши катера гнались за вами у берегов Испании. Мы получили сообщение, что там пройдет ваша яхта, и ждали вас, но потом... потом события развернулись так, что мы подумали, уж не контрабандисты ли это какие. Яхта шла неосвещенной...

Боже мой! А я собралась стрелять в них – не только из пулеметов, но даже из пушки! Я сообщила им об этом, и всем стало еще веселее. Потом я

продолжила свой рассказ.

Когда я рассказала о том, как меня бросили в подземелье замка Шомон и каким образом я оттуда выбралась, на лицах присутствующих появилось выражение, которое мне трудно описать, – смесь недоверия с восхищением. Я же продолжала рассказывать дальше. Вот я добралась до сейфа шефа и его чудесной карты. Слушатели уже не могли усидеть на месте. Лысый боров из розового стал пурпурным.

– Шомон! – нервно восклицал он. – Шомон! Пять лет назад этот замок арендовало частное лицо. У нас не было никаких подозрений, никакой ниточки, ведущей к этому замку... Кто бы мог подумать?

Он вытащил из папки большой конверт и высыпал из него на стол множество фотографий. С одной из них на меня смотрело младенчески невинное личико патлатого, на другой было неизвестное мне здание среди пальм, на третьей – солидный благопристойный господин с сединой на висках, тот самый, что спрашивал по-немецки, как это меня могли принять за Мадлен.

Было там много и других фотографий. Вот мягко покачивается на волнах, переливающихся солнечными бликами, чудесная яхта «Морская звезда». Я засмотрелась на нее и с ужасом почувствовала, как в моем легкомысленном сердце пробуждается желание опять услышать шум океанской волны, разрезаемой носом яхты, опять увидеть безбрежную даль моря, голубое небо, опять почувствовать мягкое колыхание океана. Да неужели мне еще было мало?!

– Шефа здесь нет, – сказала я, просмотрев все фотографии и отложив в сторону те, на которых были изображены знакомые мне лица.

Кроме шефа, не было там и красавца с глазами, напоминавшими отблески на скалах Лазурного грота. Признаюсь, я этому обрадовалась и не сочла необходимым информировать о нем Интерпол. У меня не было к нему никаких претензий. В конце концов, это не его вина, что я вбила себе в голову блондина. Если уж хотят, пусть ловят его без моей помощи.

На отложенные мной фотографии присутствующие набросились как коршуны. Меня удивило, сколько всего они еще не знали. Поразительно, до чего же хорошо была законспирирована такая большая гангстерская шайка! Шеф обладал несомненным организаторским талантом.

– И только сейчас вы нам рассказали обо всем этом! – в ужасе простонал лысый. – Почему вы не пришли к нам еще в Париже?

– Мне надо было немедленно скрыться, так как меня выследили у датского посольства, – пояснила я.

– У датского посольства? – Лысый немного подумал. – А,

действительно, там был наш человек. Он видел, как вы входили. У него была ваша фотография.

– В самом деле? – Я изобразила вежливое удивление и оставила эту тему.

Вытащив календарик Дома книги, я продиктовала им записанные еще в Бразилии адреса и клички. Как я и думала, моя информация обрадовала их чрезвычайно. Лысый сиял собственным светом, пальмирский знакомый в возбуждении ходил по комнате, полковник не скрывал своего полного удовлетворения.

– Ну, теперь вы быстро с ними покончите, – сказал он представителям Интерпола.

– Думаю, что за неделю управимся, – ответил пальмирский знакомый. – Все говорит о том, что гангстеры действительно не отдавали себе отчета в том, как много знает пани Иоанна. Если мы теперь ударим сразу в нескольких направлениях... Но главное, что им не удастся добраться до своих сокровищ. Нам было известно, что они их где-то спрятали, но мы боялись, что они успеют их забрать. Теперь же положение гангстеров очень незавидное.

Лысый аккуратно собирал и складывал фотографии, документы и пленки с записями и все допытывался, не вспомню ли я еще чего-нибудь. Я собралась было сообщить им слова покойника, но лысый удержал меня.

– Пока не надо. В настоящий момент это не самое главное. Пусть клад остается на месте. Данные, которые помогут нам найти клад, вы сообщите после того, как преступный синдикат будет ликвидирован. Сейчас же нас беспокоит еще одна проблема, но я понял, что и вы ничего о ней не знаете. У нас есть основания полагать, что в Северной Африке заново раскидывается сеть притонов, нелегальных игорных домов, но весь этот регион для нас недоступен. Сейчас мы бьемся над тем, как предотвратить эту опасность.

– Ну, все, что было в наших силах, мы сделали, – облегченно вздохнув, сказал майор. – Остальное уже зависит от вас. Желаем успеха.

Как только мы вернулись к нашей повседневности, мое радужное настроение несколько поблекло. Обращаясь к полковнику, я сказала:

– Все это прекрасно. Но не могли бы и вы кое-что сообщить мне? Хотелось бы прояснить вопрос с Мадлен.

Пальмирский знакомый бросил на меня быстрый взгляд:

– Мадлен!

– Пани Иоанна интересуется этой дамой, так сказать, по соображениям личного характера... – запинаясь, начал объяснять полковник.

– Я знаю, – перебил его пальмирский знакомый. Наступило неловкое молчание. Что он знал? Откуда?

Присутствующие переглянулись, и чувствовалось, что они не решаются чего-то мне сказать.

– Говорите, чего уж там, – подбодрила я полковника. – Меня ничто не удивит. Не первый раз одну женщину бросают ради другой. Правда, на сей раз все получилось особенно мерзко, и мне бы хотелось выяснить все до конца.

Они все-таки продолжали колебаться.

– Полагаю, что вскоре я полностью смогу удовлетворить ваше любопытство, – отозвался наконец пальмирский знакомый. – Через несколько дней. А пока, прошу извинить. Интерпол предпочел бы не затрагивать этого вопроса.

– Ну ладно. А по своей линии вы не могли бы мне чего-нибудь сообщить? – обратилась я к полковнику, упрямо придерживаясь темы.

Полковник тяжело вздохнул и нажал на кнопку.

– Казик вернулся? – поинтересовался он у стола. Тот ответил хриплым голосом:

– Только что прибыл. Ожидает.

– Пусть войдет.

Вошел поручик, тот самый, которому я нанесла травму. Посмотрел на меня, потом на полковника.

– Да чего уж там, – пробурчал тот. – Говорите. Я в таком возрасте, когда позволительно совершать ошибки.

– Все подтвердилось, – доложил поручик. – Его часто видели с платиновой блондинкой – молодой красивой женщиной с темными глазами. У нее серый «опель-рекорд», номер французский. Здесь появилась несколько месяцев назад, ни в чем замечена не была. Проживает в гостинице «Бристоль». В четверг в ноль часов шестнадцать минут коммутатор гостиницы соединил ее с номером домашнего телефона пани Иоанны, разговор велся на немецком языке. Что вы делали в это время?

– Наверное, была в ванной, – ответила я. – Когда бежит вода, ничего не слышно.

– Так вот. Ей сообщили, что вы все рассказали и данные записаны. В пятницу утром, в шесть часов сорок две минуты, встреча в машине. В девять «опель» поехал в Пальмиры, вернулся около часу. Следующая встреча в тот же день, в девятнадцать тридцать три. В ней участвовал некий Гастон Лемель, французский гражданин, проживающий в «Гранде». В субботу утром он улетел в Париж. Последняя встреча состоялась сегодня в

два десять. Нами задержаны двое подозрительных. Один по пьянке проболтался, что согласился участвовать в похищении, за что получит пятьсот долларов. Второй задержан в Пальмирах. Уверяет, что поехал туда подышать свежим воздухом. Может, я докладываю чересчур кратко? Нет? «Фольксваген» выехал со двора через десять минут после нашего отъезда и скрылся в неизвестном направлении. Его ищут.

– И в самом деле излишне кратко, – недовольно сказала я. – Да я толком ничего и не поняла, разве что в самых общих чертах. Получается, что я права: они действовали вместе, он поставлял ей сведения и не возражал против моего переселения в мир иной. Ну и наняли себе в помощь наших хулиганов. Правильно?

– Вот именно, – хмуро подтвердил полковник. – Черт бы их побрал. Глупейшая история. Мне остается лишь просить у вас прощения и поздравить с тем, что вы раньше меня во всем этом разобрались.

Мне это не доставило ни малейшего удовлетворения.

– Разобралась я еще три года назад. Понимала уже тогда, что совместная наша жизнь не задалась, но сама себя обманывала. Ну да ладно, все это пустяки. Так вы сказали, пан поручик, что «фольксваген» уехал через десять минут после нас? У Дьявола были ключи от квартиры, и теперь по возвращении меня наверняка ожидает бомба с часовым механизмом или яд в банке с чаем.

Полковник постарался меня успокоить:

– Я убежден, что вы ошибаетесь, но мы все же проверим. С вами поедет поручик и поищет бомбу, а чай купите свежий. И учтите, еще какое-то время вы будете находиться под охраной, пока вся эта история не закончится. Только, пожалуйста, не пускайте так часто в ход вашу колотушку!

Наша беседа закончилась поздно ночью. Из здания Главного управления милиции я вышла в большой компании. Больше всего на свете мне теперь хотелось прицепиться, как пиявка, к пальмирскому знакомому, так как только при нем я чувствовала себя в безопасности. Однако, с другой стороны, мой теперешний внешний вид был такой, что гораздо благоразумнее было бы как можно скорее исчезнуть из его поля зрения. Конец терзавшим меня противоположным стремлениям положил он, договорившись встретиться со мной через несколько дней.

– Я много слышал о вас, – улыбнулся он на прощание. – И был уверен, прошу меня простить, что вас здорово приукрасили. Теперь же, напротив, вас недооценили. Разрешите выразить вам мое искреннее уважение и восхищение.

Я не совсем поняла, что он хотел сказать, но это было неважно. Главным был сам факт, что он жил на свете и что мне предстояла встреча с ним. Это позволяло смотреть в будущее с надеждой. Поручик тщательно обыскал мою квартиру и официально заявил, что бомба не обнаружена. Первый раз после долгих мучительных месяцев я легла спать спокойно, как самый обыкновенный гражданин ПНР.

Через четыре дня меня известили, что мои знакомые сидят в заключении, а замок Шомон конфискован и вновь передан в собственность государства, шеф же дал деру и продолжает наслаждаться свободой. Впрочем, наслаждение весьма относительное, так как власти преследуют его по пятам, и теперь вместо меня он выступает в амплуа загнанного зверя. На всякий случай я пока отказалась от предложения выехать во Францию.

Дьявол исчез. В душе моей расцветала робкая надежда, что я его больше никогда не увижу.

На следующий день после того, как мне сообщили все это, меня вызвал к себе полковник.

– У меня для вас две новости, – начал он как-то неуверенно. И замолчал. Похоже, не знал, с чего начать.

– Начните с плохой, – посоветовала я. – Ведь наверняка из двух ваших новостей одна хорошая, а другая плохая. Так всегда бывает. Не люблю неизвестности. Всегда первой ходила на экзамены.

– Вы правы, – вздохнул полковник. – Неприятная новость неприятна и для меня. Вроде бы и опыт работы есть, а вот случаются же такие неожиданности. Я был уверен, что все это вы напридумывали, как свойственно женщинам, а вот, поди ж ты, вы оказались правы.

– Что он сделал? – Я как-то ни минуты не сомневалась, что речь идет о Дьяволе.

– Сбежал за границу. Улетел вечерним самолетом в Париж в тот день, когда мы тут разговаривали. Откровенно говоря, я этого не предусмотрел. Его разыскивали по всей стране. Машину он продал еще раньше, но ездил на ней до последнего дня – с согласия нового владельца, так как тот приобрел ее по дешевке. Только вчера мне пришлось в голову начать проверку на пограничных пунктах... Ну и вот. Загранпаспорт у него давно был готов, на границы не поступало распоряжения о его задержании...

– Что он смылся, это понятно, – прервала я. – Но вот что продал машину по дешевке... Не могу поверить, такое на него не похоже. Чтобы он что-то продал по дешевке?!

Полковник пожал плечами:

– А что ему в этой мелочи? Подумаешь, на несколько тысяч больше или меньше... – Он спохватился и заговорил о другом. – Я не понимаю, зачем он вообще бежал. Ведь ему ничего не грозило. Официально он никакого преступления не совершил, самое большее, что ему можно было инкриминировать, – разглашение служебной тайны, да и то скорее в этом можно было бы обвинить меня. Вас он не убил... извините...

– Пустяки. Вы уж его простите, он старался как мог...

– Ему можно было бы инкриминировать соучастие в покушении на вас в Пальмирах, но, во-первых, нападение так и не состоялось, а во-вторых, нет никаких доказательств его участия, кроме показаний двух подозрительных личностей. Ему ничего не стоило бы опровергнуть наше обвинение. И за каким дьяволом он удрал за границу? Правда, выехал он легально, ничто не мешает ему вернуться.

– Он не вернется, – твердо заявила я. – Наверняка что-то произошло, о чем мы не знаем. Я хорошо изучила этого человека и убеждена, что из-за женщины он бы на это не пошел. Уехал он не из-за нее. Что-то еще должно было случиться.

Полковник как-то странно посмотрел на меня. Я немедленно отреагировала:

– Я знаю, о чем вы подумали. Что я себя утешаю: дескать, потеряла его не из-за бабы, дескать, были какие-то более важные причины, а не просто банальная любовная история.

– Ну, не знаю... Не совсем так. Видите ли, она выехала раньше. У нас не было оснований ее задерживать, но там ее уже арестовали. А его с ней не было. И вообще они не встретились. Кто знает, может, вы и правы.

Мне были неясны причины, по которым полковник выражался так туманно и осторожно, но сейчас я не стала их выяснять.

– Мне все равно, – сказала я. – Пусть делает что хочет, меня это не касается. А какая вторая новость?

– И в самом деле хорошая. Удалось найти ту карту, о которой вы говорили. И напали на след вашей симпатии.

– Шефа?

– Шефа, кого же еще. Вот-вот схватят его в Багдаде. А поскольку вы отказались ехать во Францию, спрашивают, можно ли рассчитывать на беседу с вами завтра около полудня. То есть просим вас прибыть сюда завтра к двенадцати.

– Полковник, ну зачем вы так переживаете? – с ласковым упреком спросила я. – Ведь это, в конце концов, меня оставили с носом, это мне надо переживать.

– Ах, оставьте, – вдруг разозлился полковник. – Это меня обвели вокруг пальца, меня, старого, опытного волка. Ну хватит, приходите завтра, сейчас я занят!

Прибыв на следующий день в управление, я увидела на стоянке машин черный «БМВ-2000», и у меня почему-то сразу поднялось настроение. Прежде чем войти к полковнику, я посмотрелась в зеркало.

Лысого не было, как видно, пальмирский знакомый приехал один. Он показал мне большой фотоснимок:

– Та самая карта?

– Та самая.

С волнением рассматривала я знакомую карту, ее параллели и меридианы, обозначенные без всякой последовательности. На мгновение рядом с картой появился призрак шефа – нечеткий и уже нестрашный.

– Ну как, вы согласны сообщить нам, что сказал покойник?

– Вы хотите услышать его слова по-французски или предпочитаете в переводе на польский?

– Будьте любезны – дословный текст, так, как он говорил.

Я закрыла глаза, и передо мной предстала комната, полная табачного дыма. Я опять увидела голову умирающего на моей сетке...

– Все сложено сто сорок восемь от семи тысяча двести два от «Б» как Бернард два с половиной метра до центра вход закрыт взрывом связь торговец рыбой Диего па дри... – Открыв глаза, я прибавила – Сразу предупреждаю вас, что я понятия не имею, что такое «па дри». Думала над этим много, ни к чему не удалось подогнать. Может, он просто не закончил слово.

– Ведь это ж надо, как вы все запомнили! – удивился полковник.

Пальмирский знакомый пришел в сильное волнение:

– Как вы сказали? «Связь торговец рыбой»... О Боже!

Я ничего не понимала:

– А что? Покойник именно так и сказал. Это были его последние слова. Может, он упомянул своего помощника, который вместе с ним доставлял сокровище в горы...

– Ничего подобного! – в радостном возбуждении вскричал пальмирский знакомый. – Это некий Диего Падрильо, действительно торговец рыбой, единственный связной с гангстерами в Северной Африке. Как раз то связующее звено, которого нам не доставало! Прошу прощения, я вас на минуту оставляю, надо немедленно передать эту неслыханно важную информацию. Я сейчас вернусь!

Он выбежал из комнаты. Мы с полковником посмотрели ему вслед,

потом друг на друга. Полковник покачал головой.

– Откровенно говоря, я не понимаю, как вы умудрились остаться в живых. Люди расплачивались жизнью и за значительно менее ценные сведения. Ведь, в конце концов, гангстеров переловили только благодаря вам! Поистине вы сидели на бочке с порохом. Ничего удивительного, что вы страдали манией преследования. Нет, на их месте я бы во что бы то ни стало вас прикончил!

– Весьма признательна, – сдержанно поблагодарила я. Полковник не унимался:

– Вот что мне... пришло в голову... Не один год я здесь работаю и заметил, что случай играет гораздо большую роль, чем мы склонны предполагать. Вся эта заваруха, которую вы устроили...

– Что?!

– Ох, прошу прощения. В которую вас втянули. Так вот, вся эта заваруха, говорю я, вызвана стечением обстоятельств, которые никто не мог предвидеть. Ведь с чего все, собственно, началось?

– Может, с моего парика? – высказала я предположение.

– Нет. Я много думал над всем этим. Ведь Бернарда застрелили. Это что, было запланировано? Неужели шеф такой дурак или безумец? Велеть убрать единственного человека, знавшего, где спрятаны сокровища! Расскажите, пожалуйста, поподробнее, как все происходило.

И опять у меня перед глазами возникла большая комната, полная табачного дыма, и дикий взгляд человека, стреляющего в лампу. В самом деле, как-то глупо все получилось. Эту тему мы обсуждали с полковником до возвращения пальмирского знакомого. Тот пояснил нам:

– Это был действительно случай, глупейший случай.

Стрелявший никак не был связан с гангстерами. Азартный игрок, наркоман, психопат, который в тот вечер проигрался вдрызг. Потом, в полиции, он плакал, нес какую-то ахинею, твердил, что, если бы не полиция, он бы отыгрался. Стрелял, будучи в невменяемом состоянии. Такие люди способны на все.

Мы с полковником слушали с большим интересом рассказ сотрудника Интерпола.

– В свою очередь, – продолжал тот, – шеф тоже отличался известной патологией. Он обладал несомненным талантом организатора, но всем его начинаниям была свойственна одна общая черта – все они были сопряжены с неоправданным риском. Короче говоря, был у него такой пунктик, а постоянные успехи вскружили ему голову, и он уверовал в свою непогрешимость и гениальность. Мне становится страшно при мысли, что

он мог вас продержать многие годы в том жутком подземелье!

– Мне тоже, – согласилась я.

– А почему вы говорите о шефе в прошедшем времени? – поинтересовался полковник.

– Мне сообщили, что сегодня в шесть утра его задержали. При этом он застрелил полицейского, так что наверняка легко не отделается... Может быть, теперь уважаемая пани согласится совершить небольшую экскурсию?

Он склонился над фотографией карты и принялся ее изучать, используя полученные от меня данные.

– Я немного знаю эти края. Район труднодоступный, придется пользоваться вертолетами. Ведь это же очень интересно, неужели вам не хочется увидеть все самой?

Как видно, я уже немного отошла, и в моей измученной душе что-то шевельнулось.

– Не знаю... Может, и в самом деле? А по дороге я бы заскочила в Копенгаген – освободить Алицию от моих вещей и принести извинения начальнику на моей бывшей работе.

– Подумайте, подумайте, – подбодрил меня полковник. – Все выездные формальности улажены, ехать можете в любую минуту.

– Что-то уж очень хочется вам избавиться от меня. Прямо подозрительно... Впрочем, удивляться тут нечему. Ладно, я подумаю.

– Настоятельно рекомендую поехать. – Полковник стоял на своем. – А теперь... Не хотелось бы быть невежливым и просить вас удалиться, но кажется мне, что вам хотят что-то сообщить наедине.

Пальмирский знакомый поднялся.

– Вы правы, мы не будем больше отнимать у вас время, полковник. Большое спасибо за все. А вы, – он обратился ко мне, – вы смогли бы поехать со мной?

Глупый вопрос. Ясно, что смогла бы. Такое доверие внушал мне этот человек, что в его обществе я бы не только безропотно отправилась в Пиренеи за сокровищами, но и вообще на край света без всяких определенных целей. Уже целые века ни к кому не испытывала я такого доверия и никто не внушал мне такого чувства безопасности, как этот, в сущности, совершенно посторонний человек.

Без колебаний приняла я его предложение отправиться в гостиницу, в которой он остановился. Было ясно, что еще не все сказано и что осталось еще что-то, касающееся только меня. Я молча наблюдала, как он достал микроскопический магнитофон, лента которого была похожа на сплюснутую нитку. Потом сел рядом и посмотрел на меня.

– Я много слышал о вас. Повторяю это еще раз. Мне кажется, что я вас хорошо знаю и, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что вы в любом случае предпочитаете правду.

– Предпочитаю, – подтвердила я и уже поняла, что последует за этим вступлением. – И даже самую горькую правду.

Он кивнул головой и достал сигарету.

– Вот я и подумал, что вы должны все знать. Миссия моя очень неблагодарна и нелегка. Весьма. По очень важным причинам мне бы хотелось, чтобы на моем месте оказался кто-нибудь другой. Очень хотелось бы, но вот так получается, что именно мне придется это вам сообщить.

Я смотрела на его худое лицо с неправильными чертами и темными живыми глазами. Какая у него хорошая улыбка! И эти полные сочувствия и понимания слова. Да, у этого человека есть душа. Душа! Я уже и не чаяла найти ее в мужчине...

– Минутку, – перебила я его. – По каким причинам?

Он посмотрел на меня, я посмотрела на него, и уже не было нужды в каких-либо объяснениях.

– В таком случае я, пожалуй, готова отказаться от правды. – Я выпалила это прежде, чем поняла, что не следовало такого говорить.

На лице его вспыхнула улыбка.

– Ну, теперь уж у меня развеялись последние сомнения, что вам следует это знать. Я рад, что вы именно такая.

Я не стала уточнять, какая именно, и не стала его разубеждать. Пусть думает, что я какая-то особенная, пусть не сразу разочаруется во мне. И чем дольше продлится его заблуждение, тем лучше.

– Ну, тогда я слушаю.

– Этот прибор, – сказал он, указывая на магнитофон, – был установлен в машине Мадлен. Он включался автоматически, когда водитель занимал место и одновременно открывалась правая дверца. Мы руководствовались соображением, что пассажир, как правило, садится в машину справа, а водитель в одиночестве не разговаривает. Тогда у нас еще не было контакта с вами. И поэтому мы пытались таким путем получить информацию. Сами понимаете, здесь записаны только обрывки разговоров. Мадлен прибыла в Польшу сразу же после вашего бегства на яхте и немедленно установила связь с вашим... другом.

– Не уверена, что это слово сюда подходит, – заметила я.

– Я тоже не уверен. Так вот, ей поручили собрать все сведения о вас. Вы знаете, что никаких сведений не было. Как только вас обнаружили во Франции, ее отозвали, но она не сразу покинула Польшу. А задержалась

здесь на свой страх и риск, вызывая тем самым недовольство шефа.

– А кем она, собственно, была? Любовницей шефа?

– И это тоже. Главная же ее роль в гангстерской шайке – выполнять задания, с которыми мужчина не справился бы. Во второй раз она прибыла сюда после вашего бегства из замка Шомон и оставалась до самого последнего времени. Она была уверена, что со своей внешностью добьется всего, но просчиталась. Вот эти записи относятся к самому последнему периоду. Хотите послушать?

– Хочу.

Он что-то покрутил в маленьком магнитофоне, раздался тихий щелчок, и послышался голос, слегка приглушенный шумом двигателя:

– Что случилось?

Вопрос был задан по-немецки. Голос принадлежал женщине.

– Я получил известие...

На сей раз говорил Дьявол. Тоже по-немецки.

– Какое известие? Говори же!

Пауза. Слышнее стал шум мотора.

– А что я получу?

– ...перестань! Получишь сразу все! Но сначала надо ее найти!

– Она нашлась. Что я получу за то, что сообщу, где она находится?

Пауза.

– Что хочешь?

Опять пауза.

– Десять тысяч. И подтверждение о перечислении суммы.

Из-за шума мотора нельзя было расслышать, о чем они говорили дальше. Потом пробился голос Дьявола:

– ...хочу увидеть эти деньги.

– Хорошо. Завтра получишь подтверждение. Какой банк?

– Лионский кредит.

– Хорошо. Говори!

– Послезавтра... через границу в Колбаскове... бежевым «ягуаром» через Берлин...

– Это точно? Откуда ты узнал?

– Полчаса назад она звонила из Нанси...

Опять усилился шум мотора, трудно было разобрать отдельные слова. Из того, что удавалось понять, можно было сделать вывод, что в машине обсуждался вопрос, как добраться до Колбаскова. Кажется, они договорились ехать на ее машине.

Молча наблюдала я за тем, как представитель Интерпола менял

пленку. Противоречивые чувства бушевали во мне. Возмущение и удовлетворение, жалость и отвращение, ненависть, горечь и надо всем этим радостное чувство, что сброшена неимоверная тяжесть.

Опять щелчок, шум мотора и обрывки разговора.

– ...вы нарушили условие... – В голосе Дьявола звучала обида.

– В чем дело? – Это был недовольный голос Мадлен. – Деньги ты получил? Получил! Чего тебе еще надо?

– ...стреляли. На такой скорости... верная смерть...

Опять какие-то помехи.

– ...не будь ребенком. – Это говорила Мадлен. – Ты же знаешь, что она должна погибнуть.

– Я ничего не хочу об этом знать!

Больше я не могла выдержать.

– Он продал меня за десять тысяч! Чего? Злотых?!

Пальмирский знакомый вздрогнул и выключил магнитофон.

– Нет, – спокойно ответил он. – За полмиллиона долларов.

Я немного успокоилась. Что ж, вполне приличная цена. Свинство, наверное, с моей стороны, что я так упорно цеплялась за жизнь. Закурив сигарету, я жестом попросила продолжать прослушивание.

Очень сильно что-то трещало, шумело, но тем не менее удалось разобрать отдельные слова. Сначала они торговались из-за суммы, которая причиталась Дьяволу. Потом он с торжеством сообщил ей информацию о Родопах. При этом скрыл придуманные мной пятнадцать метров вниз, заявив, что о деталях сообщит на месте. Потом я узнала, как именно предстояло мне погибнуть в Пальмирах, и мое живое воображение тут же представило горящую автомашину и меня в ней. Очень неприятно стало. Потом они поссорились – я не поняла, из-за чего. Речь шла о каком-то обмане, но было неясно, чувствует ли она себя обманутой, так сказать, в личном плане, или это был обман служебный.

Пальмирский знакомый выключил магнитофон. Мы долго молчали. Мне надо было собраться с мыслями и привести в порядок свои чувства.

– Мне казалось, что вам следовало знать об этом, – тихо сказал он.

– Правильно казалось. Да я, признаться, чего-то в таком духе и ожидала. Приятно сознавать, что раскусила человека. И на чем они там порешили в конце концов?

– На десяти тысячах, которые ему уже перечислили на его счет. Остальное должны были выплатить после того, как клад окажется в их руках. Ясно, что из этого ничего не получилось. На вашей смерти настаивала Мадлен. Шеф собирался посадить вас под замок и держать до

тех пор, пока не убедится, что вы сказали правду. В тот момент, когда я наливал вам бензин, он был уже в Родопах. И скоро понял, что вы их обманули, поскольку со своими координатами угодили как раз на перекресток двух дорог. Не автострад, но все-таки шоссе.

– А мне казалось, что я попаду рядом, – меланхолически заметила я и, указывая на магнитофон, спросила – Полковник знает об этом?

– Да, но, надеюсь...

– Пустяки, – перебила я. – Понятно, почему он был в плохом настроении и почему уговаривал меня уехать. Мне полезно рассеяться после такого удара. А вид алмазов будет способствовать исцелению разбитого сердца.

– Не думаю, что алмазы – лучшее лекарство для вашего сердца.

– Я тоже не думаю. Но поглядеть на них могу. Пожалуй, хорошо, что вы предлагаете мне съездить туда.

Поколебавшись, я решилась на откровенность:

– Очень долго мне казалось, что меня многое связывает с этим человеком. Я хорошо изучила его и мирилась с тем, что он начисто лишен каких-либо человеческих чувств. Представьте, насколько неожиданным явилось для меня открытие, что в нем таки пробудились чувства, что он готов был совершить преступление ради любви к женщине. Это представлялось мне совершенно невозможным, и, как выясняется, я была права. Несчастливая Мадлен – попросту очередная обманутая дурочка. Я даже не питаю к ней злости, мне ее жаль. Зато испытываю полнейшее удовлетворение – чувство не очень-то похвальное, но очень полезное для нервной системы...

Выкладывая все это, я в то же время сознавала, что дело обстоит не совсем так, как я говорю. Какое там разбитое сердце! Измена Дьявола не была для меня неожиданностью. Я должна была примириться с его равнодушием ко мне по крайней мере уже три года назад. И умом, и сердцем я это сознавала и тем не менее питала все еще какую-то неясную надежду, что свойственно каждой женщине. И хорошо, что на меня это свалилось именно сейчас, сразу же после этой сумасшедшей истории, как бы резко отделившей всю мою прежнюю жизнь от той, которая мне еще предстоит. Прошлое подохло, и черт с ним! Нельзя два раза войти в одну и ту же реку... Тут я услышала, что он говорит:

– ...ну и как, вы решились? Через неделю отправится экспедиция за сокровищами. Хотите, я подожду два-три дня, чтобы мы поехали вместе. Но может быть, вам сейчас неприятно мое общество? Может, вы предпочли бы какое-то время вообще обходиться без общества?

– Мне кажется, – сказала я, подумав, – что мое настроение начинает понемногу меняться. Я становлюсь более общительной. Пожалуй, полковник прав – мне сейчас очень кстати небольшая развлекательная прогулка. И для здоровья полезна. А не буду ли я вам мешать?

– О, вам совсем не к лицу лицемерие, – живо отозвался он. – И не думаете ли вы, что я буду лично извлекать сокровища? Этим займутся компетентные лица. А мне положен отпуск. И я как раз собирался сообщить вам, что приобрел конфискованную яхту «Морская звезда». Немного ее побило о скалы, но совсем немного. Сейчас ее ремонтируют. Вот я и подумал... может быть, вы не против того, чтобы отправиться на ней в рейс? Плыть не спеша, туда, куда захочется...

Передо мной открылось залитое солнцем безграничное пространство воды и неба. Я вновь слышала божественные звуки волн, разрезаемых носом быстро несущейся яхты. Растаяли стены, потолок и пол номера в гостинице «Европейской», и вместо них появилась застекленная рубка яхты, а под ногами я вновь ощутила палубу, покачивающуюся на длинной атлантической волне.

И прежде чем я успела сдержаться, я услышала собственный голос, в котором звучали надежда и радость:

– А вы сумеете найти там автопилот и включить его?!